

КОРА
АНТАРОВА

ДВЕ
ЖИЗНИ

в обновленной редакции

II
ЧАСТЬ

Конкордия Антарова
Две жизни. Часть II

«Издательство АСТ»

1993

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Антарова К. Е.

Две жизни. Часть II / К. Е. Антарова — «Издательство АСТ»,
1993

Книга «Две жизни» – мистический роман, который популярен у людей, интересующихся идеями Теософии и Учением Живой Этики. Во второй части романа читателей ждет встреча с высшим светом Лондона, в котором есть место для блеска и коварства, счастья и крушения надежд... Впервые в книге, предназначенной для широкого круга читателей, даются яркие и глубокие Образы Великих Учителей, выписанные с огромной любовью, показан Их самоотверженный труд по раскрытию Духа человека. Теперь каждый из нас может приобщиться к Великой Истине, открыть для себя все новые и новые знания, которые на самом деле находятся всегда внутри нас...

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Антарова К. Е., 1993
© Издательство АСТ, 1993

Содержание

Том 1	5
Глава I	5
Глава II	37
Глава III	47
Глава IV	56
Глава V	66
Глава VI	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Кора Антарова

Две жизни. Часть II

Том 1

Глава I

Бегство капитана Т. и Наль из К. в Лондон. Свадьба

Спешно покинув сад дома дяди Али, Наль, в сопровождении двух слуг, из которых один был ее двоюродным дядей, переодетым слугою, молодого Али и капитана Т., вошла в его дом, где она никогда не бывала и даже представить себе не могла, что такое может случиться. Выросшая в двойственной обстановке, даваемая всеми условностями гаремной жизни, Наль тем не менее была образованна и теоретически знала жизнь цивилизованного и культурного общества благодаря Али Мохаммеду, который боролся с затворничеством женщин всюду, где только была для этого возможность.

У Наль всегда были европейское платье и обувь, к которым ее, как бы играя, приучал дядя Али, вызывая негодование старой тетки и прочего синклита из муллы и его фанатиков-правоверных.

И девушка безо всяких затруднений переделалась в костюм, приготовленный для нее дядей. Смеясь, она закутала молодого Али Махмуда в свой розовый свадебный халат и драгоценные покрывала. Без плача рассталась она с братом, только кинулась ему на шею, хотя в глазах обоих блестели слезы.

– Мужайся, Наль. Все случилось не так, как я предполагал, но... будь счастлива, вспоминай иногда меня и верь: если дядя Али сказал, так оно и должно быть. Если он тебя отдал капитану Т. – значит, таков твой путь. А счастье твое зависит от тебя. Не бойся ничего. Иди весело и старайся понять, зачем дядя создает тебе другую жизнь. Одно только помни: у нас с тобою общий завет – верность до конца. Будь верна капитану так же, как ты верна дяде Али. И ты везде победишь.

Голос молодого Али дрожал, лицо было вдохновенно и прекрасно. Оно сейчас жило. Ничто в нем не напоминало того полумертвого существа, которое с отчаянием смотрело, как Наль подает капитану цветок.

– Время. Прощай, сестра. Я всегда буду тебе верным другом, и нет для нас ни расстояния, ни разлуки.

Взяв пару крошечных туфелек в руки, завернувшись в покрывало, Али выскользнул из дома и пропал во тьме.

Насколько просто было для Наль переодеться в европейское платье, настолько же трудно оказалось побороть привычку к покрывалу и оставаться среди мужчин с открытым лицом. Когда капитан Т. постучал к ней и спросил, можно ли войти, ей было страшно ответить согласием. Увидя ее в простом синем английском костюме и с распущенными до пола косами, перебитыми жемчугом, он пришел в ужас.

Поняв, как нелепо она выглядит и какой уликой являются ее косы, Наль не дала опомниться изумленному капитану и отхватила ножницами косы до пояса.

Она уложила их вокруг головы и надвинула шляпу на лоб.

Набросив на нее легкий шелковый плащ, капитан сказал:

– Унося отсюда дивный образ Али, мы пред ним – муж и жена, Наль. Мы оба повинемся ему, и оба будем до конца дней верны ему. Мы уходим без него, но он с нами. Если вы идете без страха, мы победим и выполним поставленную перед нами задачу.

– Я не знаю страха, капитан Т. Я его не знала никогда. Я ваша жена перед дядей и Богом. И верность моя Богу – это верность дяде и вам, – спокойно ответила Наль.

Слуги вынесли их небольшие чемоданы в коляску. Лошади сразу перешли на рысь, и Наль стала привыкать к темноте.

– Я ни разу не была на улице ночью, даже за воротами сада, – шептала Наль сидевшему рядом с ней капитану, которого едва узнавала в непривычном штатском платье.

– Перейдем на английский, Наль. Теперь вы – графиня, жена лорда Т. Старайтесь держаться высокомерно до глупости, как помните из английских книг. Вот вам покрывало, – и капитан помог Наль обвязать вокруг шляпы и спустить на лицо довольно плотный синий вуаль.

– Как это приятно, – засмеялась Наль. – Разыгрывая из себя гордую даму, я избавлюсь от назойливых разговоров.

– Не забудьте опереться на мою руку и до самого момента отхода поезда изображайте из себя великую даму-икону, для которой на свете существует три рода рабов разных социальных ступеней: я – муж и первый раб – достаиваюсь разговора. Ваш дядя – нечто вроде секретаря – второй раб, к которому снисходят до признания его человеком. А слуга – третий раб, которому только кивают или объясняются с ним жестами. Так всю жизнь живут важные дамы.

Постарайтесь прожить таким образом одну, две недели, пока не выберемся на свежий воздух и не завершится наиболее скучная часть нашей жизни.

Наль не успела ответить, экипаж подкатил к освещенному вокзалу. Лорд Т. вышел первым, подал руку своей закутанной супруге и послал секретаря за заказанными заранее билетами. Через несколько минут подошел поезд, секретарь и слуга устроили своих господ в разных купе и прошли в другой вагон, где ехали сами.

Когда поезд тронулся, лорд лично убедился в том, что его супруга устроена удобно, любезно с ней простился и сказал, что утром придет ее проведать. Все было чуждо Наль, незнакомо и неудобно. У нее было до того растерянное личико, что лорд-муж, уже выйдя в коридор, спросил, не нуждается ли его супруга в секретаре. Обрадовавшись возможности побыть с дядей, Наль просила прислать его немедленно. Лорд послал за ним проводника и оставался в коридоре, перекидываясь со своей супругой малозначащими фразами до тех пор, пока не явился секретарь.

– Графиня желает написать несколько писем, у ней бессонница, – сказал лорд мнимому секретарю. Поцеловав руку жене, он шепнул ему: – Оставайтесь до шести часов. Я займу ваше место утром, а вы отдохнете у меня в купе. Дайте Наль спать, сами дежурьте.

Вернувшись к себе, капитан Т. лег на диван и, приказав себе – как делал это уже много лет – проснуться в шесть часов, мгновенно заснул.

Наль спать не могла. Все ее поражало. Дядя должен был объяснить ей устройство вагона. Он рассказал ей также про весь их путь до Петербурга и описал, как выглядит гостиница в Москве.

– Не знаю, будем ли мы останавливаться там. Думаю, нам надо мчаться во весь дух, чтобы как можно скорее быть в Лондоне, – говорил дядя-слуга. – А как мы туда доберемся?

– Сядем на пароход на Неве, Теперь установлено прямое водное сообщение.

Через семь дней будем в Лондоне.

– Как? Семь дней будем плыть морем? – с удивлением сказала Наль.

– Да, морем. Я, к сожалению, плохо переносю качку. Придется капитану Т. самому карачуху свою важную жену, – смеялся дядя. – Чтобы тебе свыкнуться со своей ролью, важная дама, приступай к ночному туалету. В чемодане найдешь легкое платье. Я посижу у окна, ты переоденься и ложись спать.

– Нет, дядя, спать немислимо. Я могу лечь, если ты этого желаешь. Но ведь от мыслей лопнет голова, если я хоть половины не обдумаю.

Когда через час дядя окликнул племянницу, ответа он не получил. Старик улыбнулся и принялся за чтение. На его безмятежно спокойном лице старого философа не было заметно ни малейшего волнения. Ничто, казалось, не нарушало его равновесия. Он был таким же спокойным и трудоспособным сейчас, как в привычной мирной обстановке своего, окруженного виноградником, дома, где он оставил многочисленную семью. Книга и делаемые им, при неверном свете свечи, пометки помогали ему не замечать мелькавших станций, и он с удивлением приветствовал капитана, тихо вошедшего в купе.

– Говорила, что спать не сможет, – шепотом, лукаво улыбаясь, сказал лорду Т. секретарь. – А вот и непривычная тряска, и стук колес, все молодости нипочем.

Секретарь отправился в отделение своего господина, а тот устроился на соседнем диване.

Наль все спала, по-детски подложив ручку под щеку. Капитан заботливо задвинул щелку в занавеске, через которую к волнистой головке подбирался солнечный луч, и снова сел на свое место. Он впервые видел Наль с закрытыми глазами. Черные длинные ресницы бросали тень на розовые щеки, прелестные губы улыбались. Эта почти детская жизнь принадлежала ему. Еще вчера он считал невозможным не только быть соединенным с Наль, но даже пройти свою жизнь вблизи нее. А сегодня он едет с нею, получив ее из рук Али. Едет, чтобы жить и трудиться, свободно любя ее перед всем миром.

«Счастлив ли человек, который несет ответ сразу за две жизни?» – думал капитан.

Отдавая ему Наль, Али сказал, что она дитя, а он не только муж, но и первый друг-воспитатель.

«О, да, – продолжал думать капитан, – выше той любви, когда человек согласен отвечать за жизнь любимого, и быть не может. Али доверил мне часть самого себя. Я должен продолжать его дело и помочь Наль раскрыть в себе все силы жизни».

– Дядя, знаешь, даже лень глаза открыть. А я хвалилась, что половину мыслей додумаю, – медленно просыпаясь, сказала вдруг Наль. – И, знаешь, очень странный мне снился сон. Я все время видела капитана Т., и мне казалось, что это он сидит рядом, а не ты. И что я его жена и нас венчают по-европейски. Правда, смешно?

– Не очень, Наль.

Наль вскочила с дивана в полной растерянности.

– Как же это случилось, что вы здесь, а я сплю? – огорченно сказала девушка.

– Мне не хотелось будить вас, а дяде надо было отдохнуть. Не огорчайтесь. Надо привыкнуть играть роль моей жены. Не забывайте, что мы беглецы, и от нашего самообладания зависит, насколько талантливо мы сыграем роли и тем спасем свои жизни. И жизни всех тех, кто в эти минуты помогает нам. Трудно вам, Наль, путешествовать впервые, да еще без женской помощи. Будем стараться вести себя так, чтобы нас принимали за важных и влюбленных супругов. Сейчас постарайтесь причесаться. В парикмахеры я не гожусь, хотя гример хороший. Но критиковать вашу прическу – берусь.

– Если вы будете тихо сидеть у окна, капитан Т., я постараюсь причесать голову, как на модной картинке у дяди Али. Только не смотрите на меня, пока я не скажу.

– Не смотреть на ваши парикмахерские таланты до сигнала берусь. Но на модную картинку не согласен. Выньте из волос все украшения и положите косы вокруг головы, как вчера.

– Как? Все, все украшения вынуть? Разве европейские женщины не носят украшений? Это очень скучно.

– Носят, Наль. Но в волосах их носят только на балах, званых обедах, очень изысканно и в меру. Украшения, как шляпы и меха, имеют свои законы.

Иная шляпа надевается только утром, другая – после обеда, а есть шляпы, которые надевают, когда едут в коляске.

– Как же все это постичь, чтобы не быть бестактной и не осрамить дядю Али или вас, капитан Т.? – с уморительной детской серьезностью спрашивала Наль.

– Я думаю, вам, постигшей такие большие духовные задачи и не менее трудные математические истины, вам, Наль, будет легко усвоить внешние правила цивилизации того народа, среди которого мы будем жить. Для начала выньте из волос жемчуг и снимите драгоценности с шеи и ушей. Они чересчур вызывающие для вагона. Найдите какие-нибудь маленькие серьги. А волосы в дороге не украшаются ничем.

– Как странно. У нас именно в дорогу и надевается все самое драгоценное.

Довольно долго капитан так сидел, отвернувшись к окну, думая, как трудно будет Наль привыкать к новой жизни, на каждом шагу натываясь на сложности. – Ну, вот я и готова, – услышал он наконец. Наль стояла перед ним в белой блузке и синей юбке. Волосы ее были гладко причесаны на пробор и уложены вокруг головы. Казалось, этой прелестной головке тяжело от пышных кос, а непривычные шпильки заставляли Наль все время пробовать рукой, на месте ли ее косы. Сквозь тончайший батист просвечивала розовая кожа. Выражение огромных глаз было радостное, доверчивое. Ни облачка сомнений или сожалений о покинутом доме и любимых. Ни малейшей тревоги о неизвестном будущем – ничего этого не было на лице Наль, кроме желания услышать одобрение капитана.

Уверив, что все в ней прекрасно, капитан проводил жену в умывальную комнату и остался ждать в коридоре.

Мысли о Левушке – до сих пор его единственном близком спутнике – пробежали облаком в сердце капитана. Левушка, возвратившийся с пира.

Левушка, распечатавший письмо. Левушка, впервые пускающийся в жизнь без него...

«И здесь я отвечаю за две жизни», – снова подумалось капитану.

Проводив Наль из умывальной комнаты в ее купе, лорд приказал проводнику позвать секретаря. Секретарь, человек опытный и немало путешествовавший, устроил все по части завтраков и обедов. Наль не пришлось об этом беспокоиться, все подавалось в купе.

Первый день путешествия подходил к концу. Наль освоилась с новым бытом, и окружающее перестало ее удивлять. Она больше не поражалась свободе обращения женщин с мужчинами, но выходить, до наступления полной тишины и темноты, из купе она отказывалась. Без всяких приключений, сменяясь на дежурстве, наши путники добрались до Москвы.

Ни слова ни о чем не спросила Наль, и в поезде, следующем в Петербург, уже чувствовала себя свободно.

Часто замечал капитан, что она напряженно размышляет, но не мешал ей решать свои вопросы самой.

В переполненном петербургском поезде им пришлось ехать в одном купе, чему Наль, уже успевшая несколько привыкнуть к своему открытому лицу, очень радовалась.

Она, казалось, не замечала встревоженного вида дяди в Москве, когда тот шепотом что-то говорил капитану. Она была ровна и спокойна и в Петербурге, где их встретили двое незнакомых людей и очень торопили на пароход.

Пораженная великим городом, она с сожалением сказала:

– Проехать мимо всех этих красот, не заглянув никуда, какая жалость, капитан Т.

– Не знать хорошо языка, а только осмотреть дома и галереи – это ведь тоже грустно, Наль. Будет время, и вы увидите много красот, узнаете быт разных народов и сможете, если захотите, вплести свой труд и красоту в их жизнь. Не спешите узнать все сразу. Сейчас помните только, что вы важная дама, моя жена.

Наши пассажиры поднялись на пароход со вторым гудком. И только когда он отошел от берега, Наль заметила, как разошлись суровые морщины на лице капитана и как легко вздохнул дядя.

– Если бы здесь был дядя Али, – прошептала Наль капитану, – он не скрывал бы от меня ничего, видя во мне усердного слугу-помощника. А ведь я ему только племянница.

– Упрек ваш мне тяжел, Наль. Особенно потому, что и я, как Али, вижу в вас друга и помощника. Но пока мы не встретимся с Флорентийцем и не будем обвенчаны, я ничего не могу вам сказать. Даже того, куда и зачем мы едем.

– Если вы не говорите мне ничего только потому, что вы связаны словом дяде Али, – я совершенно спокойна. Я думала, что вы уже не любите своей маленькой жены, которая ничего не знает и даже не понимает, как ей вести себя.

– Простите, граф, что я прерываю вашу беседу, – подошел к капитану Т. капитан парохода, обращаясь к нему по-английски. – Ваши места оказались врозь, – кидая восхищенный взгляд на Наль и кланяясь ей, продолжал капитан.

– Но я могу предоставить вам самую лучшую каюту, куда пассажиры не явились. Если угодно, я велю отыскать вашего секретаря и укажу ему каюту.

– Я чрезвычайно тронут вашей любезностью. Если вас не затруднит устроить нас вместе, а мое место отдать секретарю, мы будем вам очень благодарны.

– Помилуйте, я сам предложил. И буду счастлив служить вашей супруге и вам чем только могу, – ответил, изысканно кланяясь Наль, капитан.

– Как же мы с вами поедem в одной комнате, капитан Т.? – подавляя волнение, сказала Наль.

– Ничего, друг, не беспокойтесь. Вы еще не знаете, как будете переносить качку. Лучше, если братом милосердия при вас буду я, чем кто-либо чужой.

– Мне страшно здесь. Это гораздо хуже, чем поезд. И почему все так смотрят на меня? – тихо спрашивала Наль, стараясь скрыть смущение.

– Нельзя, немислимо быть такой прекрасной, Наль. Я даже не могу сердиться на всех, кто – от матросов до капитана и от юношей до стариков – очарован вами. Если бы я был на их месте и имел бы право только исподтишка смотреть на вас, а не откровенно вами любоваться, как это делаю сейчас, я бы вел себя точно так же. А потому и не могу на них сердиться.

Наль вспыхнула, улыбнулась мужу и сказала:

– Это услышать от вас сейчас мне было нужно. Так много пришлось передумать за эти дни. У нас не такие обычаи. У нас все иначе между мужем и женой. Я думала, что вы недовольны, что уехали со мной.

– Когда мы очутимся в каюте, а не здесь, на ветру, расскажете обо всем, что вы надумали. А пока укройтесь, пожалуйста, Наль, плащом, да, кстати, опустите и вуаль, чтобы ветер не испортил вашу кожу.

– Или ревность не испортила сердца вашему мужу, – низко кланяясь графине, сказал подошедший секретарь. – Наши каюты готовы, лорд, и даже украшены цветами, по приказанию капитана. Кроме того, друзья из К. успели прислать графине два сундука с бельем и платьем, которые тоже стоят в каюте.

Капитан парохода, человек лет сорока, хороших манер и, очевидно, доброго характера, сам уже шел навстречу обратившей на себя всеобщее внимание чете и проводил их до каюты.

– Вот так красавец мужчина, – сказала своей подруге разряженная дама.

– Всю жизнь прожил – подобной женщины и представить себе не мог, – говорил приятелю ловелас с моноклем в глазу и тросточкой.

– Ну, вот придумали, – возразила дама. – Муж – это да! Это мужчина! И где только мог вырасти такой красавец. А жена – смазливенькая, каких много.

– Это просто возмутительно! Рост, пропорциональность фигуры, крошечные ручки и ножки, белизна, – ну, а уж глаза – это небо, – возражал франт.

Как только пароход вышел в открытое море, Наль почувствовала себя плохо.

– Немедленно ложитесь в постель, – сказал граф, на руках внося Наль в каюту. Он позвонил горничной. – Вам сейчас помогут. Примите эти пилюли. Не волнуйтесь. До больших неприятностей дело не дойдет. Но вряд ли вам придется побеждать сердца за табльдотом.

– Не смейтесь надо мной, капитан Т. Мне так горько, что вы даже не взглянули на меня ни разу.

– Напротив, Наль, я все ловил себя на том, что только и делал, что смотрел и думал о вас. А видит Бог, еще о многом надо было подумать.

– Неужели вы уйдете к этому ужасному табльдоту и оставите меня одну?

– Нет, конечно. Я поищу в сундуке, там, наверное, найдется какой-нибудь очаровательный халат. Вы снимете свое платье и будете лежать, изображая загадочную принцессу, скрываемую в каюте Синей бороды. Но прежде всего, я велю принести апельсинов, а вот и девушка вам в помощь.

– О, только девушку не надо. Апельсин я очень хочу. Ванну и постель очень хочу. Но раздеваться и одеваться я дала себе слово сама. Я вижу, как плохо быть приученной иметь семь нянек.

Капитан отправил девушку за фруктами, открыл сундук и, к восхищению Наль, достал оттуда прелестный теплый халат. Бедняжка страдала от прохлады северного лета. Как ни помогали ей лекарства, однако пришлось ей пролежать все путешествие и лишь изредка в солнечные дни сидеть в кресле на палубе.

– Если бы вас не было со мною, я бы умерла от этих дождей и туманов. Это хуже тюрьмы. Но так как вы здесь, то все мне кажется уютным, даже шум ливня, – говорила Наль графу.

Капитан сидел возле Наль, держа ее ручки в своих, и старался помочь ей переносить тяжелую качку.

– Мы встретим в Лондоне друга дяди Али, Флорентийца, – сказал однажды ей капитан. – Флорентийца? Это что? Его имя?

– Так его все зовут, а имени его ни я и никто не знает. Когда вы увидите его, Наль, вы поймете, что такое красота.

– Это странно. Дядя Али – красавец. Али Махомед – красавец, еще лучше. Вы, – зарделась Наль, – всех лучше. Разве можно быть красивее вас.

– Я спрошу вас об этом в Лондоне, – засмеялся граф, – после свидания с Флорентийцем.

Наконец, мученьям Наль настал конец. В одно прохладное, туманное утро пароход подходил к пристани, доставив в Лондон совсем больную Наль, измученных секретаря и слугу и здорового графа Т. Загар на его лице от постоянного сидения в каюте с Наль, болезнь которой выражалась в такой слабости, что к концу путешествия она уже не могла вставать, почти сошел. Отчего лицо его, блондина с вьющимися светлыми волосами и темными, очень красивыми бровями, сильно выиграло.

Поручив вещи носильщикам и уговорив секретаря побыть со слугою на пароходе, пока за ними не вернуться, граф подошел к самому парাপету, пристально вглядываясь в ожидавшую на берегу толпу. Сначала на его лице, кроме напряжения и разочарования, ничего не выражалось. Но когда половина пассажиров уже сошла, он внезапно просиял и, обменявшись с кем-то приветственным жестом, быстро прошел в каюту, укутал жену в плащ и понес ее на берег.

– Привет тебе, Николай. Я очень рад, что вовремя поспел. Но как ни спешил, тебе все же пришлось ждать меня, – говорили по-английски очень приятным, нежным по тембру, но довольно низким голосом.

– Поверьте, я ждал бы до конца разгрузки парохода, раз вы приказали ждать здесь.

– Это по-твоему! Во всем, всегда и везде можно быть уверенным, что ты выполнишь точно приказ, – произнес тот же голос. – Не тревожься о Наль, дай мне ее на руки и веди сюда своих инвалидов. Видишь у сквера зеленую карету? Веди прямо к ней.

Наль почувствовала, как другие сильные руки приподняли ее. Ей показалось, что человек этот намного выше Николая, как назвал незнакомец ее мужа.

Сначала ей хотелось протестовать, сказать, что она вовсе уж не так слаба, чтобы переходить с одних рук на другие. Но едва очутилась она в руках незнакомца, неизъяснимое счастье, почти блаженство, охватило ее.

– Отец, – невольно прошептала Наль. И – точно подслушал незнакомец шепот ее уст и сердца – еще нежнее обхватили ее сильные руки. Точно как в детстве, спасаясь от глупых строгостей тетки на руках дяди Али, Наль почувствовала себя защищенной. Ей и не надо было видеть того, к чьему сердцу она доверчиво приникла, – она чувствовала себя слитой с ним еще крепче, чем с дядей Али.

Николай вернулся со своими спутниками, все разместились в экипаже и двинулись по серым и однообразным улицам, заполненным дымом и туманом. Ехали довольно долго, пока не выбрались на красивую, широкую улицу и остановились у двухэтажного особняка, окруженного садом.

– Доверь мне донести твое сокровище до комнат, назначенных тебе и ей, – обратился Флорентиец к Николаю. – А ты проводи своих друзей в комнаты внизу, с левой стороны. И дай им немедленно лекарство, ты знаешь, какое и как. Часа три, четыре они проспят и тогда смогут кушать. Сам же, уложив их, приходи наверх. Услышишь наши голоса – на них и иди.

Легко, как будто бы Наль была куклой, вышел Флорентиец из экипажа, сказав что-то на непонятном ей языке, очевидно, слуге, и стал подниматься по лестнице.

Наль было стыдно, что ее несут, как дитя. Ей было неловко обременять кого-то собой, и вместе с тем чувство необычайного счастья, радости и впервые узнанной ею любви к отцу заставляло ее сожалеть, что лестница не бесконечна, что уже пройдена одна площадка и скоро ее поставят на ноги.

Положив ее на диван. Флорентиец, смеясь, откинул с ее головы плащ и ласково сказал:

– Теперь посмотри на того, кого в мыслях ты уже признала отцом. Быть может, взглянув, ты не захочешь выговорить это слово? Или сердце твое угадало раньше уст?

– О, как вы прекрасны, отец. Аллах, Аллах, как вы сияете! – прикрывая глаза рукой, сказала Наль. – О отец, теперь я не смогу больше жить без вас! Позвольте мне поцеловать ваши руки. Мне кажется, первый раз в жизни я понимаю, что такое счастье. Здесь, подле вас, ничего не надо. Только бы исполнять вашу волю.

Наль соскользнула с дивана на ковер и приникла к рукам Флорентийца, сидевшего на низкой табуретке у ее изголовья.

– Встань, дитя, мы с тобой будем долго вместе. И я рад ответить любовью на твой зов. Будь моею дочерью, как твой муж, Николай, уже давно мой сын.

Называя меня отцом, ты только берешь то, на что имеешь право. Вот, съешь эту конфету, и через час будешь бегать не хуже, чем по саду дяди Али.

Можешь ли объяснить мне и себе ясно: почему, будучи воспитана Али, обожая его, любимая им, ты назвала меня отцом и заявила свое право на это, прикоснувшись ко мне? Его же ты ни разу так не назвала.

– Это очень странно, отец. Действительно, ведь все, что я имела в жизни до сих пор, – все от дяди Али. Все через него. Все – его заботами и даже борьбой и подвигом. Все, все, – зардевшись, говорила Наль, – и... капитан Т., которого ты зовешь Николаем, и даже встреча с тобой, отец, – все только от него, дяди Али.

Но объяснить вряд ли смогу, почему моя любовь к дяде Али была не то чтобы со страхом смешана... Но он так силен. Так недосыгаемо высок, что почувствовать себя с ним так просто, как с тобой, я никогда не могла. Я все чувствовала, что между нами словно огромная гора света, и проникнуть за нее я не могла. А увидела тебя, отец, и даже еще не видя, уже почувствовала, как мне просто, как легко с тобой. Если ты меня оставишь – я жить уже не смогу.

Даже любовь Николая, если бы он любил меня, – горько вздохнула Наль, – меня не удержала бы на Земле без тебя.

– Если бы Николай любил тебя, дочь? Что это значит? В чем ты сомневаешься?

– Нет, отец, я ни в чем не сомневаюсь. Если дядя Али послал меня сюда, – значит, здесь моя жизнь и судьба. Я встретила тебя и теперь понимаю, что дядя послал меня к тебе. Он только сказал, что мы с Николаем – муж и жена.

Но, видно, иначе он отослать меня к тебе не мог.

– Но кто сказал тебе, что брак ваш не состоится? Что Николай тебя не любит?

– Никто не говорил. Только, видишь, когда я стала невестой, перед брачным пиром тетка все объясняла мне, как муж обращается с женой, если ее любит.

Но...

– Смейся, дитя, над всеми предрассудками мира, а особенно над теми утлыми понятиями, что вынесла ты из гаремной жизни. Немного времени пройдет, и ты поймешь всю силу любви и преданности Николая. Немало жертв Николай тебе принес, и ты их узнаешь. Будь с ним так же проста и честна, как сейчас со мной. И ты поможешь и мне, и дяде Али. А помощь ваша прежде всего заключается в той новой, освобожденной семье, которую вы оба должны создать.

Ну, вот и муж твой. Сюда, Николай.

Приподняв портьеру, на пороге показался Николай.

– Ну, конечно, я не сомневался, что Наль будет сразу поднята на ноги вашим волшебным присутствием, Флорентиец. Она так сияет, что мне не о чем спрашивать.

– Отец приказал мне звать вас Николаем. Мне хотелось бы называть вас как-то иначе, чем зовет вас Левушка. Но я буду звать вас так, как зовет отец. У меня в ушах будут звенеть два голоса – его и мой собственный – каждый раз, когда я буду произносить: «Николай».

Флорентиец засмеялся, а на лице Николая выразилось удивление.

– Все это хорошо, дочь моя, времени у нас впереди много, мы еще обо всем поговорим. А сейчас иди в ванную. Надо одеться к лицу и сойти вниз завтракать. Я приготовил для тебя девушку-горничную. Она никогда этим раньше не занималась, но жизнь того потребовала. У нее – старушка мать и младший брат, которого надо учить. А найти женщине в Лондоне кусок хлеба, чтобы содержать еще двух человек, – почти невозможно. Я взял ее к себе, имея в виду куда-либо пристроить. Она знает языки, знает этикет, у нее много вкуса. И будет тебе полезна. Я ее сейчас приведу.

Флорентиец скрылся так быстро, что Наль ничего ответить не успела.

Спустившись с лестницы, он вошел в чудесную комнату с балконом, обитую зелеными шелковыми обоями и обставленную немногими старинными вещами. Шкафы с книгами и письменный стол были из светлого, золотистого дерева, с инкрустацией из черепахи. Пройдя комнату, он вышел на балкон и позвал:

– Дория, пройди ко мне сейчас же.

В саду слышались поспешные шаги, и на дорожке показалась высокая женская фигура. Женщина прошла через балкон в комнату.

– Садись, Дория. Ты просила меня помочь тебе. Сама знаешь, как много Ананда для тебя сделал, и как ты, дав обет беспристрастия и отказа от зависти, нарушила его. Тяжела теперь твоя жизнь, ставящая тебя постоянно в положение существа зависимого, второстепенного. На каждом шагу она выбивает из тебя крючки зависти и ревности.

– Да, жизнь была мне тяжела, когда я лишилась своего руководителя Ананды.

Я страдала и до сих пор страдаю от сознания, что ударила в моего милосердного поручителя стрелами страсти и зависти. Но жизнь в вашем доме – более чем счастье. Мое сердце чисто. В нем теперь нет ни зависти, ни пристрастий, ни осуждения, но я должна доказать, что понимаю теперь счастье жить в служении вам. И этим снять с Ананды ответ за себя.

– Уверена ли ты, что всякий труд понесешь радостно? Что не проснутся в тебе вновь гордость и чувство унижения? Или ревность и зависть к чужой блестящей жизни?

– Я уверена. Уверена не в себе, не в своих качествах. Я уверена в истинности любви к людям, проснувшейся во мне.

– Если бы я сказал тебе стать слугой у юной, прекрасной как мечта женщины? Служить ей горничной, нянькой, потому что она неопытна, как дитя.

Быть ей незаметно наставницей по части манер и одежды, потому что она азиатка и не знает не только света, но даже не видела вовсе европейской жизни. Как отнеслась бы ты к такому труду?

– Служа ей, я служила бы вам. Служа вам, я искупила бы грех перед Анандой и вернулась к нему.

Долго-долго смотрел на Дорию Флорентиец. Так долго, что у женщины участилось дыхание. Точно до самого дна проникал его взгляд и читал не только ее теперешнее состояние, но и всю будущую ее жизнь и возможности.

Наконец он встал, улыбнулся и сказал:

– Слово твое отзовется в веках. Я ставлю свою подпись под твоим новым обещанием. Дитя, за которым я поручаю тебе уход, надежда многих. Я не знаю, насколько великодушна будет она к тебе поначалу и будет ли вообще.

– Я сама буду великодушна. Благословите меня. Флорентиец, я думаю, что больше не поскользнусь, под какой бы личиной ни пыталось проникнуть ко мне зло.

Дория опустила на колени, прижала к губам дивную руку Флорентийца, который положил ей на голову свою вторую руку.

– Пойдем, она ждет, – сказал Флорентиец, поднимая Дорию.

Дория отерла влажные глаза и казалась удивленной.

– Да, это здесь, в моем доме, и тебе никуда уезжать не надо.

– Какое счастье, – радостно воскликнула Дория. Флорентиец направился к выходу и, оглянувшись в дверях, сказал ей, улыбаясь:

– Привыкай к роли горничной и учись ходить позади госпожи и господ.

Войдя к Наль, он подвел к ней Дорию и сказал:

– Вот горничная, как я тебе обещал, дочь. Ее зовут Дория.

– О, какое красивое имя, не менее красивое, чем вы сами, – подымаясь с дивана и положив руку на плечо Дории, сказала Наль.

Дория поднесла к губам руку своей новой хозяйки и сказала, что будет стараться служить ей так верно, как только сумеет.

– О Дория, как вы меня огорчили. Зачем вы поцеловали мне руку. Я возвращаю вам поцелуй. – И раньше, чем кто – либо успел опомниться, Наль поцеловала руку сконфуженной Дории.

– Я не знаю света, Дория. Но дядя Али научил меня, что нет в жизни слуг и господ, а есть люди, цвет крови которых одинаково красен. Не слугой вы будете мне, но другом, наставницей в тысяче новых для меня вещей, которых я не знаю.

Отец, я уже успела осмотреть комнаты, что вы назначили мне. Куда мне столько? Можно Дории жить в прелестной угловой, выходящей в сад? Я бы так хотела, чтобы ей было легко и весело со мною.

– Ты маленькая хозяйка и своих комнат, и Дории. Поступай, как хочешь. Боюсь, что своим восточным очарованием ты не только меня с Николаем, но и весь дом скоро заберешь в плен, – шутил Флорентиец. – Но времени теперь не теряй. Приведи себя в порядок и спускайся завтракать по звуку гонга. Он дается за четверть часа.

С этими словами хозяин дома ушел, уводя с собой Николая.

– Дория, друг. Я совсем ничего не умею делать и не знаю, что в этих сундуках. Они открыты, но что выбрать, чтобы нарядно и подходяще к случаю одеться, я не знаю.

– Не беспокойтесь, графиня, ванна уже готова, я усажу вас в нее и вернусь поискать что-нибудь подходящее. Вы наденете то, что вам понравится больше.

Если же не понравится ни один из туалетов, мы потом съездим в город и купим все, что будет нужно.

– Дория, у нас не принято, чтобы девушки звали свою хозяйку иначе, чем по имени. Прошу вас, когда мы одни, зовите меня Наль, как у нас в стране. Если же здешние приличия требуют меня величать, то величайте только на людях.

Выйдя из ванны, освеженная, прекрасная, точно весенний цветок, Наль с детским восторгом рассматривала приготовленные Дорией платья.

– Эти все годятся для завтрака, – сказала горничная, усаживая свою госпожу перед большим зеркалом. – Господи, как вы прекрасны, – сказала она, распуская ее роскошные волосы.

Кто-то постучал в дверь, и слуга сунул Дории в руки узелок, завязанный в чудесный персидский платок.

– Для Наль, – сказал он и ушел.

Наль развернула узелок, и оттуда выпали две косы, перевитые жемчугом, с драгоценными наконечниками на концах, отрезанные ею в день бегства из К. Там же было и роскошное покрывало.

– Что это? Точь-в-точь ваши вьющиеся волосы.

– Они самые и есть. Шляпа на них не лезла, да и выдали бы меня с головой. Даже у нас, где у многих хорошие волосы, мои косы до полу всех удивляли. Вот я их и отрезала, – спокойно ответила Наль.

– И вам не жаль было лишать себя такой исключительной красоты?

– Ах, Дория. Красота – это такое растяжимое понятие. До сегодняшнего дня я думала, что мой муж красивее всех на свете. А сегодня поняла, что красота может быть еще и божественно прекрасна.

– Да, – засмеялась Дория, – я согласна, что вы божественно прекрасны, и никакая богиня Олимпа вам не страшна. Но разрешите мне причесать вас по моде, а то мы гонг пропустим.

Уложив волосы Наль большим узлом на затылке, спустив по бокам небольшие локоны, Дория укрепила прическу желтым черепаховым гребнем и такими же шпильками, отделанными мелкими бриллиантами. Наль стала выбирать платья.

– У нас надевают много халатов, один на другой. А как по вашему обычаю, нельзя ли надеть все платья сразу? Они так прекрасны.

– Нет, никак нельзя, – смеясь, разводила руками Дория. – Надо решиться на что-нибудь одно.

– Как жаль, – так серьезно сказала Наль, что Дория снова покатила со смеху. Наль вторила ей и, наконец, надела золотистого мягкого шелка платье, отделанное у шеи и рукавов кружевом. Тонкая, высокая шея, выступающая из едва открытого ворота, короткие рукава, – все изменяло Наль до неузнаваемости.

– Я вижу, вернее слышу, что вы превесело одеваетесь. Можно войти? – услышала Наль голос Николая.

– Ах, нет, никак, – закрывая обнаженную шею и ища, чем бы прикрыть голые руки и обтянутое платьем тело, вскрикнула Наль.

– Как нельзя? Да ведь вы совершенно готовы, – удивился Николай, видя свою жену в полном туалете.

Наль, закрывая все так же шею, с полными слез глазами стояла перед ним.

– Что случилось, Наль? Кто вас обидел? В чем дело? Я только хотел сказать, как вы необычайно хороши в этом платье, но ваши слезы расстроили меня. Я даже забыл, зачем пришел.

– Ну, уж я понял, что без меня здесь не обойдется. И чтобы первый завтрак прошел весело, явился сам вести тебя в столовую, дочь моя, – сказал Флорентиец. – Тебе неудобно и неловко в доме отца, а им ты меня признала, в обществе мужа, которого любишь, находиться с открытой шеей и руками? Это предрассудок, дитя. Брось его. К чистой женщине, к ее чистым мыслям не могут прилипнуть ничьи грязные взгляды и мысли. Тебе придется бывать с открытыми плечами среди большой толпы. Привыкай и помни одно: атмосфера чистоты невыносима для зла. Оно бежит ее. Надо иметь в самой себе что-то злое, чтобы зло могло коснуться тебя.

Он взял из рук Николая футляр, открыл его и вынул два крупных камня грушевидной формы, зеленый и бриллиант, на тонкой цепочке из таких же, только мелких камней.

– Позволь мне надеть тебе на шею эти камни. Белый дарит тебе твой дядя Али – это камень силы. Зеленый даю тебе я – это камень такта и обаяния, камень чистоты и умения приспособиться ко всем обстоятельствам жизни.

Он надел на шею Наль цепочку, и камни заиграли на белых кружевах. Наль подняла свои огромные глаза и улыбнулась. Рядом с величественным Флорентийцем, на прекрасном лице которого лежал безмятежный мир, она была похожа на ребенка.

– Возьми мою руку, как обучил тебя Николай, и пойдем в мою комнату. Там ты встретишь двух моих друзей. Не растеряйся, если они поцелуют тебе руку. А за столом мы с Николаем постараемся показать тебе фокусы моды и этикета, называемые воспитанием, так, чтобы кроме тебя одной этого никто не заметил.

Сойдя с лестницы, Флорентиец ввел Наль в свою зеленую комнату.

– Как прекрасно здесь! Какой балкон! Сколько книг, почти столько, что и у Николая.

– Гораздо больше. Здесь, в глубине дома, одна из лучших частных библиотек, Наль, – сказал Николай жене.

Раздался стук в дверь, и друг за другом вошли в комнату двое мужчин, которых хозяин сердечно приветствовал и, взяв обоих под руки, подвел к Наль.

– Позволь тебе представить, Наль, моих друзей. Это – лорд Мильдрей, а это просто индус, студент Оксфордского университета, Сандра Сантанаида. Для тебя просто Сандра. Он еще мальчишка и, наверное, будет играть с тобой в куклы.

Моя дочь, – закончил Флорентиец.

Лорд Мильдрей, на вид лет под тридцать, плотный, серьезный, с большими, добрыми и пронзительными глазами, приветливо улыбался. Низко склонившись, он почтительно поцеловал руку Наль, подал ей две розы и молча отошел. Он был, видимо, поражен красотой Наль и тем, что у Флорентийца оказалась дочь, чего раньше он не знал.

Сандра, смуглый, с живыми, блестящими, черными как уголь глазами, напомнившими Наль об Али, не мог сдержать смеха при упоминании о куклах. И зубы на его смуглом лице сверкали точно мраморные.

– Простите, графиня, но ваш отец заставил меня разом забыть о приличиях, которым так долго и терпеливо обучает меня мой друг, лорд Мильдрей. Будьте великодушны к оксфордскому отшельнику, не так давно приехавшему из Индии, и для первого раза – простите. – И Сандра поцеловал протянутую руку так сердечно, что Наль почувствовала себя очень просто.

Гонг ударил вторично. Флорентиец подошел к Наль и повел ее к столу.

Стараясь держаться как можно увереннее, Наль все же не могла скрыть изумления, войдя в столовую, высокие стены и потолок которой были из резного, темного дерева. Флорентиец подвел Наль к длинному столу и посадил ее на место хозяйки. Поклонившись Наль, он занял место по правую ее руку, по левую сел Николай, рядом с ним лорд Мильдрей, а Сандра возле Флорентийца.

В первый раз в жизни не только без покрывала в обществе мужчин, но еще с открытой шеей и руками, Наль чувствовала себя совсем расстроенной. И только сознание, что рядом с ней ее верные защитники, которым она добровольно вручила свою судьбу, помогло ей наблюдать, что и как они делали, и учиться жить по-европейски. Она старалась забыть о себе и думать только о них, чтобы поскорее перенять все и облегчить им их заботы.

– Ну, Сандра, как идут твои уроки воспитания? – услышала она голос Флорентийца.

– Из рук вон плохо, – весело ответил индус.

– Неужели все бегаешь по улицам, шагаешь через три ступеньки и не помнишь, из какой рюмки что нужно пить?

– О, много хуже, лорд Бенедикт, – ответил Сандра, немало озадачив Наль таким обращением.

Она с удивлением взглянула на Николая, говорившего ей совсем недавно, что у Флорентийца иного имени нет. В глазах Николая засветился юмор, но этот немой вопрос он оставил без ответа.

– Мои таланты по части усвоения галантности приводят в отчаяние моего доброго наставника. Куда бы он меня ни ввел, я непременно оскандаюсь и уж вторично не рискую являться в тот дом, что немало меня печалит, – со вздохом признался Сандра.

– Зато таланты моего молодого друга в науке поразительны, – вмешался лорд Мильдрей, – он сразу перепрыгнул через два курса и недавно сделал работу, которую профессура признала гениальной.

– Я многим вам обязан, граф, – сказал Сандра, обращаясь к Николаю. – Обе книги, изданные вами под именем капитана Т., как и последняя брошюра о технике и математике, дали моей разработке такой основательный фундамент, что мне стыдно принимать похвалы одному. В предисловии я упомянул источник моего вдохновения – вас. Удивление Наль нарастало. Легкое прикосновение руки Флорентийца вернуло ее на землю.

– После завтрака я расскажу тебе, Наль, об одном моем молодом друге, имя которого Левушка. И объясню, чем ты мне его напомнила, – тихо сказал Флорентиец, пока между Николаем и Сандрой шел ученый разговор.

Воспользовавшись минутным молчанием, Флорентиец спросил Сандру:

– Все же ты мне не объяснил, за что тебя не впускают вторично в приличные дома.

– Ах, лорд Бенедикт, это ведь трагедия. Только что лорд Мильдрей растолковал мне, что дамам надо кланяться издали. Идти за ними осторожно, дабы не оборвать оборки на шлейфе и т. д. Я все это учел, благополучно довел даму до места и подал ей чашку чая. Завязал я, по моему разумению, самый светский разговор, но мать нашла беседу мало приличной, под села ближе, чтобы руководить нами, и подсунула мне под ноги свой несносный шлейф. Ну и, конечно, когда я встал, юбка отскочила от пояса, и было это так смешно, что многие рассмеялись. Виноват ли я, что вся техника ее платья заключалась в булавках?

– Он, видите ли, лорд Бенедикт, завел с дочерью разговор о курах и телятах, – снова вмешался лорд Мильдрей. – Ну сами понимаете...

Звонкий смех Наль утонул в общем смехе. Вставая из-за стола, Наль несколько раз попробовала, крепко ли сидит на ней юбка, чем насмешила все подмечавшего Николая. Перейдя в гостиную, Наль была удивлена, что золотистые обои, мебель и портьеры с коричневыми кистями и мелким бордюром из белых лилий были почти в тон ее платью.

Флорентиец предложил Наль самой подать гостям маленькие чашечки кофе.

Наль сделала это с такой особенной грацией и изяществом, что Сандра воскликнул:

– Клянусь всеми богами Востока, что, если бы лорд Бенедикт не поразил меня сегодня, назвав вас своей дочерью, я готов был бы присягнуть, что вы приехали с Востока.

– Я тебя еще больше удивлю сейчас, – поглядев серьезно на Наль, сказал Флорентиец. – Завтра моя дочь выходит замуж. Обряд венчания должен совершиться без всякой пышности,

без толпы и оповещения. Ты говорил, что у тебя завелся поклонник твоей мудрости – пастор. Не может ли он совершить обряд, ни о чем нас не спрашивая и не требуя оглашения?

– Помилосердствуйте, лорд Бенедикт, когда же я вам говорил, что он поклонник моей мудрости? Он просто мой большой приятель, прощающий мне мои погрешности в этикете. Человек он исключительно честный и добрый и рад всем услужить. Я немедленно к нему отправлюсь и сообщу вам его ответ.

Проглотив кофе, Сандра встал, чтобы исполнить желание хозяина.

– Чтобы ускорить дело, садись в мой экипаж и, если сможешь, привези пастора. Здесь он сам увидит жениха и невесту...

– И не устоит против ее чар, – смеясь, перебил Флорентийца Сандра. – Еду, ручаюсь, что пастора привезу. – Отдав общий поклон, Сандра вышел.

– Вы не откажетесь, лорд Мильдрей, быть свидетелем на свадьбе моей дочери? – спросил второго гостя Флорентиец.

– Сочту большим счастьем присутствовать при соединении пары такой красоты. Я думаю, что, если бы мог прожить еще десять жизней, второй такой свадьбы я уж не увидел бы, – ответил лорд Мильдрей.

– Вы совсем переконфузили Наль, – рассмеялся хозяин. Лицо Наль было задумчиво, даже немного печально. Казалось, она даже не слышала, о чем говорили вокруг.

– Отец, я хотела бы написать дяде Али. Письмо мое, конечно, не успеет дозавтра к нему. Но все же я хотела бы ему написать.

– Другими словами, ты желаешь нас покинуть до приезда пастора. Ну что же, как нам ни приятно твое очаровательное общество, уж так и быть, мы перенесем час-другой разлуки. Можешь не торопиться, пастор живет на другом конце Лондона и одной езды к нему минут сорок.

Вернувшись к себе и застав Дорию за разборкой сундуков, Наль была удивлена количеством поместившихся там вещей. Но на этот раз, едва взглянув на ворох красивых платьев, она перешла в свой будуар и, плотно закрыв дверь, села за письмо.

«Мой дорогой дядя Али. Сейчас я живу в Лондоне, в доме человека, которого никогда не знала и не видела, и в моей жизни совершаются чудеса, одно за другим.

Сейчас я расскажу тебе, мой любимый дядя, о первом и самом великом чуде, совершившемся сегодня. Я знаю, что не найду точных слов, чтобы его выразить.

Но также знаю, с раннего детства знаю, что, если только я всем сердцем тебя зову, – ты тотчас же отвечаешь мне. Ах, вот и сейчас так ясно вижу твои черные глаза, добрые, благословляющие. Их лучи точно проникают в меня, согревают. И теперь я знаю, что найду нужные слова, – ты поймешь все, что мне необходимо тебе сказать.

Дядя, как могло случиться, что возвращенная, воспитанная, скажу прямо – созданная тобой, я ни разу не назвала тебя отцом? Ты и я – для меня как бы одна плоть, один дух. Я всегда, везде, во всем точно где-то сбоку от тебя. Я – часть тебя. Меня невозможно оторвать, потому что сердце мое вросло в твое, а образ твой – он как бы сверкает у меня между глаз, ощущая его вросшим в мой лоб.

Отец ли ты мне после этого? Отец. А между тем, имея все в жизни от тебя, через тебя, все – от детства и защиты до любви и мужа, – я никогда не сказала тебе этого слова. А здесь, сегодня, неведомый мне доселе твой друг Флорентиец взял меня на руки – и сердце мое утонуло в блаженстве и сказала: «Отец».

Когда я увидела его, мои уста повторили это слово и выдали еще одну тайну, скрытую в сердце: что жить без него, того, кому я сказала «отец», я уже больше не смогу.

Тебя нет со мной, но как ясно сейчас вижу тебя в твоём саду, точно я рядом с тобой, и я живу. Я уехала от тебя, дядя, не без скорби и тревог, хотя сила твоя, – я ее чувствую, – трепещет во мне так же, как жила и трепетала при тебе и с первых минут разлуки с тобой. Я уехала с мужем, которого ты мне дал. Я все это время дышала, жила, любила. Но теперь, если бы жизнь повернулась так, что из нее для меня исчез бы тот, кому я сказала: «Отец», – я бы уже жить не могла. Разве только подле тебя, дядя, тою силой, что лилась и льется сейчас в меня от тебя. У меня такое чувство, точно я тебя обокрала. Точно взяла у тебя кусок жизни, а возвращаю часть любви, не всю любовь до конца.

Но ведь на самом деле это не так, дядя Али. Ты для меня – все, вся суть жизни. Если бы ушел из жизни ты, я ушла бы не от тоски, а как часть тебя, хотела бы или не хотела бы я этого, выбирала бы или не выбирала бы себе такую долю.

Главное в моей теперешней жизни – это он. Тот, кому я сказала: «Отец». Не знаю, поймешь ли ты меня, я так путано выражаюсь. В нем, в отце, светит такое обаяние, такой радостью веет от него, точно какой-то путь из света тянется за ним и перед ним. И мне не надо закрывать глаза рукой и говорить, как тебе: «Дядя Али, убери свой свет, он меня слепит». Его свет я не только выношу – он несет мне блаженство. От твоей силы я падала, точно разбитая, а его сила – уверенность в защите. Но и это еще не все, мой друг, мой обожаемый дядя Али. Ты дал мне в мужья того, кого я любила после тебя больше всего. Я ехала легко, я думала, что им тоже любима. Если и не так любима, как любят женщин у нас, то все же любима. Но этого, дядя, нет. Отец сказал сейчас, что завтра будет наша свадьба. А я не плачу только потому, что помню, как, расставаясь, ты мне сказал: «Там твой путь».

Сила твоя вошла в меня – о, как я ясно вижу тебя сейчас, как ласково ты улыбаешься мне. Я маленькая женщина, я ничего еще не знаю, но сила твоя, верность твоя живут во мне и будут жить до смерти. Ты пойми, дядя Али, мой дядя-создатель. Я не протестую, но я чувствую себя навязанной.

Отец сказал, что помощь моя тебе, ему и многим будет заключаться в той новой, освобожденной семье, что мы с Николаем должны создать. Я знаю, что такое закрепощение в предрассудках. Знаю уродливую семью, где выросла сама.

Думаю, что знаю, как должны создаваться радостные, гармоничные семьи. Но для этого нужны двое. Для этого нужна любовь обоюдная. А Николай меня не любит.

Он не только не прижал меня к сердцу ни разу, он даже не поцеловал меня, не обнял, не приласкал. Он точно боится меня и говорит мне «вы». О, дядя, вдохни в меня уверенность. Моя верность тебе и данному тобой завету поколебаться не могут: они живут в тебе, я их там беру, я часть тебя. Но что толку держать верность в сердце и не уметь действовать каждый день именно так, как надо...

Я знаю теперь, я поняла все, что ты сейчас мне говоришь, дядя, дядя, я услышала все, что ты сказал! Какое счастье, что я теперь понимаю, что ты послал меня сюда к отцу! Да, да, теперь я буду знать, как мне завоевать любовь мужа, как мне создать семью. Он – отец – научит меня, и ты об этом знал. О, это

снимает бремя с моей души. Я не могу вообще выносить ни в чем компромисса или двойственности. Меня так мучило, что ты можешь подумать, будто где-то, краешком сердца я изменила тебе.

Я ношу в своем сердце скорбь о горе Али Махомеда. Но, видит Аллах, я ему ничем и никогда не подала надежды.

Напротив, я ему доверила тайну моей любви к капитану. Он ей не верил и шутил, называя его принцем из сказки. До свиданья, дядя. Я снова твоя счастливая Наль. Я уже не буду горевать, я буду стараться действовать просто. Теперь, когда я вдруг увидела тебя, услышала твои слова, – я знаю, как, где и у кого спрашивать совета, если отец не сможет мне его дать. И мне легко, я знаю, как тебя позвать. Я буду садиться за письмо к тебе – и увижу тебя в твоём саду, а потому буду всегда твоей счастливой Наль».

В дверь постучали, и Николай вошел звать Наль знакомиться с пастором.

– Бог мой, что с вами, Наль? Вас точно подменили. Вы уходили такая печальная, а сейчас, право, точно пропитались светом и миром в саду Али.

– Это верно. Мои детские горести рассеял дядя Али. Его сад, в котором побывали мои мысли, развеял этот противный туман. А если бы вы разрешили мне надеть еще какой-нибудь шарф, мне было бы и удобнее, и теплее. Здесь мне все холодно.

Николай позвонил и приказал Дории подать графине какой-нибудь теплый шарф.

Через минуту он привел закутанную в белую шаль супругу в гостиную.

– Ну вот, теперь вы видите перед собой обоих моих детей, – сказал Флорентиец, подводя к пастору Николая и Наль.

– О да, ваши дети подходят друг другу. Признаться, когда мой оксфордский приятель рассказывал о красоте невесты, я ему не очень верил, потому что о женихе он тоже сказал: «Такого ученого, красавца, мудреца и воспитанного человека мог найти своей дочери только лорд Бенедикт. Только в романе можно выдумать такую пару, да и то в романе восточном, а не английском». Но так как Сандра бредит Востоком – я не особенно ему поверил. Теперь же я рад соединить ваших детей хоть сейчас.

Пастор был высокого роста, седой, но с розовым и молодым лицом.

Необыкновенная доброта сквозила на его умном лице и в синих глубоких глазах.

Он сел напротив молодых людей и, соединив их руки, сказал:

– Я уверен, что через двадцать лет, стоя во главе большой семьи, вы будете примером своим соседям, все так же любя друг друга.

На лице Наль появилось такое явное замешательство, что добрый старик, устремив на нее пристальный взор, тихо спросил:

– Вы любите своего жениха?

– О да, очень и давно, – не колеблясь ответила Наль.

– Давно, значит, с детства. Вам не может быть более шестнадцати лет, хотя ваш туалет и делает вас солиднее. А вы, вы любите свою невесту?

– О да, очень и давно, – повторяя в точности ответ Наль, сказал, улыбаясь, Николай.

Быстрый как молния взгляд, брошенный на Николая, вспыхнувший на лице Наль румянец, сменившийся бледностью, заставили пастора на мгновение задуматься.

На его добром лице выразилось огорчение. Он еще раз взглянул на прекрасное, дышавшее честью лицо Николая, и внезапно его собственное лицо просветлело.

– У вашей дочери, лорд, вероятно, нет матери? Не разрешите ли вы мне переговорить с нею несколько минут без свидетелей?

– Я буду вам очень благодарен. Вам будет легче венчать Наль, если вы уверитесь в ее любви к будущему мужу, – ответил Флорентиец.

– Нет, у меня нет сомнений, лорд. Но женщина, вступая в брак по любви, должна быть спокойна и уверена и в себе, и в муже. Я думаю, тут есть маленький детский страх, который я сумею прогнать.

Флорентиец открыл дверь в соседнюю комнату и пропустил туда Наль и пастора. Как только они переступили порог, оба замерли от удивления и какого-то особого чувства мира и благоговения. Комната была вся белая, обтянутая белой материей, блестящей, как шелк, и похожей на замшу. Пол из белых плит, походная кровать, обтянутая такой же материей, как и стены, и на ней две звериные шкуры. На белом столе высилась высокая зеленая ваза с букетом лилий.

– Как здесь дивно. Здесь все, как сам отец, – прошептала Наль.

– Надо и вам быть всегда таким вот храмом для мужа и детей. Ваш муж сейчас относится к вам, как к святыне. А вы думаете, что он вас не любит.

Идите, дитя, своим жизненным путем, как эти лилии, на которые вы так похожи. Здесь, в эту минуту, я венчаю вашу душу с душой вашего мужа. Берегите его.

Ему много предстоит испытаний. Охраняйте его. Ваш муж не смог бы перенести ни мгновения вашей неверности. Будьте честны до конца, бдительны и добры.

Остальное придет.

– Я поняла вас. Я буду думать о муже, а не о себе. Отец и он помогут мне создать семью. Я благодарна вам. Теперь я знаю, я спокойна.

Точно чувствуя, что пора открыть дверь, Флорентиец встретил на пороге Наль и пастора. Теперь лицо Наль сияло так, что у экспансивного Сандры вырвался не то стон, не то крик. Наль бросилась на шею Флорентийцу, который поднял ее и прижал к себе. Опустив ее на землю, улыбаясь и указывая на Николая, он сказал:

– А его разве не обнимешь?

– Завтра, – по-детски прижимаясь к Флорентийцу и закрываясь шалью, сказала Наль.

Лицо Николая вдруг сделалось смертельно бледно. И он обрадовался родственнику Наль, которого Флорентиец тут же представил гостям.

– Наконец-то я пришел в себя. Море меня уложило в постель, а этот холод заставляет кровь стынуть в жилах.

– Это поправимо, – любезно ответил хозяин и приказал развести в камине огонь, чем обрадовал Наль и Сандру, к удивлению северян, которым было жарко.

Пастор подошел к Флорентийцу и, условившись о часе венчания, пожал руки влюбленным и вышел, провожаемый хозяином.

Как ни хотелось Наль поговорить с Николаем и рассказать о дивной комнате Флорентийца, она инстинктивно почувствовала, что обязана занять гостей до возвращения отца. Поблагодарив Сандру за его хлопоты, она выразила удивление, как это у него, столь юного, может быть такой пожилой друг, как пастор.

– Все мои попытки найти себе друзей в университете не приводят к успеху.

Я не увлекаюсь ни спортом, ни боксом, а вижу в них только необходимую закалку тела. А для моих товарищей спорт – чуть ли не главная ось жизни. Попытки лорда Мильдрей ввести меня в семейные дома также неудачны. Что же мне делать? Я ищу друзей среди людей науки.

– Но ведь вы не думаете, что с девушками можно разговаривать только о курах и телятах. Я, правда, тоже не знаю, какие темы полагается выбирать в гостиных, – смеялась Наль, – но представляю, что вы смогли бы каждого обогатить своим разговором, разбудив в человеке мысль, если вы так потрясающе умны, как говорил нам лорд Мильдрей.

– Вот то-то и оно, графиня, что имеется маленькое такое словечко: такт, которое помогает жить людям даже с небольшим умом, – добродушно сказал лорд Мильдрей. – Оно же постоянно мешает иному умнику.

Возвратившийся Флорентиец сердечно поблагодарил Сандру, сказав, что он у него теперь в долгу. Условились, что оба свидетеля приедут к двенадцати часам, их будет ждать экипаж. Из церкви все проедут к нотариусу, а затем сюда на ранний обед. Удивлению двоюродного дяди Наль не было границ.

– Али, мой друг и брат, поручил мне доставить к вам Наль, которая должна стать женой капитана Т. Но чтобы вручить ее вам как дочь, на этот счет не было никаких указаний.

– Они были у меня, – вмешался Николай. – А еще Али хотел, чтобы вы присутствовали на нашем бракосочетании, а затем возвращались домой вместе со слугой.

– Слава Аллаху, значит мне не нужно сопровождать вас ни в Америку, ни куда-нибудь еще?

– Нет, – смеясь, ответил Николай. – Вы даже можете возвращаться обратно через Париж, тогда вам придется на ненавистном пароходе только пересечь пролив.

Флорентиец предложил Наль и Николаю прокатиться по городу, а дрожащему южанину дал книгу, которой тот обрадовался больше, чем ребенок кукле. Укутав старика в плед и усадив его у камина, трое друзей, переодевшись, покатали по шумным улицам Лондона. Наль, никогда еще не видевшая такого большого города, была столь поражена, что только молча поворачивала свою прелестную головку.

Флорентиец называл ей знаменитые музеи, говоря, что она их вскоре посетит. Обещал свезти в театр, о котором она прежде только читала. Изредка он называл, кому принадлежит тот или иной роскошный особняк или выдающийся своей архитектурой дом.

Свернув на одну из улиц, экипаж внезапно остановился у небольшого одноэтажного дома. Дом был красив, хотя старинного, немодного образца, и стоял в окружении небольшого прекрасно ухоженного сада.

– Здесь живет милый пастор, так доброжелательно отнесшийся в особенности к тебе, Наль. Не хочешь ли отдать ему визит и, кстати, осмотреть церковь, где будешь завтра венчаться? – спросил Флорентиец.

– Ах, очень хочу. Но не могу скрыть, отец, что стесняюсь войти первый раз в чужой дом. Я не знаю, как себя вести.

– Очень просто. Так, как если бы ты пришла к друзьям. Если будешь нести доброту в сердце, никогда не сделаешь бестактности. Кланяйся не по-восточному, но протягивай только руку, что ты, плутовка, умеешь делать теперь очень красиво.

Говоря с Наль, Флорентиец помог ей выйти из экипажа и ввел на довольно высокое крыльцо с двумя сходами. Николай ударил молотком в дверь, отчего раздался мелодичный звон, что тоже немало удивило Наль. Послышались поспешные шаги, и старый слуга впустил их в просторный холл, по стенам которого стояли высокие деревянные вешалки и стулья готического стиля, и на двух окнах стояли цветущие растения. Спокойствием веяло в доме. Всюду были разостланы ковровые дорожки и царила такая чистота, что удивилась не только Наль, но и чрезвычайно следивший за порядком Николай.

Взяв визитные карточки гостей, слуга ввел их в гостиную, тоже старинную, с огромным камином, большими диванами и креслами, обитыми синим шелком, с белыми, безукоризненной чистоты кружевными занавесками на трех широких окнах.

– Удивительно, как красиво в западных домах. И так тихо в них, мирно, не то, что у нас на Востоке, отец.

– Ты судишь по моему и этому, единственным западным домам, которые видела. Но когда-нибудь ты научишься различать дома, и их внешняя роскошь не скроет от твоих глаз внутренних язв разложения, дочь моя.

Дверь соседней комнаты отворилась, и вошел пастор, приветствуя своих неожиданных гостей и благодаря их за честь, оказанную его дому.

– Я хотел сделать невесте маленький сюрприз к завтрашнему дню, – приветливо сказал пастор. – Должно быть, печально всякой девушке венчаться в окружении одних мужчин. Я столько наговорил о юной невесте моей жене и дочерям, что они решили немедленно обновить свои белые платья и быть вам завтра подружками. А жена будет посаженной матерью, как полагается по здешним обычаям. Но сейчас, узнав о вашей любезности, свойственной только людям истинной культуры, лорд Бенедикт, мои дочери и жена не желают упустить случая познакомиться заранее с вами и вашей дочерью. Слышите, какое там нетерпеливое ожидание? Если вы ничего не имеете против, я их позову, – глядя на Наль, сказал пастор.

– О, как вы добры, вы верно поняли маленькую, детскую мою печаль о том, что ни одной женщины не будет на моей свадьбе. Если можно, разрешите нам скорее познакомиться.

Пастор открыл дверь, за нею стояли три женские фигуры с цветами в руках.

Старшая, лет сорока, была полноватая, изящная, ярко-рыжая женщина, с большими черными глазами и резкими черными бровями, причудливо вырисованными на белой коже высокого лба. Разделенные на пробор волнистые волосы, свитые у шеи в тугие косы, были роскошны. Женщина была еще молода и очень красива.

– Леди Катарина Уодсворд, – сказал пастор, подводя жену к Наль. – Моя жена венецианка, – прибавил он, обращаясь ко всем. – А это вот – первый номер, мисс Дженни Уодсворд, как видите, не только вся в мамашу, но даже точная ее копия. Это – номер второй, мисс Алиса Уодсворд, вся в папашу и судя по цвету волос не имеет никакой возможности претендовать на венецианское происхождение.

Девушки и мать отшучивались.

– О папа, – заразительно засмеялась младшая, – ты приехал таким влюбленным в заморскую красавицу, что поневоле всех нас взбудоражил. Но я согласна, что причина твоего восторга еще очаровательнее, чем это можно было представить по твоим словам.

Если Наль была восточной красавицей, увидев которую нельзя было не изумиться; если Дженни нельзя было не заметить благодаря яркой, медной голове и лицу, в котором поражал контраст алебастровой кожи, алых губ и черных блестящих глаз, – то Алису, чтобы оценить ее красоту, нужно было рассмотреть. Пепельные с золотом, красиво выющиеся волосы, не такие обильные, как у матери и сестры, но зато легкие, стоявшие ореолом вокруг ее лица и выбивавшиеся у висков и шеи. Темно-синие, как южное небо, чуть выпуклые, как у отца, глаза. И какая-то искренность, чистота во всем облике, живость манер и грация делали ее обаятельной. От нее веяло любовью и миром.

Она казалась остоном семьи. Какая-то радостная доброта Алисы покоряла каждого. Вот и сейчас пасторша со старшей дочерью, сердечно приветствовавшие Наль и ее спутников, все же походили на дам света, радушно принимающих приятных, но чужих людей. Алиса же сразу обняла Наль, восхищенная ее красотой, и стояла перед ней, совершенно не сознавая своей собственной прелести.

– Папа был прав. Он сказал, что Сандра не нашел красок, чтобы описать вас.

– Но Сандра, кажется, что-то говорил и о нас, – раздался голос Флорентийца за спиной у Алисы. – А на нас вы и взглянуть не хотите, мисс Алиса, – с неподражаемым юмором кланялся девушке и представлял ей Николая лорд Бенедикт.

Девушка, как и Наль, почти ребенок, смутилась, покраснела и, взглянув на Флорентийца, низко присела в реверансе.

– Я не могу понять, кто из вас отец, а кто жених. Вы оба женихи, по-моему, – робко сказала она.

– Не знаю, для кого из нас ваши слова комплимент, но благодарим мы за него оба, – под общий смех ответил Флорентиец.

– Не откажите выпить с нами чашку чая, – предложила хозяйка. – У нас, по старинному обычаю, чай пьют в столовой.

Алиса снова подошла к Наль, прося ее снять шляпу, что та охотно исполнила и стала еще красивее. Флорентиец сел рядом с Алисой и спросил, не ей ли принадлежит инициатива быть подружками его дочери на завтрашней свадьбе.

– Нет. Папе. Впрочем, все самое высочайшее и благородное, что выходит из нашего дома, всегда принадлежит ему.

– У вас в доме как бы две партии: вы и папа, ваша сестра и мама?

– Это верно до некоторой степени, потому что мы все очень дружны. Каждый живет, как ему хочется, и никогда мы не расходились во мнениях так, чтобы быть недовольными друг другом. Я думаю, вы очень хорошо понимаете меня. Вы тоже с дочерью ни в чем не схожи. Но представить, что вы бы могли быть друг другом недовольны, невозможно.

Общий разговор как-то внезапно смолк, и все услышали, что Дженни говорит о последних книгах капитана Т., которые ей с восторгом дал Сандра. Хваля автора, девушка и не предполагала, что видит его перед собой, а желала только блеснуть своей образованностью. Николай подшучивал над дифирамбами, указывал на недостатки книги, уверял, что автор мог бы лучше разработать свои тезисы, чем привел в негодование дочь Венеции, горячая кровь которой вспыхнула розами на щеках и огнем в глазах.

– Она, граф, у нас ученая, – засмеялся пастор. – А главное, обе сестры такие поклонницы Сандры, что его авторитет в этом доме стал чем-то вроде закона. Раз книга капитана Т. признана сим ученым совершенством – то, граф, и не критикуйте. Но, признаться, книга и меня расшевелила. Много бы я дал, чтобы увидеть русского мудреца, написавшего ее. Это, верно, уже глубокий старик.

– Капитан Т. – старик? – Наль неудержимо расхохоталась, будучи не в силах представить себе Николая стариком. – Да ведь он перед вами. И ваша дочь Алиса несколько минут назад не могла решить вопроса, кто же из двух мужчин мой жених.

Пастор и вся его семья с удивлением смотрели на Наль, не улавливая соль шутки.

– Моя дочь не шутит. Капитан Т. – это псевдоним графа Т., жениха моей дочери, сидящего перед вами.

Дженни была поражена больше всех. Она теперь стеснялась Николая, которого только что расхваливала, а Алиса, во всем ухватывавшая юмор, сказала Флорентийцу:

– Я предполагаю, что вы нарочно, лорд Бенедикт, не сказали нам, что граф – писатель. Потому что вы сами – я уверена – не только писатель, но... вот как бы это сказать? – задумалась она. – Не колдун, нет, но все же что-то в этом роде. Вы все можете.

– Всемогущий Боже! – в притворном ужасе воскликнул пастор под веселый смех гостей. – Алиса, дочь моя, ты меня убила. Неужели все это результат нашего воспитания, мать? – громче всех смеясь, говорил пастор.

– Сэр Уодсворд, ваша дочь очаровательный ребенок, и я понял вполне ее мысль. Уверю вас, мы будем с нею отличными друзьями, – пожимая ручку Алисе, ответил Флорентиец.

– Дай-то Бог, – покачивая головой, серьезно сказал пастор.

Весело и непринужденно простились гости с хозяевами, и Флорентиец пригласил всю семью на ранний обед после бракосочетания, сказав, что его экипажи будут ждать гостей у церкви.

Осмотрев церковь, поразившую Наль размерами, Флорентиец и его дети возвратились домой. Наль была задумчива на обратном пути и на вопрос Флорентийца призналась, что по обычаю Востока каждому из гостей надо что-то подарить, а у нее нет ничего, и она не знает, как быть.

– Об этом не думай. Предоставь всю внешнюю сторону события и заботы мне.

А подумай об Али и Николае. Пойди в свою комнату, я приказал Дории приготовить тебе белый восточный костюм. Надень его, укрась голову по-восточному, как к свадьбе, и накинь на себя драгоценное покрывало. Думай, что не завтра совершится твоя свадьба, только внешний

ее обряд, а сегодня, в святая святых твоего сердца. Через час сойди вниз и постучись в ту комнату, где вы беседовали с пастором.

Пройдя к себе Флорентиец дал лекарство старику дяде, велел ему немедленно лечь в постель, лежа и отобедать, а встать только завтра утром.

Затем он вошел в свою тайную комнату, взяв с собой Николая.

– Мой друг, мой сын, ты провел пять лет подле Али и так далеко продвинулся в своих знаниях, что он сразу взял тебя в число своих близких учеников. Ты считал, что для тебя ученичество – это прежде всего целомудрие и безбрачие. Но когда Али указал тебе путь семьи и брака, ты не протестовал, ты принял его. Однако продолжаешь думать, что в чем-то провинился, что сходишь с тропы ученичества, ибо ее не достоин. И все это только потому, что женишься на той, которую преданно и страстно любишь много лет.

Ты выполняешь приказание Али. Ты повинешься ему беспрекословно. Но в сердце твоем боль. Тебе кажется, что ты сворачиваешь в сторону. Но ты забыл, что ученик идет так, как ведет его Учитель. Ты забыл, что те обширнейшие планы, где все охватывает взор Учителя, не способен охватить ученик, как бы мудр он ни был. Посвящения идут не только по ступеням личного роста ученика.

Но учитывается и та помощь планам Учителя, до которой он созрел. Ты можешь служить сейчас не только великому плану Али, но и моим планам, и планам многих других, тех, кто отдает свою жизнь и труд на светлое благо человечества.

Падение общей культуры тесно связано с падением и разложением семьи.

Люди, закрепощенные в страстях, в тысячах мелких предрассудков, не могут помочь обновлению общества. И потому на ряд очень высоких учеников возлагается задача создания новой, радостной, раскрепощенной семьи. Только люди, дошедшие до мудрости и прожившие до часа свадьбы в полном целомудрии, могут стать истинными воспитателями для нового поколения нужных Учителю людей.

В твоей будущей семье, среди пятерых талантливых детей, должны воплотиться два гения. Не огорчаться надо тебе, что изменяешь форму пути, которую сам выбрал, но быть счастливым и усердным учеником. Счастливым вдвойне, ибо можешь выполнить задачу, которую Учитель тебе выбрал. Создай мир под своим кровом. Создай честную семью, где будут царить правдивость и верность. Создай атмосферу доброты, чтобы Учитель всегда мог прийти к тебе и позвать за собою.

– Я не от того страдал, что Али приказал мне изменить путь. Я приму всякий беспрекословно. Но мне показалось, что Али, увидав мою любовь к Наль, снизошел к моей слабости. Но, Бог мне свидетель, я ни разу и ничем не дал девушке повода думать о той беспредельной силы любви, что завладела мной.

– Чем немало и огорчил бедняжку, – улыбнулся Флорентиец. – Повторяю: оставь мысль о снисхождении к твоей несуществующей слабости. Только сильные, бестрепетные сердца нужны для дел Учителя, и только им он может посылать свои зовы. Тебе его зов – семья. Войди, – сказал он на раздавшийся стук в дверь.

Вошла закутанная в драгоценное брачное покрывало Наль. Ее белая фигурка так гармонировала с этой белой комнатой, что казалась неотъемлемой ее частью.

– Сядь здесь, дочь моя, – усадил Флорентиец Наль на маленький диван рядом с собой. – А ты, друг Николай, найдешь в моей туалетной комнате белый халат, точно такой же, какой прислал тебе в день пира Али. Найдешь длинную белую одежду ученика, надень ее и вернись сюда.

Оставшись наедине с Наль, Флорентиец притянул ее к себе и сказал:

– Когда Бог зовет человека, Он дает ему два пути: путь радости или путь великой скорби. Середины нет. И ты, и твой муж – вы оба счастливые избранники, ибо вам Он назначил путь радости. Ты с детства была подготовлена к высокой духовной жизни дядей Али. Это редкое

счастье. Обычно долго скитается по жизни человек, пока не подойдет к источнику мудрости. Не горюй, что тебе предстоит оставить все, к чему привыкла, уйти от Али. Через много лет, закаленная, ты вернешься к нему, к его пути силы, которая сейчас подавляет тебя, и ты не можешь развернуть все свои дарования. Ты пойдешь отныне путем обаяния и такта. Пленяя людей красотой, ты будешь влечь их своей чистотой к высокой духовности. Помни: зло тебя не коснется, пока страх, неверность и ложь не коснутся тебя. Злу несносна атмосфера чистоты, и оно бежит от нее. И только тогда, когда в твоём сердце зазмеится тончайшая трещинка сомнений, – только тогда зло сможет коснуться тебя. Все – в самом человеке. И не внешние условия подавляют или обновляют его, но сам человек создает свою жизнь. Он сам носит в себе все свои чудеса.

Наль сидела, по-восточному закрывшись покрывалом, прикинув к отцу, и в этой позе нашел ее вернувшийся Николай.

Флорентиец откинул покрывало с лица Наль и помог ей, поверх белого восточного наряда, надеть халат из такой же материи, что и белая одежда Николая, тонкой, как бумага, мягкой, как шелк, и матовой, как замша.

– Побудьте здесь немного вдвоем. Подайте друг другу руки и подумайте, какой серьезный шаг вы делаете. На всю жизнь вы отдаете друг другу свою верность. И в этой верности вы должны следовать за верностью Учителя, творя в доброте свой простой, обычный день. И так совершая закон жизни.

Оставив их одних. Флорентиец вышел. Наль подала руки Николаю.

– Прости, Наль, что я огорчил тебя и дал тебе повод думать, что мало люблю тебя. Я не смел до сих пор говорить тебе о любви. Я считал невозможным для себя счастье прожить с тобой вместе всю жизнь. Я думал, мне назначено одиночество, а не радости семьи. Теперь я понял, какое великое и незаслуженное счастье пришло ко мне. Я отдаю тебе всю жизнь и с таким счастьем, о каком не мог и мечтать.

– Николай, я никого не любила с детства, кроме дяди Али, в котором была вся моя жизнь. Едва я выросла, увидела тебя. И... уже никогда больше не была свободной. Я всюду была с тобой, мы были неразлучны. И если теперь меня отдают тебе, – то это ведь я сама отдала тебе себя лет пять назад. Ты врезан в мое тело, в мое сердце, в мой дух точно так же, как дядя Али. И если я думала до этой минуты, что навязана тебе, то сейчас я совершенно счастлива: я знаю, что ты тоже хотел меня в жены. Я же не могу принять жизни иной.

Дверь отворилась, и вошел Флорентиец. Он был в белой одежде с широкой вышивкой внизу и на рукавах. Талию его высокой фигуры охватывал пояс из выпуклых изумрудов, а на его прекрасной голове была повязка с такими же камнями. В руках он держал маленькую светящуюся палочку. Он поднял в восточном углу комнаты белую крышку стола, как думали прежде Наль и Николай, и под ней открылся небольшой мраморный престол, где горел огонь. Он поставил молодых людей перед престолом на колени и сказал:

– Здесь, перед лицом того Бога, что каждый из вас носит в себе, перед лицом вашей совести, чести и красоты, внутри вас живущих, я венчаю вас, соединяя навек. Сохраните вечную память об этой минуте. Не для похоти и чувственных наслаждений горит в вас любовь. Но горит в вас огонь вечной чистоты, в которой оба вы отдаете себя друг другу для великой цели: вы не будете слепыми родителями, животными, безумно и лично привязанными к детям. А будете хранителями тех душ, что придут через вас. Вы создадите им мир.

Чистый ваш дом будет пристанищем, где им суждено родиться, погостить и уйти так, тогда и туда, куда позовет их Жизнь.

Храните связь друг с другом, со мною и с Али. И несите не бремя жизни, не иго ученичества, но радость труда, разделенного с нами.

Он поднял обе руки над их головами. Прикоснулся палочкой к огню, горевшему на престоле, и затем, что-то говоря на языке, которого Наль не понимала, коснулся палочкой ее

головы. Ей показалось, что по ней пробежал огонь, проник до самого ее сердца, и что сейчас все на ней вспыхнет. Но Флорентиец уже отвернулся к престолу, снова коснулся палочкой огня и прикоснулся ею к голове Николая.

Так же, как и она мгновение назад, – он весь содрогнулся. А Флорентиец уже вновь повернулся к престолу и коснулся попеременно огня обоими концами палочки. Затем он снова обернулся к ним лицом и положил палочку на их головы одновременно. Глубочайшее содрогание, точно удар электричества, испытали оба, Наль и Николай. Теплые струи какой-то новой силы пробежали у каждого по спинному хребту к голове. Флорентиец положил палочку рядом с огнем и взял с престола два одинаковых перстня, каждый с изумрудом и бриллиантом, и надел жениху и невесте.

– Встаньте, – сказал он им. – Вы – муж и жена. Будьте всегда такими же чистыми и, где бы вы ни жили, всегда ощущайте, что я подле вас. Сочетав вас браком перед этим огнем Вечности, я взял на себя ваши жизни. Перед Вечностью нет отцов, матерей и детей по плоти и крови. В Ней есть отцы и дети по духу и огню. Пойдемте, я проведу вас в вашу спальню.

Он опустил покрывало на лицо Наль, соединил их руки, обнял обоих, крепко прижал к себе и стал подниматься наверх. Проведя их через комнату Наль в другую дверь, которой она раньше не заметила, он ввел их в большую комнату, где посередине стояла широкая белая постель. И все в этой комнате было белое, вплоть до ковра и шкур белых медведей, брошенных по обе стороны постели.

Подведя их к кровати, Флорентиец сказал Наль:

– Твой муж так же чист, как и ты. Он отдает тебе такую же девственность, какую ты отдаешь ему. Прими его не только как мужа, но как воспитателя и друга, мудрого руководителя, который знает много больше тебя. До завтра, дети мои. Ровно в двенадцать часов я за вами приду. Будьте совершенно готовы к этому времени и ждите меня. Дорией сказано, как завтра одеть тебя, Наль.

Опустив полог над кроватью, Флорентиец вышел, закрыв за собой дверь...

Когда Наль утром проснулась, мужа рядом с ней не было, но она слышала плесканье воды в ванной комнате рядом. Через несколько минут вошел Николай и, думая, что Наль спит, положил возле нее стеганый шелковый халатик и мягкие туфли, стараясь не делать шума. Наль рассмеялась, натянув на себя одеяло поверх головы.

– Наль, дорогая, вставай, ванна готова. Беги туда. Я боюсь, как бы ты не опоздала, уже около десяти часов. – С этими словами он быстро вышел из комнаты, а Наль скользнула в ванную, где ее уже ждала Дория.

– Сегодня во что вы меня оденете, Дория? Отец сказал, что дал вам все указания. Ведь будет так много чужих людей. Надо, чтобы мы с вами не ударили в грязь лицом, – плескаясь в ванне, быстро говорила Наль.

– Не беспокойтесь, во что бы я вас ни одела, – вы затмите всех.

– Ну, вот и ошиблись. У пастора такие дочери, что даже в сказках не найти. Одна рыжая.

– Рыжая? Что же тут хорошего?

– Я не сумею вам сказать, что именно. Но только она необыкновенная. Знаете, как-то ее не приставишь ни к какому делу. Она – дама. А вторая – ну, та простая, вроде меня.

– Значит, красавица? И косы, как ваши?

– Нет, она вся в кудрях. Глаза синие. Волосы пепельные с золотом. А доброта – вроде ангельской. Так хороша! Лучше не найти.

Так беззаботно болтая, Наль хранила глубоко внутри, в сердце, какое-то новое сокровище жизни. Ни за что и ни с кем она не поделилась бы тем счастьем, что наполняло всю ее душу. Она точно несла обеими руками чашу любви, полную до краев, и боялась ее расплескать. В ее сердце сияли ярко три образа: дяди Али, отца – Флорентийца и мужа. Усевшись за туа-

летний столик, Наль отдалась в умелые руки Дории. Сама же унеслась в сад дяди Али и снова так ясно увидела его улыбающимся, что рванулась вперед, почти разрушив творение Дории.

– Что случилось? Я причинила вам боль? – с отчаянием спросила Дория, у которой и гребень и шпильки выскочили из рук.

– Нет, Дория, простите. Господи, теперь вам надо все делать снова, и я опоздаю, – огорченно сказала Наль.

– Ничего, минута спокойствия, и голова будет убрана, а это самое трудное.

– Наль, одиннадцать часов. Вы готовы? – раздался голос Николая. – Я жду вас завтракать: выходите в халате, платье наденете потом.

Но Наль так боялась опоздать, что просила прислать ей кофе в комнату, говоря, что покажется мужу только на исходе двенадцатого часа, в полном параде.

Когда Дория вынесла платье, над которым трудилась весь вечер и утро, подгоняя его по фигуре своей хозяйки, Наль даже руками всплеснула, так великолепен был этот туалет. Платье из белой парчи, с широким венецианским кружевом вокруг ворота и рукавов, заставило ее сказать: «Отец, отец, разве можно так баловать дочь?» Когда платье было надето, Дория подала Наль туфельки из такой же парчи, а на ее открытой шее застегнула изумрудный фермуар жемчужного ожерелья.

– Все, верно, так и надо. Но как бы я хотела самое скромное платье, самый бедный уголок – только бы не быть сегодня на людях и не слушать, как будут говорить о моей красоте, – вздохнула Наль.

– Наль, остается десять минут, – снова раздался голос Николая.

– Иду, я готова.

И взяв сунутый ей в руки маленький ридикюль из такой же парчи, что и платье, Наль вошла в свою комнату, где ее ждал Николай. Он был поражен. В платье со шлейфом, в туфлях на высоких каблуках, Наль казалась гораздо выше и тоньше. Взгляд, которым обменялись супруги, сказал им обоим, что их желание избавиться от людей было обоюдным. Николай обнял жену, нежно и горячо поцеловал ее и тихо сказал:

– Наша жизнь принадлежит не нам, Наль. Мы должны жить на Земле, для Земли, для людей. Не тяготись сегодня суетой и теми, кто будет вокруг нас.

Думай не о себе, а о каждом, с кем будешь говорить.

Наль ласково вернула поцелуй и ответила:

– Я постараюсь, мой муж, думать о том, с кем буду говорить. Но всякий раз, когда я пристально вглядываюсь в человека, всегда чувствую, что в каждом живет беспокойство и страдание.

– Вот и неси, любимая, счастливая, благословенная, успокоение и отдых тому, кто тебе встретится.

Раздались легкие шаги Флорентийца, и Наль поспешила растворить дверь, приветствуя отца.

– Я не хотела бы, отец, начинать этот день с упрека. Но мыслимо ли приказать мне надеть такое платье? Дория говорит, что у королевы нет ни такой парчи, ни таких кружев, ни такого жемчуга.

– Все это передал тебе Али, как и те вещи, что нашла ты в своих сундуках. Он собирал их не один год, – обнимая супругов, говорил Флорентиец. – Сохрани это платье, кружева и драгоценности, и когда будешь готовить к венцу свою первую дочь, передай ей. А теперь пойдете, наши свидетели ждут.

Спустившись в зеленую комнату, Наль была немало изумлена видом Сандры и лорда Мильдрейя, во фраках, с блестящими цилиндрами в руках. Сандра был серьезен и даже не улыбнулся, когда раскланивался и целовал руку Наль. Можно было подумать, что его смешливость

навсегда исчезла за эту ночь. Лорд Мильдрей подал Наль букет белых лилий и, смущаясь, про-изнес:

– Лилии от Сандры, который уверяет, что вам невозможно подарить иной цветок. Это – его дело. Я же прошу принять браслет, который передал мне, умирая, мой дед. Он был большой оригинал, жил отшельником, хотя и был человеком богатым. Он велел передать эту вещь той, которая станет моею женой. Или женщине, чище и прекраснее которой я в жизни не встречал. Так как все сроки мои прошли – мне скоро тридцать, – прошу вас принять эту вещь.

Она, как я слышал, попала к моему деду через одного восточного мудреца. – И он подал Наль браслет из топазов и бриллиантов какой-то удивительной древней работы, красоты и игры камней необычайной. – Говорят, что на этом браслете камни сложены так, что образуют слова. Но кому я только его ни показывал – никто не смог прочесть надпись.

– Не разрешите ли взглянуть на браслет, графиня? Я лингвист и знаю около сорока языков и наречий, – сказал Сандра. – Я не так давно, по заданию вашего отца, изучил древний язык пали, умерший уже теперь. Быть может, я и разберу.

– Пожалуйста, – протянула ему драгоценность Наль.

– О, конечно, это он – язык пали. Здесь написано: «Любя – побеждай». И читается очень легко и ясно.

– Значит, ты выполнил мое задание раньше срока, Сандра?

– Неужели вы могли сомневаться, лорд Бенедикт, в том, что я найду возможность – из-под земли выкопаю, а найду – выполнить ваше приказание раньше срока? Мне пастор дал на этот раз свою собственную, им составленную, грамматику и свой ключ. А сам он купил у одного непонятого человека несколько записей на этом языке.

– Я вас еще не поблагодарила, лорд Мильдрей, и... это очень странно, но мне кажется, что вы еще женитесь, женитесь по любви и будете очень счастливы. И вам понадобится этот браслет.

– Примите подарок, Наль. Если вы угадали, мы сумеем прислать лорду Мильдрею точно такой же браслет, – сказал жене Николай, принося лорду сердечную благодарность за внимание.

Впервые получала Наль приказ своего мужа, и что-то сказало ей, что браслет надо немедленно надеть на руку и не огорчать больше подарившего его человека.

Коляски были поданы. В закрытую карету сели молодые с отцом, в открытую – Сандра и лорд Мильдрей, следом за ними двинулись еще два пустых экипажа.

Церковь была залита огнями, пастор ждал молодых у входа, а обе дочери и мать усыпали путь молодым цветами. Орган приветствовал их. Вскоре в церковь стали проникать зеваки, привлекаемые молвой о необычайной красоте новобрачных. Наль ничего не видела. Музыка потрясла ее до слез. Она крепко сжала руку мужа, точно прося у него поддержки. Николай слегка наклонился к ней, и такая сила была в его глазах, таким огнем уверенности и любви дохнуло на нее от его бледного, вдохновенного лица, что волнение ее утихло, слезы высохли и улыбка блеснула на полудетском прелестном лице.

Окончился обряд венчания. Расписались в церковной книге и подождали несколько минут, давая пастору время переодеться. Выйдя из церкви. Флорентиец разместил всех по каретам, а сам снова сел с молодыми. Все отправились к нотариусу.

Крупное пожертвование церковному причту и бедным прихожанам вызвало немало радостных толков среди оставшейся на паперти толпы. Тем временем, выполнив все официально необходимые акты ввода во владение новым имуществом, приняв поздравления и вос-торги служащих конторы, молодые и прочий свадебный кортеж направились к дому лорда Бенедикта.

– А дядя? – войдя в дом, с ужасом спросила Наль. Николай тоже было всполошился, но Флорентиец тихо сказал им обоим:

– У него снова был приступ малярии. Завтра мы его отправим с копиями документов и так ярко расскажем ему о пышном венчании, что он представит себе все так, будто и сам там был. Сейчас думай, Наль, только о гостях и учись быть обворожительной хозяйкой.

– Ты не находишь, что это немного трудно, отец?

– Нет, дочь моя, имея такого мужа, можно и не то победить.

Николай повел свою жену в большой зал, которого Наль еще не видела, а Флорентиец, предложив руку пасторше, пригласил гостей следовать за молодыми. В зале было приготовлено шампанское. Николай шепнул Наль, чтобы она не пила, а только чокалась со всеми поздравляющими и подносила бокал к губам, делая вид, что пьет. Поздравив молодых, прошли в столовую. Место хозяина занял Флорентиец. По правую руку сели молодые, рядом с ними Сандра и Дженни, по левую руку – Алиса и лорд Мильдрей, а рядом с ними пасторская чета.

Обед проходил оживленно. Сандра, Николай, пастор и Дженни говорили о последних достижениях науки. Пасторша и лорд Мильдрей оказались любителями живописи и театра. Только Алиса и Наль молча смотрели друг на друга.

– Что вы так смотрите на меня, графиня? Я вижу в ваших глазах такое сострадание и сочувствие, точно вы читаете что-то печальное в моей душе, – сказала наконец Алиса, ласково улыбаясь Наль.

– Я очень бы хотела стать для вас не графиней, а просто Наль. И в вашем сердце, кроме ангельской доброты, я ничего не читаю. Но мне думается, что вы не так счастливы, как кажется.

Флорентиец посмотрел на молодых женщин и сказал:

– Зачем загадывать, что будет завтра? Ты, Наль, стараешься угадать будущее Алисы. А жить надо только радостным сегодня. Разве у вас есть печаль, Алиса, как утверждает моя бедовая дочь?

– Нет, лорд Бенедикт. Все, что я люблю, живет радостно рядом со мною. А если и есть у меня печаль, то она непоправима, она врезана в мою жизнь.

Поэтому ее и нельзя считать печалью, это просто одно из неизбежных слагаемых моей жизни.

– Вы, Алиса, решили это слагаемое принять безропотно?

– Может быть, я и не права, лорд Бенедикт. Но что, например, толку бороться со смертью? От нее не уйти. Так и с тем неизбежным, что живет в человеке. Какой же смысл с ним бороться? Если оно составляет самый остов жизни и не может быть выброшено – как рак или порок сердца – иначе, чем со смертью. Надо принять жизнь такой, какая она есть, в какую я пришла, если изменить ничего невозможно. Какое бы количество горечи ни было в жизни, все же это жизнь моих любимых. А без них – жизнь цены не имеет для меня.

– Все количества сил природы, Алиса, переходят в качество. Это неотвратимый закон мира, в котором мы живем. Если сегодня одно качество в сердце человека дошло до определенного предела, то завтра оно, это качество, заливавшее вчера только одно сердце, может разлиться озером, а быть может, и морем вокруг него, захватывая в себя все встречное. Так бывает и со злыми и с добрыми качествами. Если сегодня любовь твоя однобока и ты способен понимать счастье только в любви к «своим», то завтра – по тем или иным причинам – сознание твое может расшириться и ты охватишь своей любовью «чужих». Двигаясь все дальше по пути совершенствования и знания, человек осознает, что нет вообще чужих и своих. Что везде и всюду такие же люди, как и он сам. Этот человек смог продвинуться дальше и выше. Другой – сильно отстал и не способен выйти пока из стадии двуногого животного. А третий смог шагнуть вперед так далеко, что для того, чтобы на него взглянуть, нужно зажмуриться.

– Никогда не приходилось мне слышать евангельские истины, изложенные так легко и просто, лорд Бенедикт. У меня в душе словно бы посветлело, – засмеялась Алиса, радостно, неотрывно глядя на Флорентийца.

– Возьмите, пожалуйста, это мороженое и оцените, какой художник мой повар. Каждому он положил на блюде шарики семи цветов. Вы видите здесь все цвета мудрости, как их понимала древность. Вот белый – цвет силы. Вот синий – самообладание, знание. А вот зеленый – цвет обаяния, такта, приспособления. Вот золотисто-желтый – цвет гармонии и искусств. А оранжево-дымчатый – цвет науки, техники и медицины. Красный – цвет любви и, наконец, фиолетовый – цвет религиозной и обрядовой мудрости, а также науки и механики движения жизни Вселенной.

Попробуйте найти в себе какое-либо из этих качеств в чистом виде. Это невозможно. Все они, без исключения, живут в каждом человеке. Но – будучи основным светом жизненного пути – засорены эгоизмом, ревностью, завистью и страхом. Качества и свойства божественные, какими их в зародыше принес на Землю человек, он замутил страстями.

И задача культурного человека – очистить свои страсти. Сделать их не только радостью и миром сердца, но атмосферой своего труда в простом дне, во всей своей жизни. Тогда единение с теми, кого встречаешь, становится красотой, бодрой помощью и энергией. Той энергией, что пробуждает к творчеству всех, трудящихся с тобою рядом.

Уже давно веселый смех и разговоры за столом стали постепенно замолкать, гости внимательно прислушивались к речам Флорентийца.

– Какое для меня счастье, лорд Бенедикт, – сказал пастор, – что я познакомился с вами. Помимо того, что я с восторгом и упованием смотрю на две соединенные мною сегодня жизни, я благословляю Создателя, позволившего мне приблизиться к вам. Если вы сочтете возможным, чтобы моя семья осталась в числе ваших знакомых, – мы постараемся заслужить себе имя ваших друзей.

– Я не только буду этому рад, сэр Уодсворд, но и очень благодарен вам за эту встречу. Поверьте, если моя мудрость кажется вам столь высокой, то и я нашел в мудрости вашей, чему поучиться. В Индии говорят: «Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но всякий человек тебе учитель».

Обед окончен. Дорогие гости, прошу в зал, там сервирован кофе.

С этими словами Флорентиец встал, подал Алисе руку. Девушка смотрела на него сияющими глазами, как на божество; он пригласил всех следовать за ними.

Оставшись последней парой, молодожены, тесно прижавшись друг к другу, обменялись несколькими взволнованными фразами.

– Нет, Наль, для нас не может быть пустых дней. Мы здесь недолго будем жить, мы поедем учиться, и ты будешь вести студенческую жизнь. Здесь отец задержит нас ровно столько, чтобы внешне воспитать так, чтобы к этому никогда не возвращаться больше. Кроме того, в твоём образовании есть немало пробелов. Ты совсем не знаешь музыки, хотя прелестно поешь свои родные песни. Ты знаешь Шекспира, Шиллера, Мольера, но никогда не была в театре.

Готовясь стать – насколько для нас это возможно – родителями-воспитателями, мы должны помогать друг другу взаимно совершенствоваться. Мы должны знать здешнюю жизнь, чтобы понять, чего не следует вносить в нашу будущую жизнь.

Они присоединились к обществу, когда все уже сидели за кофе. Что-то царственное было в этой паре, входившей в зал. Шепот удивления и восторга пронёсся им навстречу.

– Положительно, граф и графиня, вы для меня никак не втискиваетесь в земные рамки, – с южным темпераментом воскликнул Сандра. – Если бы я был художником, я бы заставил землю покрываться цветами там, где вы ступаете.

– Мой новый друг, мне кажется, что слишком много чести уже в том, что вы произвели меня в принцессу-лилию. И мой муж, будучи мужем цветка, и я, лилия, и без того обязаны благоухать. Но чтобы еще и цветы вырастали рядом с нами – это требование невыполнимое, – смеялась Наль.

– А я думаю, что именно цветы и будут расти. Самые прекрасные и драгоценные цветы Земли – дети, из-за которых и для которых стоит жить на свете, – очень серьезно, с волнением на прекрасном лице, сказала Алиса.

– О, Алиса! – укоризненно воскликнула пасторша.

– Что, дорогая мама? Я опять шокировала вас? Ну, на этот раз простите уж меня великодушно. Здесь мы среди добрых друзей, и я ручаюсь, что никто меня не осудит.

– У меня возникло сильное желание низко поклониться вам, мисс Уодсворд, – сказал, вставая и действительно низко кланяясь ей, лорд Мильдрей, – но никак не осудить вас.

– А у меня такое страстное желание вас поцеловать, Алиса, что уклониться от него я не могу, – и оставив руку мужа, Наль подбежала к Алисе, обхватила ее шею руками и прильнула к ее губам.

Две женские фигуры, одна в царственной парче и жемчугах, другая в простом белом платье, одна темноволосая и темноглазая, высокая, другая синеглазая, в ореоле светящихся золотыми блестками локонов, гораздо меньше ростом, обе тоненькие, чистые, прелестные в своей семнадцатой весне, составляли такой контраст, что даже Сандра умолк. Наль посадила Алису рядом с собой и мужем и пододвинула ей чашечку с кофе.

– Жаль, что здесь нет некоторых из моих друзей, музыкально одаренных, – сказал Николай. – Так просит сейчас сердце звуков.

– О, это легко поправимо, – несколько снисходительно сказала Дженни. – У нашей Алисы род музыкального помешательства. Не знаю, способна ли она доставить удовольствие людям понимающим. Но нам с мамой она достаточно часов испортила, – смеясь и хитро посматривая вокруг, продолжала Дженни. – Это было очень давно, сестра, когда я докучала тебе своей музыкой.

Теперь моя комната и мой рояль, сэр Бенедикт, в самом конце дома, где папа специально сделал пристройку. Не верьте, что я такая несносная. Во всяком случае сейчас я не решусь огорчать никого своей игрою, – умоляюще глядя на Флорентийца, сказала Алиса.

– Моя жена и старшая дочь не любят музыки, лорд Бенедикт. А мы с Алисой отдаем ей все досуги нашей жизни. У меня в молодости был большой конфликт с отцом, так как мне хотелось заниматься искусством, а он желал, чтобы я пошел по пути духовному. Алиса унаследовала не только мою любовь к искусству. У нее такой большой музыкальный талант, что его следовало бы отшлифовать в хорошей школе.

– Пока я жива, – этого не будет, – четко, жестко и зло сказала пасторша.

– От твоего и ее пения – стекла дрожат. И вообще я не желаю, чтобы Алиса осрамилась да еще оскандалила нас здесь.

Пасторша вдруг стала походить на какую-то хищную лисицу. Ничего похожего на добродушие на лице ее не осталось. А пастор, печально глядя на дочь, медленно подошел к ней, положил руку на ее светящуюся головку и тихо сказал:

– Храни спокойствие, дитя. У Бога много путей, какими Он призывает нас, людей. Лорд Бенедикт говорил, что люди идут путем гармонии и искусств также.

Если Богу будет угодно дать тебе такой зов, ты найдешь свой путь. И не смогут люди противостоять Богу.

– А я очень бы просил вас, леди Уодсворд, разрешить вашей дочери поиграть сегодня, – обратился хозяин дома к пасторше. – Если вы и ваша старшая дочь не любите музыки, то в моих гостиных вы найдете множество альбомов с видами всего мира. А также много интересных вещей, привезенных из путешествий. В саду моем немало редких цветов. Есть и оранжерея, где сейчас цветут незнакомые вам экземпляры. Судя по вашему прекрасному саду и цветникам, думаю, вы любите цветы.

– Вы заблуждаетесь, лорд Бенедикт, – прервала Дженни. – Это тоже область одержимости папы и Алисы. Но Алиса – идол в нашей семье, мы ее обожаем, а потому выносим, конечно, все ее фантазии.

– Мне бы очень не хотелось, чтобы Алиса играла сегодня. Но если вы уж так хотите услышать ее любительскую игру, – криво усмехнулась пасторша, – то пусть Сандра проводит нас в оранжерею. Там я, по крайней мере, не услышу ни ее игры, ни ее пения.

На лице Сандры выразилось такое явное разочарование, что Флорентиец, с юмором в глазах, как-то особенно улыбнулся ему и что-то тихо сказал, так тихо, что даже Николай, обладавший тончайшим слухом и стоявший рядом с Сандрой, не расслышал. Сандра незаметно вздохнул, крепко пожал Флорентийцу руку и сказал дамам, что постарается увести их так далеко, чтобы ни бас пастора, ни сопрано дочери, ни тенор хозяина дома до них не долетели.

Услышав о теноре, дамы, казалось, несколько заколебались, но было уже поздно. Флорентиец указал Сандре путь в оранжерею и попросил, чтобы обратно он провел дам через левое крыльцо прямо в желтую гостиную и занял бы их альбомами и картинами. Хозяин проводил дам в сад, закрыл балкон и задернул плотную портьеру.

– Я очень смущаюсь, папа, – прильнув к отцу, сказала Алиса.

– Полно, дитя. Ты ведь знаешь, что стоит тебе прикоснуться к клавишам – и Бог в тебе просыпается, и ты забываешь все. Играй и пой, как всегда. Не думай о похвале или награде. Думай, какое выпало тебе сегодня счастье: воспеть перед Богом соединение двух прекрасных людей. Воспеть их всем сердцем, любя и желая усеять для них землю цветами, как сказал Сандра. Пой и играй им песнь торжествующей любви. Не всем дано петь свою песнь любви. Кто-то должен петь ее для других, нося в сердце великий путь милосердного самоотвержения.

На чудесных глазах пастора сверкала влага – и все поняли, почему у него седые волосы. Трагедия этих двух сердец вдруг ясно пронеслась перед духовным взором присутствующих. На лице Наль мелькнула боль, лорд Мильдрей, отвернувшись, смахнул слезу. И только на лицах Флорентийца и Николая были полное спокойствие, мир и огромная доброта. Точно ленты света метнулись от Флорентийца к Алисе и пастору. Девушка робко подошла к роялю, открыла крышку и сказала:

– Я, конечно, не ученая музыкантша. Не ждите многого. Но я и не полная невежда, так как у меня было два замечательных учителя. Один – отец, второй – его недавно умерший друг, который был известен всей Европе как пианист и композитор. Я сыгряю Шопена.

От девушки ждали многого. Но того, что произошло, не ждал никто. Хрупкая фигурка, детская головка – все исчезло, лишь только Алиса коснулась клавиш.

Всех унес куда-то вихрь звуков. И разве это были звуки рояля? Пастор оказался прав. Бог проснулся в Алисе. И не руки ее играли музыкальную пьесу, но сердце творило жизнь, чарующую, захватывающую, раскрывающую что-то новое в душе каждого из слушателей.

Наль плакала. Лорд Мильдрей не дыша следил за музыкантшей, вытянувшись в струну. Пастор сиял счастьем, точно молился. Николай, устремив взор на Алису, зачарованный, игрой своего лица отвечал на все краски звуков, а в фигуре Флорентийца, в его серьезном лице было что-то от жреца.

– Еще, еще, – молила Наль, когда Алиса остановилась. Алиса стала играть Бетховена, Генделя, Шумана. И все кричали ненасытное: «Еще».

Она рассмеялась и вдруг запела старую английскую песню. И снова поразила всех. Высокое сопрано, теплое, мягкое, прелестного тембра, нежное, летело с такой силой, какую и предположить было немислимо, глядя на это хрупкое дитя.

Увлечки за собой всех в иной мир, девушка вдруг сказала:

– Теперь, папа, дуэт. Или я прекращаю.

Под общим напором пастор подошел к роялю. Дочь начала дуэт, но когда вступил отец, то невольное: «Ах», вырвалось у всех. Тихий, спокойный пастор внес в свою партию такой бурный

темперамент, такое виртуозное артистическое исполнение, которых от него никто не ждал. Его исключительной мощи и красоты бас не заглушал голоса дочери, а служил ему основой.

– Я никогда, ни в одной опере не слышал такого исполнения, – тихо сказал лорд Мильдрей, – а я побывал во всех театрах Европы.

– Отец, – бросилась Наль на шею Флорентийцу, – неужели ты не споешь мне и моему мужу сегодня, чтобы напутствовать нас песней и завершить ею венчальный обряд?

Флорентиец встал, поговорил о чем-то с Алисой и пастором, и полился старинный итальянский дуэт. Что было особенного в голосе и пении Флорентийца? Ведь только что всем казалось, что музыка, которая выше всех философий и знаний, лилась в песнях отца и дочери. Сейчас же звенела мощь баритонального тенора, для которого не было ни пределов высоты, ни предела власти и силы слова. Он подавлял все человеческое, земное и открывал какое-то небо, звал в иные пути и миры, рвал все телесные преграды и точно касался самого сердца.

Опомнившись от изумления, во внезапно наступившем молчании, присутствующие увидели Алису на коленях перед Флорентийцем, рыдающую и уткнувшуюся лицом в его чудесные руки. Подняв девушку, отерев нежно своим платком ее глаза, он обнял отца и дочь и сказал обоим:

– Хотите ли вы оба, чтобы я стал вам теперь же Учителем?

– О Господи, я отвечаю за себя и за дочь. О таком счастье, как быть руководимыми вами, мы и не мечтали.

– Алиса должна ответить за себя сама.

– Лорд Бенедикт, я хочу учиться жить, идя за вами, а не только учиться у вас музыке.

– Отец, – бросилась и Наль к Флорентийцу, – я должна подарить Алисе что-то, я не могу не признать ее сестрой, потому что это она подготовила меня к твоему пению. Иначе я бы просто умерла.

– Прошу всех за мною, – сказал хозяин. Он взял под руку Алису и Наль и повел всех в свой зеленый кабинет. Там он пригласил гостей к небольшому столу, на котором лежало несколько футляров.

Он взял один, вынул оттуда золотой пояс с крупными изумрудами и надел на талию Алисы.

– Это дарит вам, своей подружке, Наль. А вот это мой подарок, – и на шее Алисы засверкал изумрудный крест, усыпанный мелкими бриллиантами.

– Часы, дорогой сэр Уодсворд, прошу принять от моей дочери, – и он подал пастору золотые часы с цепочкой. – А этот перстень примите от меня, – и надел ему крупный изумруд с бриллиантом на левый мизинец.

– Вас, лорд Мильдрей, прошу принять этот браслет от меня, в обмен на тот, что вы дали моей дочери. Разница та лишь, что здесь зеленые камни, а там топазы. Я не сомневаюсь, что вы уже поняли, что самое чудесное в вашей жизни еще впереди. А это кольцо вас просит принять моя дочь. – И на мизинце лорда Мильдрея засверкало такое же кольцо, что и у пастора.

– Это еще не все, Алиса. Мой зять просит вас принять в память о сегодняшней музыке это жемчужное ожерелье, и он сам наденет его.

К смущенной Алисе подошел Николай и ловко застегнул на ней точно такой же жемчуг, что был на Наль.

– Теперь надо, – сказал Флорентиец, – звать наших дам, не переносящих музыки, а также их кавалера, лишившегося ее. Но я надеюсь, Алиса, вы не откажетесь его, беднягу, вознаградить в дальнейшем, споете и сыграете ему?

– Я ваша ученица, лорд Бенедикт, как прикажете, так я и поступлю. Только... – Она замялась, взглянула на опустившего глаза отца и, гораздо тише, печально продолжала: – Когда я играю Сандре, это всегда вызывает ревность Дженни и раздражает маму.

– Мы постараемся избежать этого, – рассмеялся Флорентиец и отправился за своими отсутствующими гостями.

Лица дам, когда они вошли в комнату, были довольно кислы и стали еще кислее, когда они увидели осыпанных подарками Алису и пастора. Флорентиец, взяв со стола самый большой футляр, подошел к пасторше и подал ей чудесное ожерелье из опалов и бриллиантов, такие же серьги и брошь.

– Примите этот дар моей дочери, – поклонившись, сказал хозяин.

– Но это царский подарок. Как мне вас благодарить, лорд Бенедикт?

– Я здесь ни при чем. Это дарит вам моя дочь, – чрезвычайно любезно, но холодно ответил хозяин.

Пасторша подошла к Наль, рассыпаясь в благодарностях и уверяя, что опалы – ее любимые камни. Наль любезно помогла ей надеть драгоценности. Тем временем Флорентиец подал Дженни такой же золотой пояс, как у Алисы, только из сапфиров, – от дочери, а от себя брошь из жемчуга и бриллиантов. Дженни сияла не меньше матери, но зависть мелькнула в ее глазах, когда она увидела на шее сестры драгоценный жемчуг.

– Ну, Сандра, остался ты один. Вот тебе часы от Наль, о которых ты мечтал.

– Неужели с боем? – по – детски наивно и радостно вскрикнул Сандра, чем всех насмешил.

Флорентиец нажал пружину, и часы пробили восемь раз с таким приятным звоном, что Сандра не выдержал, подпрыгнул, перевернулся и поцеловал часы.

Наль хохотала, Алиса аплодировала гимнастическим кульбитам, пастор даже сел в кресло от смеха, – только Дженни и мамаша вторично почувствовали себя шокированными.

– Это еще не все, Сандра. Вот тебе кольцо от меня. А это, – он взял точно такой же крест, как у Алисы, – это тебе за усердие при выполнении всех моих заданий. И специально за язык пали, – и он собственноручно надел ему на шею крест.

Сандра, казалось, все забыл. Лицо его совершенно изменилось. Он стал серьезным, тихим, словно сразу повзрослел. Он прильнул к Флорентийцу, горячо целовал его руки и говорил: – Я буду стараться стать достойным вашего доверия.

– Не волнуйся, сын мой. Только никогда не спеши давать людям повод к неверным заключениям. Будь осторожен с женщинами. Ты прост и дружелюбен, но твой товарищеский тон может быть истолкован неверно, что вовлечет тебя в какую-нибудь несносную драму.

– Ваши слова, лорд Бенедикт, как всегда, будут мне законом.

– Ваши часы, лорд Уодсворд, с таким же боем, как у Сандры. Позвольте, я покажу вам, как нажимать пружину.

Часы пастора пробили восемь и затем – совсем иначе – ударили еще один раз.

– Ой, и четверти отбивают, – не удержался от восторженного восклицания Сандра, снова по-детски радуясь, чем опять вызвал смех.

На лицах рыжих пасторши и Дженни, стоявших друг против друга, черноглазых и чернобровых, сейчас мелькало что-то неприятное, даже отталкивающее. У пасторши даже проступили багровые пятна, лишив ее молоджавости. А Дженни, казавшаяся такой красивой за обедом, стояла хмурая, злая, надменная, презирая всех и вся в этой комнате, где ее, бедную девушку, сейчас по-царски одарили.

– Дружок Алиса, – раздался голос Флорентийца. – Сегодня мой зять преподнес тебе жемчуг за тот восторг и отдых, которые ты подарила всем нам своей музыкой. С согласия твоего отца я беру тебя в ученицы. Ежедневно, в двенадцать часов, я буду присылать за тобой экипаж. И здесь, у меня, ты будешь оставаться до вечера. Вечером отец будет приезжать за тобой, и после обеда вместе с ним ты будешь возвращаться домой. В память о нашей первой встрече в музыке – прими этот браслет и кольцо от меня. Завтра жди лошадей в двенадцать. – И он подал Алисе браслет и кольцо из таких же изумрудов, как ее пояс.

– Вроде бы, лорд Бенедикт, у Алисы есть мать, которая тоже имеет голос при решении судьбы дочери, – резко сказала пасторша. – Алиса нужна мне дома. Учиться ей довольно.

– Нет, леди Уодсворд. По английским законам, дочь зависит только от отца, если у матери нет личного капитала. Это законы юридические, у вас нет права решать судьбу дочери. Есть еще иные, божеские законы, нигде, кроме сердца человеческого, не записанные. Это – любовь матери. Но ваша любовь заключалась в том, что вы изгнали дочь с ее искусством в бывший сарай, где и сейчас холодно и сыро. Вы заставляете Алису обшивать себя и старшую дочь, печь вам кексы и убирать ваши комоды и шкафы, а сами лежите весь день с романом на диване или разъезжаете со старшей дочерью по гостям и театрам.

– Я всегда знала, что этот змееныш осрамит меня. Эта лживая, избалованная отцом девчонка ввела вас в заблуждение, лорд Бенедикт.

– О мама, как могли вы подумать, что я кому-нибудь расскажу хотя бы часть того, что сказал вам сейчас лорд Бенедикт. – И слезы ручьем потекли из глаз Алисы.

– Ну, значит твой идеальный отец, обожаемый пастор, оказался лицемером и сплетником, – шипя от бешенства, продолжала пасторша.

Взгляд Флорентийца укротил ее, точно взбесившуюся львицу. Она, видно, потеряла всякое понимание приличия и желала вылить не один ушат на невинную голову пастора, но не смела или не могла больше выговорить ни слова. Игра камней на ее шее не шла ни в какое сравнение с ее горящими глазами, которые буквально сыпали искры. Наль, никогда не выдававшая такой злобы в женщине, боязливо прижималась к мужу, как бы ища преграды между изливавшимся злом и собой.

Пастор подошел к Алисе, стараясь успокоить ее своей любовной лаской, и подвел к Флорентийцу попрощаться.

– Простите нас, добрый лорд Бенедикт, за этот безобразный вечер или, вернее, его завершение. Я был и буду, вероятно, неисправимым мечтателем. Я ведь еще и сегодня надеялся, что мои жена и старшая дочь, в общении с вами, поймут свои ошибки, которые тщетно старался я победить любовью в течение всей жизни. Я не победил, лорд Бенедикт. Венчая сегодня вашу дочь, я смотрел на ваше необычайное лицо. Я думал, ваши обаяние и сила, перед которыми никто не сможет устоять, победят Катарину и Дженни. Надеялся, что они встретили, наконец, ту великую силу, перед которой склонятся.

Дерзкий смешок Дженни вдруг оборвался. Она поперхнулась собственной слюной и закашлялась.

– Не беспокойтесь ни о чем, сэр Уодсворд, – ответил Флорентиец. – Завтра я буду иметь возможность поговорить с вами о дальнейшей вашей жизни. У подъезда вы теперь найдете двухместный экипаж и уедете с Алисой. Сандра и лорд Мильдрей проводят вашу жену и Дженни. До свиданья, леди Катарина и мисс Дженни. Вы ни одним словом не огорчите Сандру в дороге. Кроме того, я приказываю вам, – он поднял руку, протянул ее по направлению к обеим женщинам и как бы опустил на их головы, что при огромном росте Флорентийца, когда все казались маленькими и мелкими рядом с ним, при величии и обаянии его манер, произвело на всех впечатление непреложного приказа, а леди Катарина и Дженни точно присели под магическим действием этой руки, – я приказываю вам не мешать жить Алисе и пастору. Вы превратили их собственный дом в тюрьму, зная, что дед оставил его, по завещанию, Алисе. Зная, что в нем она госпожа, вы превратили ее в прислужницу. Теперь вы обе будете трудиться для отца и Алисы, как они до сих пор трудились для вас. И ни одной ссоры до самой смерти пастора. Идите и помните о том, что я вам сейчас сказал, или в вашей жизни случится непоправимое, вами же самими сотканное зло, избавиться от которого ни я и никто другой уже не сможет вам помочь.

Помните, вы должны трудиться – или зло завладеет вами.

В сопровождении двух своих спутников, ни с кем не простившись, но крепко прижимая к себе футляры, точно боясь, что хозяин передумает и отнимет подаренные драгоценности, обе женщины вышли из комнаты. Они с ненавистью посмотрели на Наль, пожелавшую им доброй ночи. Смотреть на Флорентийца и Николая они боялись. Но все равно почувствовали на себе взгляд Флорентийца и еще раз точно присели перед самым порогом.

Пастор и Алиса, вернувшиеся домой раньше, прошли в свои комнаты, обменявшись горячим поцелуем.

– Мы нашли, Алиса, то, что всю жизнь искали. Теперь я умру спокойно.

– О нет, я гораздо больше эгоистка, чем ты думаешь, папа. Я хочу не только сама быть счастливой на новом пути, но и долго еще наслаждаться твоим счастьем.

Утомленные тяжкими переживаниями, но счастливые своей новой встречей, оба быстро и легко заснули, даже не услышав, как вернулись их домашние.

Глава II

О чем молился пастор. Дженни вспоминает

Дни Наль и Николая текли легко, разнообразно и радостно. К завтраку, в двенадцать с половиной часов приезжала Алиса, а до этого юная пара успевала осмотреть в Лондоне то, что с вечера назначал им отец. Обычно только здесь в первый раз встречались молодожены с Флорентийцем, все более и более привязываясь к нему и не противясь могучему очарованию своего великого друга.

После завтрака Алиса, Наль и Николай проводили час-другой с Флорентийцем, который руководил их образованием. Затем Алиса давала Наль уроки музыки, в чем последняя выказывала немалые способности. Расставшись после урока, каждая шла своим путем труда. И до самого пятичасового чая в доме царила полная тишина. Только в большом зале время от времени раздавались звуки рояля, затем опять наступала полная тишина. Это училась и обдумывала свои музыкальные вещи Алиса. Николай, если только не занимался в библиотеке или не выезжал куда-нибудь с Флорентийцем, работал подле него. К чаю все снова соединялись, и молодые люди – от чая до обеда – гуляли, ездили верхом или отдыхали как-то иначе по своему вкусу. К обеду приезжал пастор и, посидев часок в кабинете Флорентийца, увозил дочь домой.

Среди кажущегося внешнего однообразия жизни целый новый мир открывался молодым и пожилым гостям Флорентийца. По настоянию хозяина Сандра и лорд Мильдрей стали обычными гостями за обедом, спланивая в одну крепкую и дружную семью со всеми обитателями дома.

Под скромной внешностью пастора кроме недюжинного музыкального таланта скрывались еще ум и огромная образованность ученого, и он часто поражал экспансивного индуса своими познаниями и памятью настолько, что от восторга тот вскакивал, потрясал руками и топал ногами. Под укоризненным взглядом лорда Мильдрея, насмешив в достаточной степени всех друзей своими кульбитами, Сандра утихал, конфузливо взглядывал на Флорентийца и, сложив руки, уморительно, с детским отчаянием говорил:

– Не буду, лорд Мильдрей, вот уж наверное в последний раз я проштрафился. Никогда больше не буду, – и заставлял Наль и Алису смеяться.

– Если бы я мог завидовать, граф Николай, я бы всему завидовал в вас. В вашем спокойствии, изящной, какой-то чуть военной манере ходить и держаться, есть особый аристократизм, которого я не замечал в прочих людях. Но что еще отличает вас от других, – я не знаю. Могу сказать только, что вы принадлежите не тому миру, в котором живем мы все, но миру лорда Бенедикта.

– Долго ли ты, оксфордский мудрец, будешь величать Николая графом? Я нахожу, что вам всем пора уже бросить сиятельные приставки и звать друг друга по именам. Все вы – мои дети.

– И все же это правда, лорд Бенедикт, что Николай, – как вы приказываете его звать, – имеет какие-то особые качества, – вмешался пастор. – И если все мы ваши дети, то он из нас старший и больше прочих походит на отца.

– Благодарю, друзья, за высокое мнение обо мне. Но, право, это ваша детская фантазия. Я просто более выдержан и спокоен. Расстояние между мною и отцом ровно такое же, как между ним и вами. Нам лучше бы сегодня пораньше разойтись. Я вижу, дорогой пастор сильно утомлен, – закончил Николай.

На побледневшем лице Алисы мелькнула тревога:

– Я вообще замечаю, что папа хуеет. Он болен, но не хочет в этом признаться. Я пожалуюсь вам, лорд Бенедикт, на папу. Когда мне случается врасплох застать его, – он так погружен в свои мысли, что даже не сразу видит меня и не сразу понимает, о чем я ему говорю. И

вид у него какой-то нездешний. Если бы мама увидела его в таком состоянии, она наверное бы решила, что папа беседует с ангелами, ведь она не раз уверяла нас всех, что папа временами впадает в безумие. С некоторых пор отец пугает меня чем-то новым, какой-то оторванностью, отрешенностью от Земли, – говорила девушка, опускаясь на колени перед своим отцом.

Пастор ласково обнял дочь, заставил ее сесть рядом. На его добром лице сейчас сияла улыбка, а глаза точно благословляли дочь.

– Нам с тобой не следует беспокоить лорда Бенедикта, дитя. Люди не могут жить вечно. В первый же вечер знакомства с нашим великодушным хозяином я сказал тебе: «Мы с тобой нашли, наконец, верный путь, и я могу умереть спокойно».

– Папа, папа, не разрывайте мне сердце. На кого же вы покинете меня? Зачем вы меня пугаете?

– Я старался взрастить в тебе сильную душу. В тебе одной я не ошибся. Ты знаешь мою верность Богу, ты знаешь, что нет смерти. Я уйду в вечную жизнь, и ничего страшного в этом нет. Если бы я в последний миг земной жизни не встретил счастья в лице лорда Бенедикта и не мог быть спокойным за то, что зло не окружит тебя, – я бы действительно не сумел уйти так, как подобает верному сыну Отца. Теперь же я знаю, что ты останешься под высокой защитой и зло не коснется тебя.

– О папа, папа, не покидайте меня, – рыдала Алиса. – Я еще ничем не отплатила за ваши заботы, радость, любовь. За чудесную жизнь, что вы создали мне. Я не вынесу разлуки, я уйду за вами.

По знаку хозяина все гости вышли из комнаты. Лорд Мильдрей увез расстроенного Сандру к себе, а Николай увел рыдающую Наль. Оставшись наедине с отцом и дочерью, Флорентиец подал обоим рюмки с лекарством. Вскоре страдание отступило, лицо пастора стало бодрым и свежим. Рыдания Алисы тоже утихли, хотя ее глаза-сапфиры по-прежнему сохраняли скорбное выражение.

Когда оба гостя совершенно успокоились. Флорентиец взял их за руки и сказал:

– Жизнь дает людям зов в самой разной форме. Нередко ее призыв выражается в преждевременной смерти. Чаще – в Голгофе страданий. Иногда в человеке, прошедшем свою Голгофу, умирают его прежние качества и силы, и он продолжает жить новой жизнью, как бы жизнью после смерти, поскольку все личное, что держало его в плену, все страсти и желания – все в нем умерло, освободило его дух. И сохранилась только его прежняя внешняя форма, наполненная новым, очищенным духом, чтобы через нее могла проходить в мир суеты и греха высшая любовь.

Есть такие места на Земле – тяжелые, плотные и зловонные из-за своей атмосферы, наполненной страстями, скорбью, злом, – куда люди, высоко и далеко прошедшие, очищенные от страстей, уже проникать не могут. Но и там нужны самоотверженные, умершие личностью проводники, через которые можно было бы давать помощь людям, гибнущим среди зла.

Флорентиец ввел отца и дочь в свою тайную комнату.

– Господи, второй раз я здесь, и второй раз точно перед престолом Божиим, – прошептал пастор.

– И вы не ошиблись, друг. Вы действительно перед престолом Божиим.

С этими словами он откинул крышку белого стола, и взорам обоих предстал мраморный жертвенник, на котором стояла высокая зеленая чаша, как бы вырезанная из цельного изумруда. Подведя потрясенных своих друзей к жертвеннику, Флорентиец встал за ними, положил им руки на головы и сказал:

– Вы видите перед собой Огонь нетленной Жизни. В Нем – все силы Земли. Им земная жизнь держится. Им все живое вдохновляется к творчеству. Это огонь сферы Земли, вложенный в каждого человека.

Огонь этот и Свет солнца – два Начала жизни Земли, плоти и духа, неразрывно связанных. С окончанием земной жизни человека огонь меняет форму.

И меняет в зависимости от того, как Свет солнца был вплетен в путь Человека им самим.

Нет ни одного животного, в котором было бы два Начала. Каждое несет в себе только этот огонь сфер. И существуют миллионы людей, в которых огонь Земли развит до высоких и даже высочайших степеней, а Свет Солнца тлеет едва заметной искрой. Такие люди владеют большими знаниями сил природы, даже могут ими управлять, но не горит в них Свет Солнца, свет любви и доброты.

Они преданы тьме эгоизма, и горят в них только страсти и желания, только сила и упорство воли. Темная их сила во все вносит дисгармонию и раздражение. Их девиз – «Властвуй побеждай», тогда как девиз детей Света – «Любя побеждай».

Упорство их воли – меч того зла, в запутанные сети которого они затягивают всякого, в ком находят возможность пробудить жажду славы и богатства. На эти два жалких крючка условных и временных благ и попадают те бедные люди, из которых они делают себе слуг и рабов. Сначала их балуют, предлагают мнимую свободу, а затем закрепощают, соблазнив собственностью, ценностями, и так погружают в разнузданность страстей, что несчастные и хотели бы освободиться, да у них уже нет сил вырваться из цепких лап. Если сердца ваши готовы служить светлому человечеству, если вы хотите принять девизом жизни «Любя побеждай», если в вас горит желание приносить любовь и помощь высших братьев в скорбящие сердца, еще не безнадежно утонувшие во зле, – я буду давать указания, как и где действовать в ваших трудовых буднях. Не о смерти думайте, но о жизни, протекающей вокруг вас сейчас.

Ищите не молитвы о будущем, но любви радостной, чтобы каждое текущее мгновение отражало ваше творящее доброту сердце.

– Я хочу жить так, как зовете вы, – сказала Алиса. – Все оставшиеся мне моменты жизни на Земле хочу служить Отцу моему, как и пытался я делать это до сих пор. В вас вижу ту великую встречу, того наставника на Земле, о котором всегда мечтал, и благодарю моего Создателя, пославшего мне ее.

Отец, а за ним дочь склонились перед жертвенником, вознося к небу свои молчаливые молитвы. Их лица были так спокойны, как будто никогда не знали страдания. Флорентиец поднял их, благословил и обнял каждого. Он простился с ними до завтра, наказав им сохранять в полной тайне свой новый путь любви и труда.

Возвратившись и, по обыкновению, не встретив никого из домашних, отец и дочь, посидев немного вместе, разошлись по своим комнатам. Переполненное сердце каждого, несмотря на теснейшую взаимную дружбу, жаждало одиночества.

Алиса, углубившись в книгу, данную ей Флорентийцем, скоро забыла обо всем. Душа ее нашла новый мир, и она легла спать, в первый раз в своей юной жизни обретя полное спокойствие, примирение и радость, не омраченные повседневной скорбью о семейном разладе.

Пастор, открыв свое окно, выходящее в благоухающий сад, долго смотрел на звездное небо, но спокойствия на его лице не было. Казалось, он вновь обдумывал всю свою жизнь. Он вспоминал о первой встрече со своей женой в Венеции. Леди Катарине было тогда восемнадцать лет, а ему двадцать один. Он и не помышлял о том, что уедет из Венеции женатым человеком, бросив карьеру певца, которую начал блестяще. И первые встречи с будущей женой даже не произвели на него большого впечатления. Леди Катарина была тогда очень красива, жила у своей подруги, дочери важного и знатного синьора. Происходя из родовитой, но обедневшей семьи, жившей в глухой провинции, леди Катарина потерпела фиаско в тяжелой любовной истории, должна была спешить с замужеством и дала себе слово выйти за первого же подходящего иностранца, с которым встретится, чтобы уехать с ним из Италии. И подходящим для себя сочла лорда Уодсворда.

Выведав у простодушного англичанина всю его подноготную, поняв, что его можно взять только добротой и любовью, леди Катарина так играла роль безнадежно в него влюбленной, что бедный лорд попался на крючок и – незаметно для себя – соболезнуя ей, полюбил бедную девушку сам, навек отдав ей сердце.

Не сразу удалось ему уломать отца и получить разрешение. Упрямый старик дал свое согласие на брак с тем условием, что младший сын его станет пастором. За это он обещал ему дом в Лондоне, тот самый, где и жила до сих пор семья пастора, со всей обстановкой и садом. Но с условием, что дом будет принадлежать младшей дочери. Семейные драгоценности бабушки тоже предназначались ему, любимцу. Но бабушка умерла внезапно, не оставив завещания. На словах она успела передать сыну свою волю касательно младшего внука, велел передать ему небольшую сумму денег и все бриллианты. Пастор разделил это наследство по своему усмотрению. Старшей дочери деньги, младшей – дом и камни.

Молодой лорд, поведавший девушке свои мечты об артистической карьере, рассказавший о своей любви к музыке, был страшно удивлен, когда она принялась уговаривать его послушаться отца, сделаться пастором и немедленно на ней жениться. Никакие доводы логики не действовали. Девушка не верила в его артистические таланты, столь одобряемые профессорами. Не верила его способностям к науке и боялась стать женой ничем не обеспеченного певца или еще менее обеспеченного ученого. Дом же в Лондоне, предоставляемый немедленно за согласие стать пастором, казался ей уже кое-чем, а деньги и бриллианты были надежнее восторгов толпы или лавров ученого.

Ее настойчивые уговоры перешли в бурные мольбы о спасении, и последовали такие сцены, что бедный юноша, принеся в жертву свои мечты, повел к алтарю девушку, которую – как ему говорила она теперь, – он шокировал и компрометировал своим поведением.

«Чем была вся моя семейная жизнь?» – думал в ночном безмолвии пастор.

Лично для него каждый прожитый день являл собой ряд внутренних катастроф.

Неряшливая и жадная итальянка с дурными манерами трудно поддавалась элементарному внутреннему и внешнему воспитанию. И только окончательное его решение, твердое как скала, стоившее немалого количества истерик и сцен, заставило леди Катарину образумиться и усвоить внешние требования, предъявляемые английским обществом к женщине ее круга. Пастор объявил категорически, что до тех пор, пока она не научится вести дом и хозяйство и держать себя, как подобает английской леди, она не будет представлена ни его отцу, ни старшему брату, не будет введена в их семью, а следовательно, лишится того высшего общества, которого так жаждет.

Целый год прошел в напряженной борьбе. Дочь родилась преждевременно, в шевелюре пастора появилось несколько седых волосков, и вот наконец налет богемы, неизвестно как и где приобретенный, благодаря огромным усилиям воли и доброте мужа сошел с леди Катарины. Постепенно вводимая мужем в общество, она усвоила внешний аристократизм, оставаясь по сути мелкой и жадной мещанкой.

Пользуясь своей красотой, пасторша легко завладевала сердцами, но прочной дружбой ни с кем похвастаться не могла. Какие горькие минуты переживал пастор, возвращаясь в свой тихий дом из богатых покоев отца и брата! Леди Катарина, ослепленная блеском роскоши, только и говорила, что о слабом здоровье его брата, об отсутствии у него наследников, и об их блестящем будущем после смерти брата, когда ее муж станет единственным наследником всех его богатств.

Вспомнилось пастору и рождение его младшей дочери. Насмешки матери сыпались на голову бедного младенца, синие отцовские глаза и кудрявые белокурые волосы которого раздражали ее. Так и росла бедная Алиса, видя, как мать всегда и во всем предпочитала старшую сестру. Но кроткий ребенок, восхищавшийся и матерью и сестрой, не только принимал как должное свое положение Золушки. Доброе, не знавшее зависти сердце искало любой возмож-

ности служить обеим. И всегда бывало эксплуатируемо, часто в ущерб своему здоровью. Пришлось пастору и здесь наложить вето, с которым уже была хорошо знакома его жена. Вот об этом-то и думал сейчас пастор, стараясь отдать себе отчет, насколько виновен он перед Богом и собой в своей нескладной жизни. Он поднялся, закрыл окно и опустился на колени перед аналоем, на котором лежало Евангелие.

– Господи, виновен человек во всей своей жизни, и только он один виновен.

Знаю – скоро отойду. И молитва моя к Тебе: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром». Я понял слишком поздно, что главное звено всей жизни, всюду, не только в семье – мир сердца. Я старался нести его всем. Но в семье своей поселить его не сумел. Проходя свой день, я стремился принести встречному бодрость. Я стремился ободрить и утешить каждого. Я хотел, чтобы вошедший ко мне одиноким – ушел радостным, ибо понял, что у него есть друг.

Но в семье своей, со всей энергией доброты, я не достигал не только гармонии, но даже чистоты. Господи, я понял все страдание Земли своим разбитым сердцем. И я его принял и благословил. Защити Ты дитя мое величием Твоей благой любви. Ибо мое сердце не выдерживает более двойственности и не может больше биться, пребывая в компромиссе.

Я знаю единый путь человека на Земле – путь самоотверженной преданности Тебе. Но радость этого пути, отравляемая ежедневной ложью и лицемерием в семье, не ввела меня в число слуг Твоих, на которых лежит отражение Тебя.

Ныне, у божественного огня, я понял, увидел новый путь любви. Я знаю, что для меня уже поздно, что я ухожу с Земли, – прими меня с миром и не оставь дитя мое беззащитным.

Лицо пастора посветлело. Перед ним ярко и ясно вставал образ Флорентийца, и уверенность в помощи приходила к нему, на сердце становилось легко и мирно. Вся нечисто прожитая семейная жизнь перестала его тревожить. Это было уже прошедшее, далекое и чуждое. Точно не он, теперешний пастор, прожил ее.

Не его мечты и грезы, схороненные и заколоченные где-то в больном сердце, стояли смертной борьбы. Не он боролся, чтобы понять и исполнить свой путь, как путь утешителя каждому встреченному на Земле, а иной человек, о котором он сам теперь сохранил только воспоминание.

Мелькнувшая молодость, занятия наукой, музыкой, любимая дочь, цветущая природа – все показалось ему одним мгновением. Отрешенность, долго жившая в сердце как мучительное страдание, стала вдруг радостью раскрепощения. Дух его ничто больше не тяготило. Он понял, что жизнь – это одно мгновение Вечности. Что земная жизнь человека завершается тогда, когда истощается его творческая сила, и Земля, как место труда, борьбы, ему более не нужна. Можно умереть молодым, и только потому, что в данных земных условиях ни сердце человека, ни его сознание больше не могут сделать ничего. Нужны иное окружение и иная форма, чтобы дух и творческие способности могли совершенствоваться.

Светало. Пастор встал с колен, подошел к окну, открыл его и сел в кресло.

Его мысли вернулись к Алисе. Но теперь тревоги за дочь он уже не испытывал.

Он знал, что каждый может прожить только свою жизнь. И сколько бы ни старался ты протоптать тропинку для своих детей, жизнь повернет ее так, что только сам человек, только он один, сможет проложить ее для себя. Ни пяди чужой жизни не проживешь.

Когда Алиса утром вышла в сад поливать цветы и увидела отца сидящим у окна, она кинулась к нему. Но в ту же секунду радость ее померкла и сменилась тревогой.

– О папа, вы больны? Что с вами? Вы так изменились за ночь, осунулись, так бледны, что я сейчас же вызову доктора.

– Успокойся, дитя, у меня бессонница. Не могут старые люди всегда быть здоровыми. Я уже говорил не раз: и молодые могут умереть, а для старых – это неизбежно. О чем трево-

житься? Люби меня, но люби спокойно, люби всякую мою форму, ощущай близость со мной, где бы я ни жил, далеко или близко. Верная любовь не знает разлуки.

Слезы готовы были брызнуть из глаз Алисы, но доброе ее сердце мужественно победило свою скорбь, чтобы не тревожить отца.

– Вам, папа, не хочется выйти в сад?

– Нет, дитя, мне так хорошо здесь.

– Я сейчас принесу вам шоколад. Отдыхайте и ждите меня, я скоро. Уж я заставлю вас есть сегодня, – стараясь казаться веселой, говорила Алиса. Но как только она завернула за угол дома, где ее не мог видеть отец, она села на скамью и, закрыв лицо руками, горько зарыдала.

– О чем ты плачешь, Алиса? – резко спросила Дженни с балкона своей комнаты. – Разбила куклу? Или сегодня, у новых друзей, тебе хочется иметь томный вид страдающей жертвы?

Алиса собралась рассказать Дженни о болезни отца, о своей тревоге за него, но взглянув во враждебные глаза сестры, сказала только:

– Ты все шутишь, Дженни. А мне кажется, что над нами нависло горе, которого ты не хочешь видеть.

Дженни рассмеялась так же резко и насмешливо продолжала:

– Давно ли ты в мудрецы записалась? Шестнадцать лет слыла дурочкой и вдруг попала в умницы у лорда Бенедикта. Кому это делает честь? Его прозорливости или твоей хитрости?

– Меня, Дженни, ты можешь называть как угодно. Но если ты хоть раз еще позволишь себе сказать что-либо неуважительное о лорде Бенедикте, – ты уйдешь из этого дома, чтобы никогда в него не вернуться. Помни, что я тебе сейчас сказала, – этот дом мой. И чтобы ни единого непочтительного слова о лорде Бенедикте в этом доме произнесено не было.

Что-то отцовское, когда он говорил свое редкое, но неумолимое «нет», сверкало в глазах Алисы. Необыкновенная решительность и железная твердость в ее голосе – все это было так неожиданно в кроткой и нежной сестре, Дженни сразу почувствовала, что это не пустая угроза, что она действительно останется без крова, если нарушит этот запрет Алисы.

Дженни знала, что кроткий отец обладал колоссальной силой характера, и ничто не могло изменить его решения, если он его продумал и высказал. В Алисе она сейчас узнала эту отцовскую черту, как давно уже узнавала в себе черты матери. Пока Дженни приходила в себя от изумления, Алиса приготавливала завтрак пастору. Не один пастор провел сегодня бессонную ночь. Дженни вчера возвратилась домой в полной размолвке с матерью. И обе, недовольные друг другом, разошлись по своим комнатам, не помирившись перед сном.

Не в первый раз за последнее время мать и дочь был недовольны друг другом, что поражало их обеих, проживших до сих пор в большой любви и дружбе и не ссорившихся прежде. Ленивые, самолюбивые и вспыльчивые, они искали в Алисе причину своего дурного настроения. Им всегда казалось, что они недовольны ею, а не друг другом. Бессознательно ища ее общества в минуты раздражения, обе они, покоряемые кротостью и любовью ребенка, его всегдашним желанием успокоить и развлечь их, поддавались обаянию этой чистоты и самоотвержения, хотя считали Алису дурочкой.

Теперь Алисы, как и пастора, целыми днями не было дома. Работа, которую всегда делала Алиса, свалилась нынче на них. Ведь Алиса постоянно шила, гладила, стирала, что-то перекраивала, чтобы Дженни и мать выглядели нарядными. Рояль ждал Алису неделями, потому что, даже уходя из дома, обе давали наказы, во что их одеть завтра, совершенно не думая о том, что труд этот чрезмерен. Раздражаясь, обе кое-как сами прилаживали теперь свои туалеты, проклиная в душе тот день и час, когда лорд Бенедикт переступил порог их дома.

Запершись в своей комнате вечером, Дженни рвала и метала. Неоднократные размолвки с матерью, отсутствие у нее всякой выдержки, не сходявшие с уст проклятия докучали Дженни. Только теперь она увидела, как некультурна ее мать, и оценила благородство отца. За всю сознательную жизнь Дженни пастор не сказал матери ни одного слова повышенным тоном и

не позволил себе ни единого неджентльменского поступка по отношению к ней. Он был справедлив к обеим дочерям, балуя обеих одинаково. Мать же признавала только Дженни. И она со стыдом сейчас вспоминала, как часто съедала сладости, предназначенные Алисе, как отнимала для нее мать у сестры ее подарки. И как та, радостно улыбаясь, отдавала Дженни все лучшее, что имела.

Вспомнила Дженни и свой первый бал у деда. Мать приказала Алисе выпросить у деда ее бриллианты, чтобы Дженни могла их надеть. Дед ласково – при всей своей суровости он всегда был необычайно ласков с Алисой – в просьбе отказал. Подняв ее личико своей красивой рукой, он сказал:

– Не Дженни и не твоя мать, а ты наденешь бриллианты моей матери. Они предназначены тебе и будут присланы к твоему первому балу.

– Тогда уж, наверное, дедушка, их никому не придется надеть. Ведь моего первого бала никогда не будет.

– Почему же так, внучка? – рассмеялся дед, обнимая девочку, чего тоже почти никто не удостоивался.

– На балы не возят дурнушек. Да я предпочла бы послушать классическую, а не бальную музыку. Ах, дедушка, как ты меня огорчил. Дженни ведь такая красавица. Ну как же она явится на бал с голой шеей?

– Может шею свою прикрыть или совсем на бал не ездить.

– Так ей и сказать?

– Так и скажи.

Личико ребенка опечалилось. Алиса долго еще пыталась объяснить деду, что так огорчать людей нельзя. Это его сместило, он громко хохотал и все же отвез ее домой с коробкой конфет, но без камней. Дженни вспомнила и этот день, и ясно видела перед собой поникшую фигурку сестры. Под градом материнских упреков Алиса только горестно твердила, что просила деда так усердно, как самого Бога, но, видно, по ее грехам, ни тот, ни другой не вняли. Картины жизни мелькали в памяти Дженни одна за другой, и вот в доме появился молодой ученый, друг отца, Сандра.

Дженни в первый же вечер уловила восхищенный взгляд гостя, когда Алиса играла и пела, и старалась не допускать Алису к роялю при Сандре. Но тот умел действовать через отца, и это выводило из себя немзыкальную и ревнивую Дженни. Способная, с хорошей памятью, она легко схватывала суть каждой книги и была довольно образованна, хотя и не желала следовать той программе, которую ей предлагал отец. Знакомство с Сандрой, желание обратить на себя его внимание, заставило ее серьезно учиться, и она – не без пользы для индуса – иногда припирала его к стенке в споре. Но поразмыслив на свободе, индус являлся с новыми книгами и доказывал Дженни, что она орудует фактами по-дамски. И Дженни должна была прочитывать целые тома серьезных книг, чтобы разобраться, права ли она. Это ее злило и утомляло, раздражая еще и потому, что, как она ни старалась привлечь Сандру, он поддавался ее очарованию только до тех пор, пока не было Алисы. Стоило той войти – и вся ученость слетала с Сандры, он становился ребенком и дурачился с сестрой, смеясь так весело и радостно, как этого никогда не могла добиться Дженни никакими чарами своего кокетства. Ревность жгла ее сердце. Но она ни в чем не могла упрекнуть сестру. Алиса незаметно скрывалась, когда появлялся Сандра, и ни разу его имя не слетало с ее губ иначе, чем в числе поклонников сестры.

Сейчас Дженни стало душно в атмосфере зла и раздражения. Она поняла, что любит отца, любит и сестру и хочет быть с ними. Она оценила их духовность и не знала теперь, как к ним подойти, как покончить с той двойственностью, в которой жила. Казалось бы, куда проще: попросить Алису взять ее с собой к лорду Бенедикту. Там она могла бы получить совет, как приблизиться к отцу и сестре, не вызывая ревности матери. Но... как просить сестру? Как сказать ей? Лорд Бенедикт? Обратиться к нему? Невозможно: и стыдно, и страшно.

Дженни решила просить Николая.

«Граф, – писала она, – мне впервые приходится обращаться за советом и помощью к чужому и малознакомому человеку. Но Вы не просто человек. Вы ученый и философ, и вот к этому последнему я решаюсь обратиться. До сих пор я очень уверенно и самонадеянно вела линию своей жизни и была убеждаема постоянным в ней успехом, что веду ее правильно и именно так, как следует.

Некоторый разлад в моей семье казался мне следствием детского, нежизненного простодушия папы и сестры. Теперь же в душе моей ад. Туда закрались сомнения. Там я вижу многое, ах как многое, не таким, как это мне казалось до сих пор. И выход найти, обрести хоть каплю мира, я не могу. Я все больше раздражаюсь, и чем яснее понимаю, что мое злобное настроение доказывает только мою же неправоту, тем больше злуюсь. И сама вижу, как змеи в моем сердце шипят и поднимают головы.

К чему и почему я все это говорю Вам, граф? Потому, что образы лорда Бенедикта и Ваш стоят передо мной неотступно. Только в Вашем доме я впервые поняла, что жизнь может двигаться вперед добротой. И странно, там, в доме лорда Бенедикта, я не ощущала особенно сильно его и Вашего влияния. Даже – почти изгнанная лордом из его дома – я зло смеялась первые дни, усердно отравляя жизнь Алисе и папе. Но чем дальше, тем яснее я начинаю видеть ваши лица, и в моем сердце становится все печальнее.

Я прошу Вас, разрешите мне поговорить с Вами. Вспоминая строгое и какое-то особенное лицо лорда Бенедикта в последний миг расставания, я не смею обратиться к нему с просьбой о свидании. Его величавость – не поймите меня дурно, я уверена, что она – отражение его души, а вовсе не внешний фасон, – меня сковывает. Я не смею обратиться к нему и не могу себе представить, как обнажить перед ним язвы сердца.

Я попрошу Алису передать Вам это письмо, но никогда не решусь переступить порог того дома, где сейчас живете Вы, потому что это дом лорда Бенедикта, и не смею просить Вас приехать ко мне. Не откажите выйти завтра в три часа в Т-рсо-сквер и поговорить со мною. Примите самые искренние уверения в полном уважении к Вам. Дженни Уодсворд».

Много скорбных размышлений стоило Дженни это письмо. Гордая девушка никак не хотела поддаваться, как ей казалось слабости, и только ее незаурядный ум помог ей признать свои ошибки и сказать о них.

Окончив письмо, Дженни вздохнула с облегчением. Она, по крайней мере, оставила за собой некий Рубикон. Ей казалось, что она захлопнула дверь какого-то чулана в своей душе, темного и неприятного, и может не заглядывать туда несколько часов. Оставалось еще одно: просить сестру передать письмо. И на деле это оказалось гораздо труднее. В своем сердце, каком-то размягченном, когда писалось письмо, она точно раскрыла объятия Алисе. Но... как только Дженни услышала, как говорит сестра с отцом, услышала ее голос, полный беспредельной доброты и ласки, она мгновенно вспомнила давешнюю сцену у балкона, ожившую до боли четко и ясно. Потрясенная вспомнившимися словами Алисы, Дженни первым делом бросилась к письму, чтобы разорвать его в клочья.

Но вместо этого она закрыла лицо руками и горько, по-детски зарыдала.

Дженни, гордая Дженни, так много думавшая о своей красоте! Дженни, оберегавшая лицо от малейшего дуновения ветерка, не уронившая и слезинки, чтобы не испортить кожу, – Дженни рыдала, забыв обо всем, кроме глубокой горечи на сердце. Чья-то нежная рука обняла ее. Чьи-то горячие губы целовали ей руки. Чье-то дыхание согревало ее, проникая в сердце, точно вытаскивая оттуда занозу.

– Дженни, сестра, любимая моя, дорогая. Прости меня, я ведь такая глупая, ты это знаешь, прости, родная. Я не сумела донести до тебя свою мысль так, чтобы ты, такая умная, поняла бы меня.

Слезы сестры, такие необычные и вызванные ею, совсем уничтожили бедную Алису. Она готова была отдать самое жизнь, чтобы утешить сестру. И все же сознавала, что оскорбить лорда Бенедикта в своем доме не позволит. Все, что шло от него, было дороже жизни. Алиса умерла бы за сестру, но не могла изменить ему, ибо он-то и был сейчас центром ее жизни. Дженни ничего не отвечала. Но под наплывом ее доброты затихла и вдруг почувствовала себя маленькой девочкой, прильнув к сестре, точно к доброй няне. Она молча, все еще чуть-чуть хмурясь, подала письмо Алисе. Та взглянула на адрес, ласково поцеловала ее еще раз и, спрятав письмо за корсаж, вышла из комнаты.

Впервые Дженни почувствовала благодарность к сестре, сожаление о внутренней разъединенности с нею. Пасторша же, избалованная тем, что к ее выходу в столовую в полдень Алиса подавала обильный завтрак, непременно с несколькими горячими итальянскими блюдами, теперь каждый раз раздражалась и оглашала дом руганью с кухаркой, не умевшей ей угодить. Ее так и передергивало всякий раз, когда Алиса садилась в элегантный экипаж и уезжала из дома, часто увозя с собой отца. Она долго пилила пастора, доказывая, как необходимо иметь свой экипаж, но, получив однажды железное «вето», поняла, что должна покориться. Она, конечно, не покорилась и стала выпрашивать экипаж у тестя. Тот ответил ей, что охотно подарил бы ей лошадь, но сын запретил, а ссориться с ним он не хочет. Брат мужа, к которому пасторша обратилась с той же просьбой, дал ей такой же ответ.

Бедная женщина стала бороться. Бороться с пастором, с каждым его распоряжением, приказанием, пожеланием. Поняв давно, что сгубила карьеру мужа и сама избрала скромную жизнь пасторши вместо блестящей и рассеянной жизни жены знаменитого певца, она вымещала на муже свою ошибку. Не зная английских законов, она думала, что получит развод, а вместе с ним и половину состояния и уедет за границу. Но все было против нее, а стать вне общества она не решилась. Так и шла ее жизнь в полном отдалении от мужа, который жил в своем кабинете и после рождения Алисы не переступал порога супружеской спальни.

Пасторша, ища развлечений на стороне, все же вела внешне безукоризненную жизнь, и репутация ее была незапятнанной. Пастор соблюдал внешний декорум счастливой семейной жизни и не пропускал случая быть вместе с женой там, где этого требовали обычай или этикет. Его доброта и джентльменская вежливость с женой вводили всех в заблуждение. Да и кому могло прийти в голову, что, имея мужем одного из известнейших ученых, человека большого музыкального дарования и честнейшей души, можно быть недовольной своей семейной жизнью.

Непостоянная в своих увлечениях, пасторша часто искала новой влюбленности, но тщательно скрывала свои порывы от домашних. И Дженни, убежденная, что мать – жертва самодура-отца, обожала мать вдвойне, стараясь вознаградить ее за холодность мужа. Но не так давно зоркие глаза Дженни стали кое-что подмечать, чего пасторше вовсе не хотелось, хотя она и старалась воспитать Дженни на свой лад, уверяя, что в Италии не скрывают своих чувств.

Однажды Дженни нечаянно столкнулась с матерью, когда та под густым вуалем выходила из подъезда чужого дома вместе с малознакомым мужчиной. Ни мать, ни дочь не произнесли ни слова за всю обратную дорогу. Дженни и дома молча прошла к себе. За обедом она, правда, уже овладела собой и старалась отвечать обычным тоном. Но в сердце ее уже не существовало алтаря.

Поверженный кумир перестал держать ее в своей власти. Дженни не плакала, не стонала. Она охладела сразу. И пасторша поняла, что свое любимое дитя она теряет. Но и сейчас она не признала своих ошибок. Она хотела, чтобы Дженни принимала ее манеру жить как единственно правильную и возможную.

Избалованная привязанностью Дженни, пасторша не могла смириться с одиночеством в семье и решила соблазнить ее проектом блестящего замужества.

Не одну бессонную ночь она обдумывала ситуацию. Она легкомысленно перебирала молодых людей и пожилых лордов, знакомых и незнакомых. И успокаивалась к утру на том, что найдет Дженни жениха с состоянием, именем и блестящим положением и тем вернет себе дочь.

Так и жила семья пастора, и никто не сознавал, кроме самого отца, что смерть уже нашла дорогу в их дом.

Глава III

Письма Дженни, ее разочарование и борьба

Алиса опоздала к завтраку, опоздала на целых двадцать минут. Лорд Бенедикт, Наль и Николай собрались в кабинете хозяина и ждали свою гостью, которая за эти два месяца, пролетевшие как один день, успела стать дорогим и любимым членом семьи.

Наль, приученная дядей Али, Флорентийцем и Николаем к безоговорочной аккуратности и пунктуальности, тревожилась сильнее других, уверяя отца и мужа, что Алиса, наверное, заболела.

– Сомневаюсь, что ее задержала болезнь. Я думаю, она скоро будет здесь, и тревожиться тебе причин нет, дочь моя. Но если ты удвоишь свои заботы и постарайся выказать Алисе еще больше любви и внимания, ты поступишь правильно. Бедной девочке предстоит вскоре большое испытание. И кроме нас троих – как ей будет казаться – у нее во всем мире не останется ни одного близкого сердца.

– Для Алисы, отец, мне легко сделать все, что только в моих силах. Я люблю ее, как близкую сестру. Да и возможно ли не любить ее, однажды с ней встретившись? Но я потрясена тем, что ты сказал. Неужели ее отец так болен?

– Он мог бы пожить еще по состоянию здоровья. Но энергии для борьбы с тем злом, что его окружает, у него уже недостаточно. А в его жене она нарастает.

Он уйдет из жизни, спасаемый светлой силой любви, которой служил всю жизнь.

Потому что зло, что подбирается к его дому, требует энергии и знаний гораздо больших, чем мог достичь пастор.

Только закончил говорить Флорентиец, как раздался легкий стук в дверь, и слуга доложил, что мисс Алиса Уодсворд приехала. Наль побежала навстречу своей подружке, а мужчины прошли прямо в столовую.

Извиняясь и обвиняя себя в опоздании, Алиса не обмолвилась ни о болезни отца, ни о разладе в доме. Но ее заплаканные глаза, бледное и расстроенное личико говорили обо всем без слов. Она так незаметно положила письмо Дженни рядом с прибором Николая, что даже Наль не знала, откуда пришло письмо.

Увидев письмо, доставленное не почтой, Николай взглянул на Алису, положил его в карман и, казалось, инцидент был исчерпан.

– Почему Дженни избрала тебя почтальоном? – внезапно спросил Алису лорд Бенедикт. – Если она еще раз попросит тебя передать письмо кому-либо из нас, откажись. Скажи, что лично ей пути ко мне никто не закрывал. Но вот если мать попросит отвезти ее куда-нибудь по дороге к нам или передать кому-либо письмо или вещь, или что-нибудь передать на словах, – категорически отказывайся и сейчас, и впредь. Вся твоя жизнь в эти месяцы – это отец, заботы о нем, и мы. Принимаешь ли ты это условие, Алиса?

– Принимаю ли, лорд Бенедикт? Да разве я могу выбирать? Мое сердце больше не живет одно. В нем поселилось новое лицо, не спрашивая на то дозволения.

Все, кто жил там раньше, в нем остались. Но новый владыка дал ему новую жизнь. Уйдут все любимые, – голос Алисы задрожал, она с трудом, но победила слезы, – и я знаю, что останусь жить. В тяжелой скорби, быть может в ужасе, но жить буду. Но если бы ушел из сердца ваш образ, лорд Бенедикт, если бы погас там свет, зажженный вами, жизнь ушла бы из него. Вы ведь сами все видите. Зачем об этом говорить. Я взяла письмо Дженни, не зная, что в нем. Но зато знаю – только здесь может найти Дженни свое спасение.

– Не огорчайся, друг. Ты узнаешь, как трудно, а иногда и невозможно помочь людям, если они ленивы, разнузданны, не хотят трудиться и видят счастье жизни только в богатстве и наслаждениях. Все, что ты можешь сделать, чтобы не соткать еще большего зла при твоих

слабых силах и малых знаниях, это избегать всяких сношений с сестрой и матерью. Живи те немногие часы, что проводишь дома, только подле отца. И если завтра мать твоя захочет сесть в твой экипаж – помни мой запрет. Впрочем, я скажу об этом твоему отцу.

Лорд Бенедикт встал, завтрак окончился, и каждый занялся своим обычным делом.

Алиса была выбита из колеи словами Флорентийца. Она не понимала, о каком зле он говорит. Почему нельзя довести мать, которая, кстати, уже не раз просила об этом, куда-либо по дороге. Почему нельзя взять письмо у бедной Дженни, которая так страдает, что даже плакала первый раз в жизни. Алиса не понимала смысла приказа, но ей и в голову не пришло ослушаться. Ничто на свете не заставило бы ее поступить наперекор воле Флорентийца, отступить хотя бы на йоту. Пока не понимая, почему она должна вести себя именно так, она интуитивно сознавала, что в требовании Флорентийца лежит глубокий смысл и, может быть, спасение ее близких. Страдая за них, еще больше страдая за отца, она подошла к роялю, своему первому другу и помощнику во все тяжелые минуты жизни, и нашла забвение в музыке.

Прочтя письмо Дженни, Николай пошел к лорду Бенедикту. Познакомившись с его содержанием, тот немного помолчал, а потом спросил:

– Как же ты думаешь поступить?

– Мне кажется, девушку еще можно спасти. У нее большие способности, она могла бы заинтересоваться глубокой и чистой наукой и победить свою страсть к внешним благам.

– Для этого ей надо начать по-настоящему трудиться выбрать отрасль науки и посвятить ей полжизни. К чему-либо большому, крупному она не способна.

Прожить хотя бы год в изоляции и подчиниться строгому распорядку дня, понять, что надо становиться госпожой себе и научиться управлять страстями, – она не способна. Ты уже дошел до той ступени, когда самостоятельно разбираются в делах и встречах дня. Можешь поступить так, как найдешь нужным.

– Нет, отец. Этот случай особенный. Я пока не понимаю как, но знаю определенно, что нити зла тянутся от Дженни и, главным образом, от пасторши к Левушке. Когда я читал письмо, то ясно видел Левушку ускользающим от каких-то опасностей, связанных с пасторшей и Дженни, и Алису, спасаемую вами от их плена. Я пришел просить вас указать мне точные рамки поведения, так как чувствую, что не в силах распознать, как действовать.

– Если хочешь, сын мой, поступить так, как видят мои глаза, – не выходи к Дженни в сквер и не пиши ей. А продиктуй Наль маленькое письмо, в котором сообщи Дженни, что ты говорил с лордом Бенедиктом, и он будет рад видеть ее в своем доме в одиннадцать часов утра в воскресенье, если она желает переговорить с ним.

– Так я и поступлю, отец. Но не забыли ли вы, что пригласили пастора и Алису к себе в имение с четверга до воскресенья. Вы предполагали, что мы вместе возвратимся в Лондон в понедельник.

– Совершенно верно. Мы уедем, как и вернемся, вместе. Но ведь езды в деревню час с небольшим. Я пробуду в Лондоне в этот день часов до пяти, и не только из-за Дженни. И к обеду снова буду с вами. Надо постараться подкрепить силы пастора, не мешает также Наль и Алисе побыть на воздухе. Да и тебе надо отдохнуть. Кстати, съезди к лорду Мильдрею. Там, наверное, найдешь Сандру в роли сиделки. Лорду отвези вот это лекарство, оно поставит его на ноги в два дня. И пригласи обоих с нами в деревню. Индус, конечно, не замедлит наградить тебя акробатическим трюком, а лорд просияет и не сможет найти слова для выражения своей радости. Письмо к Дженни отправь с кем-нибудь из слуг сейчас же.

Николай ушел диктовать Наль письмо и затем уехал к лорду Мильдрею. А Флорентиец сел за свой письменный стол и в глубокой сосредоточенности написал несколько писем.

Отправив свое послание с Алисой, Дженни не сомневалась, что вечером сестра привезет ей ответ, и это будет самое любезное согласие Николая немедленно явиться на свидание к ней. И она стала мысленно готовить речь для Николая, обдумывая каждое слово. Ей хотелось

показать графу и философу, как ум ее тонок, а чувства изощренны, как ей нужна иная жизнь, и следует указать ей путь, чтобы она успешно достигла цели. Затем она стала обдумывать, в каком туалете появиться перед графом. Она подошла к шкафу и стала выбрасывать на диван свои костюмы. Синий она забраковала, как слишком будничным. Зеленый, который так прекрасно оттенял ее кожу и волосы, был чересчур яркий для серьезного свидания. Вскоре целая куча платьев лежала горой на диване, а Дженни все еще не знала, на чем ей остановиться. Если бы здесь была «дурочка» – как всегда мысленно называла Дженни сестру, – вопрос был бы решен в две минуты. У дурочки такой изысканный вкус и чувство такта, что Дженни стала подчиняться ей в выборе туалетов. Жизнь заставила ее оценить вкус Алисы, поскольку она лишь тогда вызывала общее одобрение, когда следовала указаниям сестры.

И снова досада и зависть, что вот Алиса сидит теперь в аристократическом доме, а она, Дженни, должна одна трудиться над туалетами, привели ее в раздражение, а время шло, и нерешительность Дженни подхлестывалась возмущением. Почему Алиса, а не она попала в любимицы лорда Бенедикта? Не она – блестящая красавица? И Дженни дала себе слово обворовать Николая. Она уже не раз пробовала свои чары на мужчинах и – ни разу сама не любя, но лишь флиртуя, – была глубоко любима.

Наконец Дженни отобрала костюм темно-серого шелка, с темно-зелеными пуговицами и задумалась, какую выбрать к нему шляпу.

Внезапно в ее комнату влетела пасторша, тоже в халате и даже непричесанная. Она стала сыпать словами, и Дженни поняла, что к ней пришел слуга от лорда Бенедикта с письмом. И на все требования пасторши отдать письмо ей в руки слуга отвечал отказом, заявляя, что вручит письмо лично мисс Уодсворд. Любопытство пасторши было доведено до предела. Понося слугу и хозяина, она торопила Дженни поскорее выйти к слуге лорда.

– Прежде всего, мама, скажите, пожалуйста, посмотрели ли вы на себя в зеркало? На кого вы похожи! Сколько времени не стирал ваш халат? Вам десятки, сотни раз говорил папа, что выскакивать в прихожую на стук леди не должна без особой на то надобности. Вы же не только выскочили к лакею лорда Бенедикта, хотя у вас трое слуг. Вы еще и оскандалили меня перед ним. В каком виде этот лакей изложит свой отчет лорду Бенедикту? И – что еще нелепее – расскажет в людской о вашем грязном халате и криках?

– Это еще что за разговоры, Дженни! С некоторых пор, как я замечаю, ты, как и папенька, слишком печешься о хорошем тоне. Не советую тебе переходить на сторону отца и Алисы, у меня для тебя такие блестящие планы...

– У вас, мама, всю жизнь блестящие планы, только рушатся они легче карточных домиков. Но прошу вас, пройдите к себе и дайте мне возможность одеться. Я не могу выйти к слуге лорда в халате.

– Давно ли тебе стала мешать мать?

– Нет, не так давно, к моему сожалению и огорчению, не так давно я стала во многом расходиться во мнениях с моей матерью.

Видя, что мать не уходит, она накинула черный плащ, который, вместе со шляпой, придал ей вид дамы, готовящейся выйти из дома. Категорически запретив пасторше следовать за собой, Дженни вышла в переднюю. По дороге она соображала, как должна вести себя леди в таких случаях. Точного представления у нее об этом не было. Но прежде чем Дженни успела что-либо сообразить, она увидела отлично одетого человека, которого приняла бы на улице за настоящего джентльмена. Вежливо поклонившись, он подал ей письмо, откланялся и сейчас же вышел, не проронив ни слова.

Дженни была озадачена. Она уже приготовилась улыбнуться и просить подождать, пока она напишет ответ, как осталась одна, точно здесь никого и не было. Дженни инстинктивно почувствовала какое-то пренебрежение к себе.

Хотя это и был лакей, но все-таки молодой мужчина, и мог бы заметить, что перед ним стоит красавица и у него есть благовидный предлог ею полюбоваться.

А он даже и не взглянул на нее.

Пасторша, нетерпеливо подглядывавшая в шелку, выскочила в переднюю, удивляясь, почему Дженни не вскрывает письмо. Однако Дженни ощутила только ярость. Она ясно видела, что конверт надписан четким, красивым, еще не совсем оформившимся женским почерком. Гнев Дженни обрушился на пасторшу, обвиненную в том, что она была груба и вульгарна с лакеем, почему тот и вылетел как пуля из их дома. Тут же ее обвинили в подслушивании и подглядывании у дверей. И чем больше Дженни сознавала, что причина ее ярости не в матери, а в ней самой, тем все больше она злилась. Впервые она узнала в себе материнскую черту – доходить до бешенства, на что прежде не считала себя способной. Увидев ужас на лице матери, Дженни сразу поняла, как сию минуту безобразна. Закрыв лицо руками, она убежала в свою комнату, захлопнула дверь и повернула ключ в замке.

Бросившись в кресло, она просидела несколько минут без движения, без сил, без способности что-либо соображать. Наконец, сбросив с себя плащ и шляпу, она натерла виски и шею одеколоном и взяла письмо в руки. Несколько удивила ее какая-то особенность в бумаге, должно быть не английской, и вензель с графской короной, темно-зеленой с золотом. Разорвав конверт небрежно и торопливо, Дженни прежде всего посмотрела подпись – «Наль, графиня Т.», – стояло там.

«Милая мисс Уодсворд, – пишу Вам по поручению моего мужа, который просит передать, что лорд Бенедикт будет ждать Вас в воскресенье в 11 часов утра в своем доме. Отец же просит сообщить, что время его очень точно расписано. И Вам он отдает его с большой любовью и радостью, но, к сожалению, только от 11 до 12 часов.

Примите уверения в совершенном к Вам уважении. Наль, графиня Т.»

Обида, унижение и негодование охватили Дженни. Поиски туалета и желание обворовать Николая, и – это письмо Наль. Все раздражало девушку, смешалось в какой-то сумбур и снова вызвало пароксизм бешенства. Теперь уже не на мать обрушилось ее раздражение. Но на дурочку-сестру, не сумевшую, очевидно, передать письмо так, чтобы Наль об этом не узнала. По всей вероятности, прелестная графиня закатила мужу сцену ревности и пожелала ответить лично, опасаясь соперничества с красивой Дженни.

Последняя мысль порадовала мисс Уодсворд и привела ее в себя. Но все же письмо она решила матери не показывать. Зная ее любопытство, Дженни оторвала обращение и подпись и бросила рядом с конвертом на столе, письмо сожгла.

Затем она вышла в ванную комнату, оставив свою дверь открытой. Как она и предполагала, пасторша немедленно шмыгнула в ее комнату. Дженни дала ей время полюбоваться короной и подписью и вернулась к себе уже совершенно остывшей от гнева. Теперь ей казалось невероятным, что она могла так распуститься, и было противно сознавать, что она впала в ту же вульгарность, которая так коробила ее в матери. Оставаться наедине с собой и дальше казалось невыносимым. И она обрадовалась матери, которая вошла к ней как ни в чем не бывало и предложила отправиться в театр за билетами на заезжую знаменитость.

За завтраком мать и дочь, не касаясь утреннего происшествия, решили, что Алису нужно до конца недели оставить дома. Ежедневные все удлиняющиеся отлучки Алисы грозят катастрофой их домашнему обиходу. Пасторша посоветовала написать письмо Алисе теперь же и оставить его на видном месте. Дженни, позабыв, что Алиса уже давно не та девочка на побегушках, которой она всегда отдавала распоряжения, как своей горничной-рабе, написала целый ряд указаний относительно домашних дел вплоть до воскресенья, прибавив, что она не должна

сейчас бывать у лорда Бенедикта, где и вообще-то изображает приживалку молодой графини, чем позорит мать и сестру. «Пора кончать все эти глупости».

Запечатав письмо, Дженни оставила его на столике в передней, где его нельзя было не заметить. Наконец обе дамы вышли из дома, очень довольные собой.

Тем временем Алисе в доме лорда Бенедикта было, как всегда, радостно, легко, просто и весело. Добрую и нежную девушку обожали все, начиная от Наль и Дории и кончая сыном повара, который так и тянулся к ней, если случалось им встретиться в саду или во дворе.

В этот день пастор приехал сюда несколько раньше обычного и прошел с дочерью в сад; там их и увидел Флорентиец и сейчас же сошел вниз. Пригласив обоих на конец недели в свою деревню, он сказал, что сегодня просит их остаться у него. За вещами пастора решено было послать к его старому слуге Артуру, а Алисе Наль уже заранее приготовила туалеты. Вечером один из экипажей лорда Бенедикта отвез Дорию в пасторский дом с письмом.

Старый слуга сам открыл дверь и был несказанно удивлен, увидев чужую леди. Когда он прочел ласковое письмо с дружеским обращением пастора лично к нему, «старому другу и верному спутнику всей жизни», Артур весь просиял и поцеловал письмо обожаемого хозяина. Пастор сожалел, что не мог на этот раз взять его с собой, но надеется, что сможет сделать это в следующую поездку к лорду Бенедикту. А сейчас он просит его не скучать и навестить своих родных, живущих близ Лондона. Он, пастор, дает ему на это разрешение. Если Артур выедет сегодня же вечером и вернется утром в понедельник, то доставит своим родным огромную радость, о которой они так долго мечтали, и сам пастор будет доволен не меньше их. «Я не буду счастлив, если стану отдыхать один, а ты будешь сидеть в городе», – заканчивал пастор. Прочтя письмо, слуга отер слезы.

– Неужели лорд Уодсворд написал вам что-то печальное? – с беспокойством спросила Дория.

– О нет, миледи, разве мой дорогой господин может кого-нибудь огорчить.

Он ангел во плоти, как и мисс Алиса. А плачу я только потому, что пастор не мог уехать отдыхать, не подумав обо мне. Он много раз настаивал, чтобы я съездил к родным. Но разве я могу бросить его одного в этом аду. Раз мисс Алисы нет, ему и прилечь не дадут. Верите ли, миледи, я сажусь вот здесь на стул, запираю дверь в коридор, ведущий на половину лорда, и не пропускаю сюда ни леди Катарину, ни мисс Дженни. Терплю каждый раз их дерзости и брань, но только так могу обеспечить час спокойствия и тишины для господина. Уважения к его трудам и болезни нет.

– Не называйте меня «миледи», я такая же слуга, как и вы, только служу молодой графине. Вот этот конверт просил передать вам молодой хозяин, граф Николай; очевидно, пастор сказал ему, что отпускает вас к родным. И граф – тоже душа редкостная – посылает вот этот привет для ваших родных. А мне приказал не только забрать вещи вашего Хозяина, но и доставить вас на вокзал.

Слуга, ног не чуя под собой от радости, мигом собрал вещи, сказал кухарке, что хозяин и Алиса вернутся только в понедельник вечером из деревни, а он уезжает из Лондона по приказанию пастора и вернется рано утром в понедельник. Толстая и равнодушная ирландка завистливо покачала головой, но так как доброго Артура она любила, то пожелала ему приятного пути и снабдила провизией на дорогу. Раздраженная придирками, она злорадно подумала о пасторше и старшей мисс, которые будут сидеть в городе и грызться друг с другом. А хозяин и Алиса наслаждаются отдыхом в деревне без их чудесного общества. Заперев наружную дверь, кухарка передала горничной холодный ужин для хозяек и ушла к себе наверх в маленькую, уютную и солнечную комнатку.

Сколько леди Катарина ни спорила с пастором, что он балует и распускает прислугу, отдавая ей барские комнаты, сколько ни доказывала, что горничная и кухарка могут жить в одной комнате, а ей нужно помещение для домашней швеи, – она наткнулась на вето пастора.

У каждой из жившей в его доме прислуги была отдельная, безукоризненно чистая комната, за состоянием их следил сам пастор.

Возвращаясь из театра, Дженни больше молчала. Все ее мысли сосредоточились на Алисе, на том, как повести себя с сестрой, чтобы вырвать ее из сферы влияния лорда Бенедикта. Первое ядро, самое действенное, как полагала Дженни, уже пущено в Наль, приревновавшую к ней мужа. Судя по себе, Дженни полагала, что Наль, возненавидев сестру, будет стараться удалить из дома и Алису. Дурочку она надеялась уломать, прикинувшись тоскующей в постоянной с нею разлуке.

Первое, что так поразило обеих, – была мертвая тишина в доме. Обычно, как бы поздно они ни возвращались, пастор ждал их под музыку Алисы, которая смолкала с их приездом. И оба они всегда старались приготовить что-нибудь вкусное к ужину. Правда, за последнее время в домашних привычках многое изменилось. Но все же основной распорядок жизни не нарушался. Дженни, приготовившая улыбку и нежное объятие для сестры, решившаяся сказать, что ее музыка лучше театра, где они сегодня проскучали, Дженни, хитро нашедшая, как ей казалось, подход к отцу в том, чтобы просить его посвятить ей два ближайших вечера для совместной работы, Дженни, которая полагала, что отец будет счастлив тем, что старшая дочь последовала, в конце концов, его советам в науке, и с радостью останется дома, а Алиса, растаяв от комплиментов и нежности сестры, успеет все, что нужно, сшить для скачек, – Дженни получила первый удар, когда увидела свое письмо нераспечатанным.

– Как, Алисы еще нет дома? Как вам это нравится, мама?

– Просто из рук вон! Если не положить этому конец, девчонка избалуется окончательно.

Придется принять экстренные меры.

Обе прошли в столовую. Горничная спросила у пасторши разрешения и ушла спать. Ужин показался обеим невкусным. Подогреть кушанья им не хотелось, обе молчали, обдумывая про себя планы на завтра. Дженни твердо решила приступить к исполнению своего замысла немедленно, как только вернутся домой отец и сестра.

– Не понимаю, – внезапно сказала пасторша, – куда подевался этот идиот Артур. То сидит в передней, как истукан, пока домой не явится «их светлость, лорд пастор», а то отправился к себе наверх, когда пастор необычно запоздал.

Она встала, подошла к лестнице, ведущей наверх, и стала кричать:

– Артур, сойдите сейчас же вниз. – Подождав немного и не получив никакого ответа на свой зов, она поднялась на несколько ступеней и повторила то же в более повышенном тоне, уже приходя в бешенство. Не получив никакого ответа и на этот раз, разъяренная пасторша взбежала наверх и, не имея понятия, которая из трех комнат принадлежит старому слуге, стала ломиться со свойственной ей любезностью в ближайшую комнату, оказавшуюся кухаркиной.

Спокойная ирландка довольно невозмутимо выносила брань своей госпожи. Но спать она любила и ненавидела, если ее сон тревожили. Сейчас, разбуженная стуком и криками хозяйки, требовавшей, чтобы она немедленно спустилась вниз, кухарка пришла в ярость. Открыв дверь и уперев руки в бока, она так заорала на весь дом, что Дженни мгновенно прибежала на крики обеих женщин. Дженни боялась, как бы этот ночной скандал не привлек внимания ночного сторожа или полисмена, а еще того хуже, чтобы отец не возвратился в разгар этой сцены.

Тогда все ее планы пойдут прахом. Перепуганная горничная с трудом, наконец, объяснила Дженни, что пастор и Алиса не вернутся до понедельника, а Артур уехал, так как отпущен пастором к родным. И теперь хитроумная Дженни получила второй удар – удар, едва не сваливший ее с ног. Нравственно она была так разбита, что не имела сил говорить.

Ирландка тем временем перекричала свою госпожу и едко отчеканила:

– Пастор с мисс Алисой сбежали от такой жены и матери. Теперь они на даче лорда Бенедикта, где вам их не достать. А вот как только пастор вернется, я все ему о вас доложу и попрошу расчет. В таком позорном доме я жить больше не желаю. Вам пастор запретил

тревожить слуг, раз они спят. А вы нарушили его приказание. Да, впрочем, что вам это стоит, если вы потихоньку от него на свидания бегаете. О, я все, все знаю. Мой знакомый служит у мистера Б. и рассказал мне все. Я молчала. Плевать мне на ваше поведение. Но теперь, когда вы осмелились потревожить мой сон, нет, тут уж пощады вам не будет.

Дженни почувствовала головокружение, тошноту, пошатнулась и наверное упала бы, если бы сильные материнские руки ее не поддержали. Но как только мать коснулась ее, Дженни вздрогнула, выпрямилась и оттолкнула леди Катарину.

– Спасибо, мама, я уже хорошо себя чувствую. Спускайтесь, пожалуйста, вниз. Я иду за вами.

Что-то особенное было в голосе Дженни и во всей ее фигуре, что заставило всех трех женщин замолчать. Ирландка злобно фыркнула и захлопнула свою дверь, а пасторша молча сошла вниз. Не обменявшись ни словом, мать и дочь разошлись по своим комнатам. Дженни чувствовала боль, физическую боль в сердце. Она вошла к себе, где все валялось неприбранным с самого утра. Ей было не под силу оставаться в этом хаосе, и она решила переночевать в комнате сестры. К ее удивлению, даже небольшой коридор, отделявший комнаты отца и Алисы от всей квартиры, был заперт на ключ. Дженни решила, что глупый старый Артур просто забыл его открыть. Она вышла в переднюю, чтобы пройти через зал и кабинет отца в этот же коридор. Кабинет также был заперт.

Как ни была разбита сейчас Дженни, она все же снова пришла в ярость, проклиная старого Артура, позволившего себе уж слишком много. Бедной Дженни и в голову не пришло, что старый Артур действовал по приказу, полученному от пастора: закрыть все двери и до их возвращения ни по чьему требованию не открывать. Пастор получил этот приказ от лорда Бенедикта, вот почему старому слуге он был передан со всей строгостью.

Дженни поняла, что провести ночь в комнате сестры и воспользоваться чистотой и уютом этого, переделанного из сарая жилища ей не удастся.

Невольно Дженни вспомнила, как она допекала Алису за ее музыку, пока, наконец, девочку не убрали из дома, присоединив к нему каменный сарай и отгородив звуконепроницаемой стеной новую комнату Алисы. Кротость Алисы, ее вечное огорчение, что страдают нервы сестры, точно шилом кольнули сердце Дженни. Возвращаясь через переднюю, она схватила свое письмо и стала комкать и мять его до тех пор, пока оно не превратилось в жалкий комок. И чем дольше она мяла несчастное письмо, тем больше росло ее раздражение. Взяв в своей комнате халат и подушку, мисс Уодсворд-старшая отправилась в зал, решив переночевать здесь на одном из диванов. Проходя мимо комнаты матери, она услышала храп, отчего по ее лицу пробежала гримаса презрения.

Войдя в зал, Дженни сбросила с себя нарядное платье и принялась ходить по комнате. Первый раз в жизни у нее была бессонница. Ибо сегодня ей казалось, что ее жизнь начинается заново и все поставлено на эту карту. Отчего так казалось – она не понимала. Случайно взгляд ее упал на вазу, в которой Сандра однажды принес Алисе цветы, сказав, что дарит их ей его душа за музыку.

«За музыку, за музыку», застучало в голове Дженни. И в доме лорда Бенедикта Алису тоже наградили за музыку. Неужели дар Алисы так велик? Почему же она, Дженни, не оценила его по достоинству? Ах, как мешала теперь Дженни ее сестра. Только теперь она поняла, какая сила обаяния кроется в Алисе, какая сила характера, цельного и непоколебимого, таится в этом существе. Дженни представляла себе отца и Алису, наслаждающихся аристократическим обществом, общением с умными и талантливыми людьми, в то время как она проведет эти дни в одиночестве и тоске. Она не сомневалась, что Сандра тоже поедет в деревню, и ревность разжигала ее завистливое сердце. Сколько Дженни ни ходила из угла в угол, сон все так же бежал от нее, как и в начале ночи. Но пойти к себе и прибрать комнату ей и в голову не пришло. Постепенно ее мысли сконцентрировались вокруг лорда Бенедикта – центральной, как

она полагала, фигуры всех ее бедствий. Пойдет ли она к нему в воскресенье? Скачки начинаются в час дня. Она успела бы вернуться домой, а раз отца не будет, можно нанять экипаж на весь день, и все устроится просто.

Но... о чем говорить? Лгать ему даже в мыслях – Дженни ощущала это всеми нервами – она не сможет. Жаловаться на судьбу, раз отец и Алиса у них в таком почете, невозможно. Просить помощи, чтобы начать самостоятельную жизнь? Лорд Бенедикт опять скажет, что жизнь Земли есть труд и счастье человека в радости любимого труда. А Дженни хочет жить в роскоши, и труд ей несносен.

Чем больше она думала о своем настоящем и будущем, тем яснее видела для себя единственный выход: блестяще выйти замуж. Увидев Наль, она поняла, что не была настоящей красавицей. Ни правильностью черт, ни той необычайной гармонией линий тела, ни безукоризненной красотой рук и ног, какие были у Наль, она не отличалась. В ней все кричало, как и в матери. И много усилий потратила дочь, чтобы избавиться от того налета вульгарности, который так коробил ее в ней.

Снова и снова мысли Дженни возвращались к лорду Бенедикту. Снова и снова охватывали ее зависть и бешенство. Наступило утро. Дженни с ужасом увидела свое желтое лицо, но решение созрело: к лорду она не пойдет. И как бы ни хотелось ей пусть только для себя отыскать какой-нибудь возвышенный предлог, она сознавала, что лорд Бенедикт тут же прочтет всю ее ложь. Утомленная и решившая сделать все, чтобы отравить сестре каждую поездку в этот ненавистный дом и заставить ее от него отказаться, Дженни прилегла на диван.

И сразу подумала, что здоровье отца шатко, что дом перейдет к Алисе, еще несовершеннолетней, и что сумасшедший отец способен выбрать опекуном лорда Бенедикта... Дженни ощутила жгучую ненависть к сестре, видя теперь в ней одной, этой злосчастной дурочке, причину всех своих несчастий.

Дженни кипела весь этот день и вечер в страстях и бунте, а дом лорда Бенедикта сиял огнями. Впервые лорд представлял графа и графиню Т. избранным представителям высшего света на приеме в своем прекрасном особняке. К подъезду прибывали все новые экипажи с нарядными кавалерами и дамами.

Наль и Алиса давно были предупреждены о грядущем событии, и обе умоляли лорда Бенедикта освободить их от этой пытки. Потешаясь над их застенчивостью, лорд заставил их вместе с Николаем брать уроки танцев, сам обучал тем условностям этикета, с которыми им придется считаться еще некоторое время.

– Независимость и полная освобожденность должны жить в ваших сердцах.

Ничто внешнее не может задавить человека, если сердце его свободно от страха и зависти. Все эти внешние рамки, разные отягощающие обстоятельства – только иллюзии. Пустой, неуверенный человек, не имеющий понятия о том, что он в себе носит, что только сам он творит свой день, – только такой невежественный человек может жаловаться на обстоятельства, стесняться людей и обычаев. Вам следует не только понять, что ничто давить на вас не может, но научиться владеть собой так, чтобы при всех обстоятельствах не терять спокойствия и свободы, уверенности и мира. Тебе, Наль, пора забыть гарем и осознать себя не восточной или западной женщиной, а прежде всего человеком.

Смотри на всех одинаково, воспринимай каждого именно тем встречным, которому должна ты нести мир и свет. О страхе забудь. Научись быть среди людей, отдавая дань времени, в котором живешь, тем не менее заставляй их помнить о вечной красоте.

И ты, крошка Алиса, сиди сегодня за роялем, как воспитанная леди, но выливая море звуков, зови своих слушателей к раскрепощению. Чистота твоей артистичности будет стирать с сердец несносный налет уныния, зависти и страстей. Забудь и ты навсегда о страхе, особенно о страхе перед игрой и пением. Наоборот, зови в музыке к духовному напряжению, к действию.

Поцеловав обеих дочерей, – шутя он говорил пастору, что отбил у него дочь, – Флорентиец расстался с ними до вечера, сказав, что Дории известно, во что и как их одеть. И вот вечер наступил. Флорентиец сам зашел за Наль, снова надевшей свое парчовое платье и жемчуг. Стоя рядом с Николаем, она была так прекрасна, что даже отец улыбнулся, объявив ее заранее притчей во языцех лондонского сезона. Вбежавшая Алиса, увидев всех троих вместе, всплеснула руками, сказав, что не отказывается от первого впечатления и не знает, кто из мужчин моложе и красивее. Но что Наль сегодня сошла с Олимпа – это уж вне всяких сомнений. Сама Алиса не сознавала своего очарования; в легком белом платье, с сияющими синими громадными глазами и золотым ореолом волос она была похожа на музу.

Все вместе сошли вниз, где их ждали пастор, Сандра и лорд Мильдрей, обомлевшие от красоты двух спустившихся к ним пар. Едва успели хозяева войти в зал, как стали появляться гости.

Вечер прошел для молодых хозяев и Алисы как нельзя удачно. Алиса играла исключительно хорошо, обе юные женщины пожинали лавры; комплименты и приглашения сыпались на них как из рога изобилия. И обе после отъезда гостей бросились на шею своим отцам с возгласом:

– Слава Богу, наконец-то кончилось, – чем насмешили не только отцов, но и оставшихся ночевать Сандру и лорда Мильдрея.

Утомленные, но счастливые завтрашним отъездом в деревню, все разошлись по своим комнатам.

Глава IV

Важное событие в семье графа Т. на балконе у Наль. Завещание пастора

Прелестное августовское утро, теплое и солнечное, обрадовало обитателей дома лорда Бенедикта. После раннего завтрака, не мешкая, отправились в имение. Станции мелькали под восторги Наль и Алисы, которых восхищало все: и поля, где работали крестьяне, и цветущие палисадники, и домики, обвитые плющом и цветущими розами, и стада, и играющие на улице дети. Обе, казалось, позабыли о своих спутниках, только и слышалось: «Смотри, Наль», «Смотри, Алиса».

Наль, впервые познакомившаяся с Англией, удивлялась решительно всему.

Действительно, все было так непохоже на ее родину. Ей казалось, что вот сейчас мелькнут силуэты осликов и верблюдов, без которых она не представляла жизни. Алиса тоже бывала за городом очень редко и природу видела только из вагона, так как пасторша ее не выносила. Поэтому воспринимала свой отъезд на дачу, как кругосветное путешествие. Почти полтора часа езды в поезде мелькнули, как одна минута. И когда лорд Бенедикт сказал, что на следующей остановке им сходить, она была очень разочарована.

– Как бы тебе хотелось, Алиса, ехать сутками – на поезде или на пароходе? – спросил пастор.

– О да, папа, с вами и со всеми, с кем еду сейчас, очень бы хотелось, хотя на пароходе, наверное, очень страшно.

– Страшного-то ничего нет, – сказала Наль. – Но так противно, что даже одно воспоминание об этом во мне и сейчас вызывает тошноту.

Наль побледнела и пошатнулась. Николай поддержал ее и пошутил над ее слишком горячим восточным воображением, а лорд Бенедикт быстро подал ей коробочку с маленькими конфетами:

– Возьми и поскорей проглоти. Это заставит тебя забыть о пароходе.

Наль с трудом исполнила его желание и снова опустила головку на плечо мужа. Обеспокоенная Алиса с удивлением обнаружила, что ее отец, всегда волновавшийся из-за чужих болезней, на этот раз совершенно спокоен.

Посмотрев на лорда Бенедикта, она и в нем не нашла никаких признаков волнения. Только Николай выказывал Наль внимание и сочувствие, но и он не был слишком обеспокоен. Алиса, глубоко переживавшая дурноту Наль, с досадой пожала плечами и пробормотала, вздыхая:

– Ох уж эти мужчины, – и это было так неожиданно и комично, что вызвало общий смех. Веселее всех смеялась Наль. Так они и сошли на станции, где их ждали экипажи.

Это путешествие заняло немногим более получаса, и путники добрались до имения Флорентийца. Миновав ворота, экипажи двинулись по длинной и широкой дубовой аллее, в конце которой виднелся дом. Он стоял на высокой горе, по которой террасами спускался к большому пруду тенистый парк с вековыми липами, ясенями, дубами и каштанами. Тут и там виднелись лужайки, клумбы и кусты роз, – все было полно красоты и гармонии.

– О отец, – бросилась на шею Флорентийцу Наль, – я думала, лучше сада дяди Али и быть не может. А оказывается, вот какие сады бывают на свете. Ой, отец, опять, опять кружится голова и тошнит.

Флорентиец снова дал ей маленькую конфету и велел Николаю отнести жену наверх, где она должна полежать не меньше часа.

– Ну, поскольку молодой хозяйке нездоровится, придется тебе, Алиса, выполнять ее обязанности и занять ее место за столом, – остановил Флорентиец Алису, которая собиралась пойти с Наль.

– Но я могу быть нужна Наль, лорд Бенедикт. Разрешите мне посидеть возле нее. Вы же видели, как она сразу осунулась.

– Это ее укачало, через час все пройдет. А вид с балкона Наль – один из лучших в мире. Сразу забудет о болезни. Пока для ухода за ней довольно одного мужа. Но, быть может, настанет момент, когда понадобишься и ты.

– Быть полезной Наль – это большое для меня счастье.

– Вот и Дория. Она проводит тебя. Переоденься в легкое платье и через четверть часа приходи на террасу, где накрыт стол. А до завтрака, пока все будут распаковываться, мы с тобой успеем пройтись по парку.

Алиса, беспокоившаяся за подругу, но утешенная полнейшим отсутствием тревоги у лорда Бенедикта, быстро пошла за Дорией наверх, где и обнаружила, что отец ее сосед. Шепнув ему, что она счастлива провести с ним несколько дней в таком волшебном месте, она просила его отдохнуть до завтрака. И даже не посмотрела, что на нее набросила Дория.

– Ну можно ли так мало интересоваться собой, мисс Уодсворд, – говорила Дория, застегивая на Алисе прелестное сиреневое платье с белыми кружевами. – Ведь вы красавица. Неужели вы этого не понимаете?

– Дория, друг, дорогая сестра, – и Наль, и я, мы уже устали просить вас называть нас только по имени. Если вы еще раз сделаете по-своему, то огорчите меня до слез. Разве вам этого хочется?

– Нет, Алиса, меньше всего я хотела бы вас огорчить. Но как-нибудь я расскажу вам печальную историю своей жизни, и вы поможете мне смиренно исполнять мою роль.

Алиса поцеловала Дорию, огорчаясь, что должна спешить и поэтому не может выслушать немедленно же Дорию, которая завязывала на ней фиолетовую ленту белой кружевной шляпы.

– Если бы я была мужчиной, я бы женилась на вас сегодня же, – говорила Дория уходящей Алисе.

Весело смеясь, Алиса выпорхнула на террасу, где ее ждал Флорентиец. Он тоже успел переодеться в легкий серый костюм и белую шляпу. Увидев смеющуюся девушку, совершенно очаровательную в легком платье, с открытой шеей и руками, он элегантно снял шляпу и, улыбаясь, сказал:

– Будь мы во Флоренции, десяток твоих обожателей заманили бы меня в капкан, откуда я вряд ли выбрался бы.

– К счастью, мы в Англии, лорд Бенедикт, обожателей у меня нет, и капкан никому не грозит.

– Так ли это, Алиса? Точно ли у тебя нет обожателей? И никто не шептал тебе, как ты красива? – преуморительно строил постное лицо Флорентиец.

– Нет, лорд Бенедикт, – рассмеялась Алиса. – Мужчины пленяются такими женщинами, как Наль и Дженни. У них всегда много обожателей, потому что они красивы. А вот Дория только что сказала мне, что если бы она была мужчиной, то женилась бы на мне прямо сейчас.

Уходя в глубину парка, где на все лады пели птицы, прыгали белки и на дорожки ложились пятнами солнечные лучи, Алиса была потрясена впервые осознанной тишиной и величием природы.

– Боже мой, как прекрасна жизнь, – воскликнула девушка, когда Флорентиец вывел ее на верхушку горы, откуда открывались дали. – И какая тишина! Отсюда никогда бы и не ушла.

– К сожалению, нельзя жить так, как нам хочется. А только, как ведет великая Матерь Жизнь. Мы приходим на Землю и уходим, уже связанные теми нитями, которые сплела наша же любовь или ненависть, Алиса. Зло не живет в мире само по себе. Если оно сваливается на

нас, то только потому, что мы сами, творчеством своего сердца, призвали его к себе. Если же мы чисты, – оно не приблизится. Пусть мы не знаем, почему горе на нас свалилось именно сейчас, но это мы соткали его когда-то. И не умеем в этот миг растворить его в огне своей любви. Ты беспокоишься о Наль. Но тревожиться о ней нечего.

Можно только радоваться. У нее будет ребенок, и начало ее беременности будет протекать несколько тяжело. Твоя помощь будет очень нужна твоей подруге, если, правда, ты вскоре не захочешь выйти замуж.

– Я? Замуж? Господи, что только вы не скажете, лорд Бенедикт.

– Если хочешь последовать моему указанию, – не выходи сейчас замуж. Не оставляй нашей семьи, а наоборот, переселись к нам. Твое влияние на Наль, твоя доброта и чистота помогут сложиться ее материнскому чувству, а ребенку прийти в мир, имея в твоём лице добрую волшебницу – тетю Алису.

– Я понимаю огромную важность каждой приходящей в мир новой жизни, лорд Бенедикт. И, видит Бог, не мыслю иного счастья, чем служить Наль, вам. Но... – сияющие, полные слез глаза Алисы поднялись на Флорентийца, – у этой жизни будут любящие отец и мать и такой необыкновенный дед, как вы. А у моего отца нет, кроме меня, никого. Но я поступлю так, как вы укажете. Я только хочу, чтобы вы учли, как одинок и несчастлив мой обожаемый отец. Встреча с вами – первое счастье в его жизни. А я – его единственное утешение.

– Я слышу голоса, Алиса. Сюда идут твои обожатели и твой отец. Мы продолжим наш разговор потом. Знай только, что пока жив твой отец, ни ты, ни я его не покинем. Вытри глаза и проглоть эту пилюлю. Найди в себе самообладание, Алиса, и волей-любостью победи личное страдание. Дело не в тебе, а в твоём отце, проводить которого ты должна легко, ни разу не показав ему, что страдаешь при мысли о разлуке. Думай только о каждой текущей минуте его жизни и старайся быть светом ему и радостью.

Из-за поворота дорожки показались трое мужчин. Флорентиец прижал к себе девушку, пристально, ласково и с такой мощью посмотрел ей в глаза, что к Алисе сразу пришло спокойствие и самообладание. Вся ее фигурка, залитая солнцем, громадные синие глаза, засветившиеся сейчас новым спокойствием, были совсем другие, чем в Лондоне. От троих приближавшихся мужчин отделился один, в светлом костюме, и побежал к Флорентийцу и Алисе, сняв шляпу, размахивая ею и крича:

– Ура, это я вас нашел, лорд Бенедикт. Мои солидные спутники уверяли, что искать вас нужно у оранжерей. Мисс Алиса, вы хорошеете не по дням, а по часам. И до чего дойдет, уж и не знаю, – говорил Сандра, присоединяясь к своим друзьям.

– Ты, Сандра, не исправим, – улыбнулся Флорентиец. – Лорд Мильдрей опять придет в отчаяние от твоей манеры говорить девушкам комплименты.

– А я готов подписаться, – обнимая дочь и беря ее под руку, тихо сказал пастор. – С тех пор как моя Золушка стала проводить время в вашем доме, она превратилась в царевну. И действительно, чем дальше, тем она милей. Сегодня, Алиса, ты даже старика-отца обворожила.

– Предоставьте ей, лорд Уодсворд, очаровывать этих милейших молодых людей. А мне хотелось бы поговорить с вами. Не хотите ли присесть на ту скамью. Вид оттуда прекрасный, да и вам отдохнуть невредно. А молодежь погуляет по парку до завтрака.

И Флорентиец увел пастора в боковую дорожку, к обрыву. – Я так рад каждому проведенному подле вас мгновению, лорд Бенедикт. Тем более, что совершенно определенно чувствую, как мало земных мгновений мне осталось.

Мысль о том, что ждет мою семью, что ждет Алису, одна из самых тягостных.

– Неужели вам не ясно, мой дорогой лорд Уодсворд, что Алиса в моей семье нашла второй родительский кров. Мысль о ней не должна вас тревожить. Сегодня сюда придут два юриста по делам Николая и Наль. Вы можете составить завещание и назначить меня опекуном вашей дочери на случай вашей смерти. Но эта сторона, юридическая, мало затруднительна. Я хотел

предложить вам, – если вы действительно чувствуете себя плохо, – взять отпуск и переехать сюда, в деревню, где мы проведем август и сентябрь. Вы с Алисой доставите всем величайшую радость, если поживете с нами это время. У меня были несколько иные планы. Но Наль, как, я думаю, заметили и вы, ждет ребенка. Ей необходимо побыть в тишине не только ради здоровья, но и чтобы глубоко постичь событие, к которому готовится.

– Если бы не счастье моей встречи с вами, лорд Бенедикт, мне нечего было бы вспомнить в этой жизни. Алиса да мой старый слуга и верный друг, вот все, что было и есть светлого в моем доме. Изведав страдание сердцем, я нашел смысл и свет жизни в служении Богу и ближним. Только первые годы терзала меня моя собственная трагедия. Но я позабыл о себе, когда окунулся в океан человеческих страстей и горя. Отходя теперь к Отцу моему, переживая вновь всю свою жизнь, я сознаю, что не был верным ему слугою, ибо оставляю после себя такую безобразную семью. Наставляя свою паству, утешая и облагораживая другие семьи, я ничего не смог сделать в своей собственной. Не смог вырвать всходы зла и разврата, что посеяла Катарина.

Бледное, удрученное лицо пастора, его глаза, точно уже простившиеся с миром, поникшая фигура, – все говорило о такой скорби сердца, которой действительно уже не вынести человеку и от которой должны порваться струны его сердца.

– Лорд Уодсворд, человек, отдавший свою жизнь людям и служивший им так, как это делали вы, – не просто обыватель, создавший одну из миллионов уродливых семей. Вы – арфа того Бога, которому служили, любя людей. Не вините себя, что по доброте своей женились неудачно и, спасая, как вы полагали, чистое существо, вы попали в сети зла. Вы оправдали свою жизнь своею деятельностью. Вы были чистым слугой Бога. Вы несли свет и оставляете его на земле в лице Алисы. Вы ослабили сети зла, которые плела и плетет ваша жена. На много лет вы задержали темные силы, которые стремились к ней и к которым стремилась она. А что будет после вашей смерти – о том предоставьте позаботиться мне, и верьте, что я защищу Алису. Чтобы облегчить бедной девочке борьбу с матерью и сестрой, перевезите ее в мой дом теперь же.

Переезжайте сюда, в деревню, со своим слугой, если мое общество вам радостно. Мне же еще многое предстоит передать вам, прежде чем мы расстанемся.

Флорентиец обнял пастора за плечи и подал ему небольшую зеленую коробочку, на дне которой лежало несколько розовых конфет.

– Скушайте, дорогой друг, одну из этих конфет, она вас воскресит. Не предавайтесь отчаянию. Если вы думаете, что покидаете Землю, то делать это следует мужественно и мудро, в мыслях о Вечном и с полным сознанием великого счастья: жизни Единого в себе и во всем. Но вот и гонг к завтраку. Я проведу вас ближайшим путем.

Пастору стало лучше. Он уже не казался стариком, сердце которого сейчас разорвется. На бледных щеках его появился намек на румянец, он как будто помолодел и шел легко.

– Как хочется поведать, какое облегчение дали вы мне, лорд Бенедикт. Но слов подходящих не нахожу. Одно могу сказать: я думал, что не смогу удержать в руках лампы мира и предстану перед Отцом с мигающей лампой. Сейчас знаю, что вы примирили меня с жизнью, и я отойду с миром, принимая все свои обстоятельства и благословляя их. Как святыню я понесу до конца эту жизнь, эту временную мою форму, через которую было необходимо пройти, чтобы очиститься и раскрепоститься.

– О папа, как вы хорошо выглядите. Вы напомнили мне моего прежнего папу, который подолгу гулял со мной.

– Да, дитя, прибавь только, что общество лорда Бенедикта делает меня таким счастливым, каким я никогда еще не был.

Флорентиец попросил гостей подождать его несколько минут, пока он навестит Наль и не узнает, может ли она спуститься к завтраку. Пока отсутствовал хозяин, Сандра сообщил

пастору новости из последнего научного американского журнала, а лорд Мильдрей рассказывал Алисе, что весь Лондон на сей раз помешался на скачках, где будут состязаться какие-то замечательные лошади из королевского дома. И королевская семья собирается присутствовать, поэтому билеты в ложи нарасхват.

– Но я все же достал одну из лучших лож. Ни графиня, ни вы, леди Уодсворд, никогда не видели скачек. Я был бы очень рад, если бы вы их посмотрели. Если лорд Бенедикт согласится, мы могли бы в воскресенье утром выехать в город и после скачек, к обеду, быть снова здесь.

Флорентиец вернулся один, сказав, что Наль чувствует себя хорошо, но он посоветовал ей еще немного полежать. За завтраком лорд Мильдрей передал хозяину билет на скачки, прося для всего общества разрешения поехать тоже.

Флорентиец охотно согласился, сказав, что у него есть дело в Лондоне на воскресное утро, а Наль и Алисе будет поучительно посмотреть еще на один вид спорта, где бушуют безобразные страсти. Сандра, тоже не видевший скачек, решил, что ему следует обидеться на то, что лорд Бенедикт не считает нужным позаботиться и о его воспитании тоже.

– Я только потому, Сандра, тебя не назвал, что боюсь, как бы у тебя во время скачек не выросла еще пара ног и, со свойственным тебе темпераментом, ты не понесся бы по скаковой дорожке. Поэтому всю дорогу и на самих скачках изволь сидеть рядом.

Под общий смех завтрак кончился, и все общество, не дождавшись Наль и Николая, отказавшихся от прогулки, отправилось к пруду.

Наль физически чувствовала себя хорошо. Но ее духовное равновесие было так сильно нарушено, что не только видеть кого-либо из друзей, но даже Алисе она не хотела показать свое расстроенное лицо. Как только Николай внес ее наверх и уложил на балконе, дав ей каких-то капель, Наль довольно скоро почувствовала себя хорошо и сказала мужу:

– Удивительное создание женщина. Мы с тобой на пароходе были в одинаково плохих условиях, – и ты уже давно забыл о качке, а в моем организме она все взбудоражила до дна. Только о ней вспомню, как меня начинает мутить и я становлюсь больной.

– Мне думается, моя дорогая, что здесь дело не в качке. А нас с тобой ожидает нечто другое, очень значительное. И твоя тошнота, и твои головокружения – все происходит от того, что в тебе зародилась новая, наша общая жизнь.

Наль покраснела до корней волос и спросила, опуская глаза:

– Как мог ты догадаться? Я хотела, чтобы все узнали об этом тогда, когда родится ребенок.

– Наль, дружочек мой, моя любимая детка. Тебе предстоит целый ряд испытаний. Как бы ни готовил тебя дядя Али к этой жизни, сколько наш дорогой друг, которого ты сама выбрала в отцы, ни развивает твой дух, переливая в тебя свои доброту и мудрость, укрепляя тебя для новой семьи, – есть еще тысяча дел и вещей, когда ты можешь и должна побеждать свои предрассудки только сама. Все мы от них не свободны. И часто, воображая, что выполняем самый священный долг перед жизнью, так себя закрепощаем, что не имеем даже времени в полном внимании, при полной освобожденности помыслить о величии и истинной мудрости той минуты, которую сейчас изживаем. Видишь ли, на Земле мы можем жить только по земным законам и никаким другим. И если сегодня ты поняла, что тебе предстоит стать матерью здесь, на Земле, ты уже обязана – обязана и перед грядущей жизнью, и перед дядей Али, и перед отцом-Флорентийцем – найти в себе те великие силы любви, в которых утонут все мелочи, все предрассудки, ведущие дух в тупик, а не в творчество.

Если действительно ты любишь меня, любишь своих отцов, хочешь служить им и людям, и создать новую, раскрепощенную семью, то все стесняющие тебя мелкие обстоятельства должны утонуть в твоей любви. Ты легко перейдешь грань условной стыдливости и поедешь к доктору, чтобы узнать, правильно ли, безопасно ли началась в тебе новая жизнь. Ты не будешь стесняться того, как выглядишь. Ты будешь исполнять все предписания врача, все требования

гигиены, потому что ты забудешь о себе, а станешь думать о будущем ребенке, о его здоровье. Ты, любя, создашь для него в себе гармоничное жилище.

Будущий ребенок – не тиран, который завладеет всею твоей жизнью. Не идол, для которого ты отрежешь себя от мира и весь мир от себя, чтобы создать замкнутую, тесную ячейку семьи, связанной одними личными интересами: любовью к «своим». Ребенок – это новая связь любви со всем миром, со всей Вселенной.

Это раскрепощенная любовь матери и отца, в которой будет расти не «наш», «свой» ребенок, но душа, данная нам на хранение. И это сокровище мы будем с тобой хранить со всем бескорытием любви. Со всею честью и благородством, на какие только способны, помогая ему развиваться и зреть в гармонии. Я знаю, Наль, моя дорогая детка, сколь многое тебе будет сейчас трудно. Но я знаю и то, как много сил в тебе, какая бездна преданности живет в тебе, и какая непоколебимая верность, не имеющая даже понятия об «измене», горит в моей дорогой жене.

Николай приник к губам Наль и, казалось, отдал ей все свое сердце в этом поцелуе чистой, глубокой любви.

– О Николай, как далека я была от действительности, рисуя себе когда-то картины счастья, мечтая о том, что «вот я – твоя жена» – как все это было по-детски. Много, впитанное мною, разумеется, из гаремных предрассудков, разлетелось, как глиняные кувшины для воды на моей родине, не годные для цивилизации того народа, с которым мы сейчас живем. Но вместе с кувшинами полетели и многие мои боги, которым я всерьез поклонялась. Теперь я увидела и в них только глиняных идолов. И ты угадал, – я представляла себе ребенка идолом семьи, тесной ячейки, где только «свои» могут быть любимы, чтимы и допустимы.

А теперешняя жизнь, когда Алиса, пастор, Сандра и лорд Мильдрей так легко проникли в мое сердце, – а ведь недавно там жили только очень «свои», – мне показала, как, не нарушая верности дяде Али и тебе, можно сделать чужих своими и признать их членами своей семьи.

Наль забралась на колени к мужу, обвила его шею руками и по-детски продолжала:

– Самое для меня трудное, – это, конечно, доктор. Чего бы я только не дала, чтобы не иметь с ним дела.

– Вот для того, чтобы многим женщинам облегчить в будущем материнство, ты и будешь доктором. Ты уже сейчас так подготовлена мною, что я надеюсь, тебя примут сразу на второй курс медицинского факультета, но это мы с тобой еще сверим по программе. Это наиболее легкая сторона дела, поскольку и твоя память и способности помогают тебе без труда преодолевать препятствия в науке. Сейчас нам с тобой – в смысле духовного роста и совершенствования – нельзя терять ни мгновения. Посмотри на этот дивный вид, что расстилается перед нами. Отец, повидавший весь мир, говорит, что он один из лучших на Земле. Как счастлив тот человек, что приходит в мир через тебя, дорогая.

Твои глаза могут видеть величайшую красоту Земли в первые моменты его жизни.

Твое сердце ощущает гармонию природы и гармонию такого великого человека, как Флорентиец. Неужели ты не ощущаешь себя сейчас единицей всей вселенной? Разве можешь ты отъединить себя от меня? От этих кедров и кленов? От солнца и блестящего озера? О Наль, жизнь и смерть – все едино. Наша жизнь сейчас – только мгновенная форма вечной жизни. И все, что мы знаем твердо, неизменно, – это то, что мы – хранители жизни. Ты станешь матерью. Ты передашь наши две жизни новой форме, которую будешь беречь до тех пор, пока жизнь не пошлет ей зова к тому или другому виду самостоятельного труда и творчества. Мы должны создать для новых, приходящих через нас единиц вселенной такие условия раскрепощенного существования в семье, чтобы ничто не давило на них, не всасывалось в них ядом наших предрассудков и страстей.

– Меня страшила бы ответственность, Николай, если бы я не была рядом с тобой. Знаешь ли, однажды пастор поразил меня своей прозорливостью. В тот день, когда отец оставил меня и его в своей тайной комнате, пастор сказал: «Ваш муж не вынес бы ни мгновения вашей

неверности». И я поняла, что связана с тобой до смерти, что между нами не может встать не только образ какого-либо человека, но даже сама мысль об измене. А еще я стала понимать, что наша семья необходима и дяде Али, и отцу Флорентийцу, чтобы цепочка преданных им учеников и радостных слуг не прерывалась. Помолчав, Наль тихо прибавила:

– Пастор и Алиса тревожат меня. Пастор так слаб, а Алиса этого не видит.

– Нет, Наль, Алиса часто плачет об отце. Но это ангельское создание улыбается. Она боится потревожить кого-нибудь своим расстроенным видом и скрывает горе, отлично понимая, что ее ждет вечная разлука с отцом, как она пока называет смерть.

– Но ведь это трагедия, Николай. Во мне растет новая жизнь, а он, венчавший нас, уходит. Неужели ему нельзя побыть с нами. Пожить в радости, отдохнуть.

– Нам еще не понять до конца пути человеческие, Наль. Но пока человек способен совершенствоваться, – он живет. Он борется, терпит поражения, разочаровывается, но не теряет мужества, не теряет цельности в своих исканиях и вере, живет и побеждает. Его сердце все растет, его сознание ширится. Он еще может принести в день свое творчество. Еще способен просто отдавать свою доброту, – и поэтому живет.

Бывает, что человек десятки лет ведет бесполезную жизнь. Живет эгоистом и обывателем. Становится никому не нужным стариком – и все живет. Жизнь, великая и мудрая, видит в нем еще какую-то возможность духовного пробуждения. И Она ждет. Она дает человеку сотни испытаний, чтобы он мог духовно возродиться. И наоборот, бывают люди, так щедро излившие в своих простых, серых буднях доброту и творчество сердца, что вся мощь его превращается в огромный свет.

И их прежняя физическая форма уже не способна нести в себе этот новый свет. Она рушится и сгорает в вихре тех новых вибраций мудрости, куда проникло их сознание. И такие люди уходят с Земли, Наль, чтобы вернуться на нее еще более радостными, чистыми и высокими. Ты найди в себе такую нежность любви и такую дружбу, чтобы утешить Алису не состраданием-слезами, а состраданием мужества и силы. Обними ее и старайся видеть перед собой дядю Али, чтобы его сила через тебя поддерживала Алису в спокойном подчинении воле жизни.

И всегда сознавай, что все месяцы твоего материнства, а потом, вероятно, и годы нашей общей жизни в семье, – в них счастье служить человечеству.

Счастье трудиться для него, не выбирая что-нибудь полегче и приятнее, а трудиться так и там, как укажут дядя Али и отец Флорентиец. День в сотрудничестве с ними, – о каком еще высшем счастье можно мечтать? Нет разлуки, Наль, с дядей Али для тебя. Что бы ты ни делала, куда бы ни шла – все мысленно держи его руку.

Оба Друга, муж и жена, не замечали времени. Они умолкли и наблюдали начинавшийся закат, возвращающиеся домой стада, появление дымок над крышами. Видя, как постепенно оживала долина, они чувствовали себя слитыми с этой жизнью природы. Сердца их бились ровно и спокойно, неся в себе, каждое по-своему, свою, особенно звучащую ноту общей жизни.

Внизу слышались голоса, и вскоре супруги услышали легкие шаги Флорентийца и Алисы на лестнице. Наль, еще раз поцеловав мужа, пошла к двери и распахнула ее прежде, чем согнутый пальчик Алисы успел в нее постучать.

Вытянутая рука девушки по инерции коснулась Наль, что заставило обеих и Флорентийца весело рассмеяться.

– Наль, я так соскучилась без тебя.

– И не вздумай верить этой ветренице, дочь моя. Теперь поет жаворонком, а можешь ли представить эту козочку бегающей взапуски с Сандрой. Я чуть не умер от смеха, когда лорд Мильдрей, осанистый и величественный, тоже пустился было помогать ей обогнать Сандру.

Лорд Бенедикт сделал какое-то движение, приподнял ногу, чуть-чуть повел плечом и головой, – и все покатались со смеху, узнав мгновенно милого, доброго лорда Мильдрея.

– Ну, я вижу, доченька, что ты смеешься громче всех. Значит, здорова, а потому одевайся и спускайся к обеду.

– Алиса уже предъявила мне счет за исполнение обязанностей хозяйки за завтраком. Если это повторится за обедом, – я, пожалуй, стану банкротом.

– Что только вы не скажете, лорд Бенедикт, – всплеснула руками Алиса.

– Вот видишь, Наль, второй раз она говорит мне сегодня эту фразу. Ну, давай мириться, Алиса. – И Флорентиец, подойдя к девушке, снял с нее шляпку, поправил кудри и сказал: – Ну, разве она не красotka, наша Алиса?

– Конечно, отец, не только красotka, но настоящая чудо-красавица. И если вы будете ее обижать...

– То, пожалуй, ее поклонники меня обидят. Очень рад, дети мои, что у вас обеих такие мирные и благородные поклонники. Могу вам сообщить радостные новости. После страшной бури на Черном море, в которой твой брат Левушка не осрамил тебя, Николай, а стяжал себе репутацию храбреца, он познакомился в Б. с сэром Уоми и там узнал, что ты писатель. Сэр Уоми подарил ему обе твоих книги и просит теперь выслать ему новые экземпляры. Я надеюсь, ты сделаешь это сам.

– Кто этот, сэр Уоми, лорд Бенедикт? – спросила Алиса.

– Это, козочка, один мой друг, большой мудрец, у которого глаза почти такого же цвета, как твои. Но пойдем отсюда, тебе и мне пора приводить себя в порядок, а Наль, я думаю, уже не терпится пройтись до обеда.

Флорентиец спустился к себе, а Алиса зашла к отцу, который снова показался ей усталым. Пастор сидел на балконе в глубоком кресле. Лицо его действительно было усталым, но выражение безмятежного покоя и радости – такое редкое за последнее время – светилось в его больших, добрых глазах.

– Как я счастлив, дочурка, что ты зашла ко мне. В этих покоях, в этом просторе и тишине, к которым мы с тобой не привыкли, ты мне кажешься совсем другой. Я только здесь и в лондонском доме лорда Бенедикта сумел понять, чем ты была для меня всю мою жизнь и в каком я перед тобой долгу.

Алиса села на скамеечку у ног отца, прижалась к нему и взяла обе его руки в свои.

– И вот, дорогая, скоро опустится занавес пятого акта моей жизни. Много, многое сделано не так, как я того хотел. Еще больше не выполнено. И перед тобой я виновен в том, что не сумел дать тебе счастья и беззаботного детства. Я не смог отстоять твоей самостоятельности и теперь ухожу, оставляя тебя чужой в родной семье. Без законченного общего и музыкального образования. Алиса, Алиса, ты будешь права, если назовешь меня нерадивым отцом.

– Папа, зачем вы говорите против всякой очевидности? Вы знаете, что были лучшим отцом, о каком можно мечтать. Вы украсили мне жизнь и показали, что значит божественное в человеке. И для Дженни вы были лучшим отцом, какого она только могла иметь. А если Дженни, развиваясь, пленялась только внешним блеском жизни и отбрасывала духовные ценности, на которые вы ей указывали, – в этом нет вашей вины. Зачем нам говорить о том, что будет, когда опустится занавес вашей земной жизни? Сейчас он поднят, папа. Мы живем. Живем в обществе человека, знакомство с которым сделало нашу жизнь сказкой.

– И этот человек послал тебя, дитя, переодеться, потом стоял под дверью, трижды стучал и ожидал разрешения войти, – услышали отец и дочь чудесный голос лорда Бенедикта, стоявшего подле них на пороге балкона.

Алиса, смущенная, вскочила на ноги, а пастор хотел встать, чтобы пододвинуть стул хозяйину, но Флорентиец удержал его в кресле, взял стул и, садясь рядом, продолжал:

– Вот вам еще конфета, лорд Уодсворд. Как вы себя чувствуете? Если вы хорошо себя чувствовали после первой, то так же и даже лучше будете себя чувствовать после второй. Но, леди Уодсворд, вас я не хвалю. Вот уже и гонг. Попросите Дорию хотя бы причесать вас.

Алиса убежала к себе, а лорд Бенедикт и пастор медленно сошли вниз на террасу, куда вскоре собралось все общество, перед тем как войти в столовую.

Весело и оживленно проходил обед. Много спорили о том, ехать ли на скачки.

Наль и Алисе, не испытывавшим никакого интереса к выставке нарядов высшего общества, как и к самому этому обществу, и опасавшимся вдобавок, что лошадей будут бить, ехать не особенно хотелось. Пастор сказал, что предпочел бы почитать в тишине. Сандра пылал желанием ехать. Мильдрей и Николай молчали.

Хозяин предложил отправиться всем вместе.

– Вам, девочки, необходимо побывать на скачках, чтобы понять, среди кого вы живете. Чтобы понять народ – недостаточно видеть дворцы и музеи и знать его язык. Надо наблюдать еще нравы и обычаи, проникнуться его темпераментом.

Вы, друзья, будете наблюдать не только великосветские ложи, но и море трибун для простонародья. И в ложах, и на трибунах вы увидите кольца пылающих страстей, в которые заковали себя люди, думая, что они являют собой высшую цивилизацию всего культурного мира. А вам, лорд Уодсворд, и Алисе предстоит еще один урок жизни. Вы поймете, что зло тащит за собой человека не потому, что окружает его извне, а только потому лишь, что внутри его сердца уже бурлит кратер, куда зло только подливает свое масло.

Сердце доброго – кратер любви, и маслом ему служит радость. Оно свободно от зависти, и потому день доброго легок. Тяжело раздраженному. Потому что кипение страстей в его сердце не дает ему отдыха. К сердцу того, кто всегда в раздражении, открыт путь всему злumu. Такой человек не знает легкости. Не знает своей независимости от внешних обстоятельств. Они давят его во всем и постепенно становятся его господином. Поедьте все вместе. Дамам нашим милая и умная Дория соорудит по части туалетов все, что для скачек требуется. Мы ее отправим завтра в Лондон, а утром в воскресенье поедем сами. Но я слышу, подъехал экипаж. Это, несомненно, юристы. Алиса, поиграй для всей молодой компании, а мы с твоим отцом должны поработать часа два с несносными, но неизбежными законниками.

Молодежь отправилась в зал, откуда вскоре донеслись звуки музыки, а Флорентиец с пастором прошли в кабинет, где и занялись делами.

Очень быстро закончив свои личные дела, лорд Бенедикт предложил пастору составить завещание. Лорд Уодсворд подтвердил в новом завещании волю деда, оставившего дом и драгоценности Алисе, а деньги Дженни. Жене пастор оставлял проценты от неприкосновенного капитала, который после ее смерти переходил обеим дочерям. Несовершеннолетней Алисе отец назначал опекуном лорда Бенедикта. Затем в завещании было сказано, что Алиса, до дня своего совершеннолетия, должна жить в доме опекуна, а если бы последний уехал куда-либо из Лондона, Алиса должна следовать за ним. Своим домом, как и драгоценностями, она вольна распорядиться, как того пожелает. До совершеннолетия все ее состояние должно находиться у опекуна, лорда Бенедикта, и ни мать, ни старшая сестра не имеют никаких прав ни на самое Алису, ни на ее состояние. Особый пункт завещания гласил, что часть капитала, лежащая в определенном банке, принадлежит сестре пастора Цецилии Оберсвоуд, ушедшей из дома в юности и точно канувшей в воду. Всю жизнь пастор ее разыскивал. Если спустя десять лет после его смерти никто, ни она, ни ее наследники не явятся на зов, капитал поступает на благотворительные дела по усмотрению лорда Бенедикта. Но до этого момента проценты с капитала, сами по себе составляющие крупную сумму, получает его жена, леди Катарина Уодсворд.

Пастор просил юристов хранить завещание в полной тайне до его смерти. А на третий день после смерти пастора отвезти завещание к его жене и старшей дочери. Алиса же узнает волю отца раньше, из письма, которое пастор ей оставит.

Окончив все дела и проводив посетителей, друзья присоединились к молодому обществу, где шел научный спор между Сандрой и Николаем. Индус кипел на этот раз особенно востор-

женно, так как Николай указал ему на две ошибки, и умный юноша был несказанно рад, что еще не обнаружил свой труд и мог внести в него поправки.

Пастор был особенно добр и нежен с Наль, которая тоже льнула к нему, точно желая воздать ему вдвое лаской и любовью за каждую его минуту на Земле. Алиса, все подмечавшая, отметила и особенное внимание Наль к ее отцу, и что-то новое в нем самом. Точно он снял с себя какую-то заботу и ему стало свободнее и легче. Но какую именно заботу сбросил с себя отец, она угадать не могла.

Как сон пролетели ближайшие дни, и когда в субботу вечером Флорентиец предупредил, что завтра надо рано встать, чтобы поспеть к скачкам, у всех вырвались возгласы удивления и разочарования, ибо воскресенье подкралось слишком быстро. Тем не менее в восемь с половиной утра все сидели в экипажах, чтобы двинуться на станцию к лондонскому поезду.

Глава V Скачки

По дороге в Лондон лорд Бенедикт просил всех своих друзей отнестись к предстоящим скачкам серьезно, а не как к развлечению. Он напомнил о том, что когда идешь в толпу, следует сосредоточиться и постараться привнести наибольшее благородство во встречи, какие могут произойти.

Алиса, зная страсть матери и сестры к скачкам, думала о том, что они без ее помощи не способны приготовить себе элегантные туалеты. Сцена за сценой мелькали в памяти Алисы. И внезапно, каким-то озарением, она поняла, что у нее никогда не было родной семьи. Что у нее был только отец, и они жили вместе с временными спутниками, холодными к ним обоим.

– Если бы я и не наблюдал за тобой так пристально, дочурка, – сказал ей пастор, становясь рядом с ней у окна, – то все равно прочел бы на твоём лице все, о чем ты думаешь. Ведь ты думаешь, как мать и Дженни устроятся со скачками без тебя. Ну, а как вообще ты представляешь себе их дальнейшую жизнь? Можешь ли ты одна везти воз с непосильной для тебя поклажей – двумя человеческими жизнями? Осознай глубже, Алиса, величайшую мудрость жизни: каждый может прожить только свою собственную жизнь. И сколько бы ты ни любила людей – ни мгновения их жизни ты не проживешь. Не набирай себе долги и обязанности, которые на тебя никто не взваливал. Иди радостно. Просыпаясь утром, благословляй свой новый расцветающий день и обещай себе принять до КОНЦА все, что в нем к тебе придет. Творчество сердца человека – в его простом дне. Оно в том и заключается, чтобы принять все обстоятельства как неизбежные, единственно свои, и их очистить любовью, милосердием, пощадой.

Но это не означает, что следует согнуть спину и позволить злу кататься на тебе. Это значит и бороться, и учиться владеть собой, и падать, и снова вставать, и овладевать препятствиями, и побеждать их. Быть может, внешне не всегда это удается. Но внутренне их надо всегда побеждать любя. Старайся переносить свои отношения с людьми из области мелкого и условного в огонь Вечного. Ищи всюду Бога и законы Его.

Ломай условные перегородки между собой и людьми. И ищи в наибольшем такте возможность войти сознанием в положение того, с кем общаешься. И ты всегда найдешь, как разбить предрассудки, нелепо встающие между людьми, как открыть все лучшее в себе и пройти в храм сердца другого. В себе найди цветок любви и брось его под ноги тому, с кем говоришь. И только в редких случаях, при встречах с абсолютно злыми людьми, твоя любовь не победит. Таково мое тебе духовное завещание, Алиса. Но если увидишь потемневшее сознание, – страшно сказать, – как Дженни и мать, – проходи мимо. Благословляй и прощай, но никогда не прикасайся. Не старайся обратить на путь истины. Это невозможно. Всю жизнь я стремился это сделать – и только отяжелил наши с тобой жизни, не принеся им пользы.

В тот день, когда меня не станет, ты не вернешься больше домой. Ты останешься у лорда Бенедикта, там, где твоя истинная семья. И это тоже прими как мою предсмертную волю.

– О папа, папа. Каждое ваше желание было, есть и будет мне законом. Но для чего снова говорить о смерти? Вы так поправились за эти дни. Лорд Бенедикт говорил мне, что вы проживете в его деревне еще два месяца, вместе со всеми нами. Представляете ли вы себе это счастье? Мы с вами будем гулять, кататься, читать, и никто не выразит нам своего недовольствия. И если уж сейчас, за три дня, вы так поправились, что же будет через два месяца?

Лицо Алисы, полное любви, загорелось румянцем. Глаза ее сверкали энергией, вся она светилась радостью и была так прекрасна, что пастор ласково шепнул ей:

– Я никогда не отдавал себе отчет, что ты так прекрасна, моя дорогая детка. Боюсь, что надежды твои не оправдаются, моя любимая. Как бы вместо прогулок и удовольствий и не

доставил бы тебе забот и не причинил горя. И вместо отдыха как бы не сделаться тебе сиделкой возле отходящего отца.

– Тогда я выполню, отец, вашу волю: приму в твердости и спокойствии все то, что жизнь мне пошлет. Но я прошу вас, не терзайте своего сердца мыслями о прошлом или будущем. Я так счастлива, что сейчас вы со мною, вы здоровы, бодры, вид ваш прекрасен. Быть может, вы угадали мое беспокойство о Дженни и маме в связи со скачками. Но ваши слова сняли с меня огромную тяжесть. Мне стало легко. Будь что будет, – если нам придется расстаться, то Божья воля свершится, не разбив мне сердца. Даю вам слово. Не думайте обо мне и, если так суждено, уходите легко, не печалься.

Поезд подошел к перрону. Флорентиец подал руку Алисе, как-то особенно внимательно поглядел на нее и сказал:

– Ты поедешь со мною, дружок. Я хочу с тобой поговорить. О папе не беспокойся. Наль и Николай довезут его очень бережно.

Как только Флорентиец и Алиса сели в экипаж, он взял ее руки в свои и, нежно их пожимая, сказал притихшей девушке:

– У каждого, Алиса, своя Голгофа. Мы уже говорили с тобой об этом. Теперь настал твой момент собрать все свои силы и выразить активным действием верность твоей любви. Отец сказал тебе свою волю, он бросил тебе мысль о своей смерти. Я подтверждаю: смерть его близка, ближе, чем ты предполагаешь. Собери всю силу верности и любви и проводи отца в далекий путь. Ты – единственное, что он создал в своей жизни истинно прекрасного. Одна ты вошла в мир той действенной силой, которая будет продолжать его вековой труд на общее благо. Сейчас ты своим спокойствием и самообладанием можешь вознаградить отца за жизнь страданий и борьбы. И он уйдет спокойно, поняв, что жил не впустую.

Твоя роль священна. Проводить человека, осветив его последние дни радостью, а не слезами уныния, – это установить с ним новую связь для дальнейшей вековой жизни.

Вторая часть твоей Голгофы труднее. Но здесь я тебе помощник. Возьми мою руку, опришись на нее и не разлучайся со мною ни в мыслях, ни в делах. Ты не возвратишься больше к себе домой. Связь твоя с сестрой и матерью, внешне еще существенная, – окончится в духе твоём сегодня. Согласно завещанию отца ты останешься у меня до своего совершеннолетия. Но мать и сестра будут делать все, чтобы заставить тебя покинуть мой дом.

Сегодня ты увидишь их на скачках. Увидишь и удивись их униженному положению. Тебя вот не интересует, ни где ты будешь сидеть, ни во что будешь одета. Они же обе извелись от того, что туалеты их не умопомрачительны, хотя они влезли в долги, из которых не будут знать, как выбраться. Они увидят вас с отцом раньше, чем ты увидишь их. И сердца их наполнятся злой завистью и жадной мстить, из чего ни ты, ни я, ни все мы, вместе взятые, их вытащить не сможем. Есть ли в сердце твоём сомнение в том пути, что указываем тебе мы с твоим отцом?

– Нет, лорд Бенедикт. Сомнение и не подступало ко мне. Единственно, в чем я могу себя винить, так в своем упоении счастьем подле вас, в котором я живу. Я не просила вас о Дженни.

– Ты можешь успокоиться. Дженни позаботилась о себе на свой лад, но с просьбой обратилась не ко мне, а к Николаю. Тебе и не понять все сложные махинации этой души. Но помнишь, я говорил тебе, что у человека, признавшего кого-то своим руководителем, должно быть полное, добровольное подчинение требованиям Учителя и в тех вопросах, которые непонятны ему в данный момент, потому что ученик не может еще знать столько, сколько знает Учитель. Если ты хочешь идти за мной, стать членом моей семьи, как Наль и Николай, вот тебе мое назидаение на сегодня и далее: не принимай ни писем, ни посылок от сестры и матери. Ни на одно свидание с ними не ходи. Ты можешь передавать мне свои пожелания и мысли о том, каким образом тебе хотелось бы помочь им. Но можешь не сомневаться, все – и гораздо больше, чем ты предполагаешь, – будет сделано им в помощь. К несчастью, можно вытащить утопающего,

но не того, кто попал в сети зла, потому что человек сплетает их себе сам. Но вот мы и приехали. Проглоти эту розовую пилюлю и, я уверен, у тебя хватит сил на все.

Было без пяти минут одиннадцать, когда все обитатели дома лорда Бенедикта отзавтракали и разошлись по своим комнатам, чтобы отдохнуть и одеться к скачкам. Хозяин дома вошел в свой кабинет и принялся разбирать скопившуюся на столе почту. Несмотря на огромное количество писем, требовавших ответа.

Флорентиец сам вел всю свою корреспонденцию и дела, обходясь без секретаря.

В последнее время он стал привлекать к своей работе Наль, Николая и Алису.

Больше работал Николай, и обе женщины шутливо упрекали Флорентийца в том, что у него появился любимчик.

В это утро на лице Флорентийца несколько раз мелькало сосредоточенное выражение. Он как бы призывал кого-то издалека или посылал куда-то свои мысли. Затем принимался работать дальше.

Алиса и Наль отправились к Дории узнать, что с их туалетами. У каждой из них на сердце лежала мысль о пасторе, но ни словом они не обмолвились о своей печали. На этот раз Дория удивила своих госпож-подруг. Для Наль она приготовила платье апельсинового цвета с накидкой из белых кружев и прелестной белой шляпой. Для Алисы – платье цвета подснежника, с черной шелковой пелериной и черной же кружевной шляпой. Когда Николай в легком сером костюме сошел вниз со своими элегантными дамами, общий восторг рассмешил их.

– Ну вот, – сказала Наль, действительно поражающая сочетанием нежной кожи, зеленых глаз и темных волос с апельсиновым платьем и белым тончайшим кружевом, – сегодня мы с Алисой ждали осуждения. Алиса уверяла, что мы слишком ярки и что вы примете нас за прилетевших откуда-то какаду. И вдруг восторг. Будьте же справедливы и поднесите цветы и конфеты нашей милой, самоотверженной Дории. Мы с сестренкой Алисой палец о палец не ударили, все сделано одной Дорией.

– И за всю свою самоотверженность, – вмешалась Алиса, – это чудное создание, нарядившее нас, как принцесс, остается дома убирать за нами. Мне бы так хотелось, чтобы Дория была мне сестрой и мы бы сидели с нею рядом на скачках, лорд Бенедикт. Как могло случиться, что Дория, с ее воспитанностью, образованностью, вкусом и красотой, – наша слуга?

– Об этом ты, быть может, однажды узнаешь от нее самой. А теперь пора. Николай с женой. Ты, Алиса, и Сандра со мною. А лорд Мильдрей и наш дорогой пастор поедут вдвоем.

Сандра, тоже очень элегантный и старавшийся до этой минуты держаться солидно, не преминул выкинуть одно из своих антраша и заставил смеяться даже солидных слуг лорда Бенедикта. Усевшись в экипажи, все общество покатило на скачки.

Задолго до этой минуты Дженни, не спавшая почти всю ночь, никак не могла решить, пойдет ли она к лорду или нет. То ей казалось, что это бессмысленно, потому что ничего нового, кроме ходульных наставлений, она не получит. То ей хотелось покорить этого человека и заставить его служить себе в гораздо большей степени, чем он делал это для Алисы. Мелькали мысли, что он не женат, и какая бы это была победа – вдруг стать его женой и иметь в подчинении его и весь дом, а не только Наль и Алису. Но когда она вспоминала его взгляд, под тяжестью которого выходила из его кабинета, чуть не приседая к земле, – фантазии ее разлетались прахом, ей становилось страшно встретить эти глаза, от которых ничего не укроется. Снова Дженни думала об Алисе и ее жизни. Быть труженицей вроде сестры, сидеть часами за роялем или книгами, – Дженни приходила в ужас от перспективы всякого регулярного труда. Она окончательно решила не ходить к лорду Бенедикту. Раздражение, вызванное завистью к сестре, поднималось теперь в Дженни все с большей силой. В душе ее уже не было раскаяния, она перестала сожалеть о причиненных сестре обидах. «Так ей, дуре, и надо, – тоже мне юродивые, папенька с сестрицей», – думала Дженни. Она не сомневалась, что дура сейчас сидит в деревне и шьет Наль туалеты. Горькое чувство в ее сердце вызывалось не положением сестры, прижи-

валки, как она полагала, юной графини, а тем, что у нее отняли способную швею и усердную горничную. Дженни подошла к зеркалу и осталась недовольна собой. Кожа сегодня была какая-то сухая, на лице следы утомления, глаза не такие блестящие и даже губы побледнели.

Она открыла окно и стала разглядывать при свете дня свой туалет, присланный вчера портнихой. Он показался ей слишком ярким, даже кричащим.

Ярко-фиолетовый костюм с серебряным кружевом у ворота и такая же шляпа.

Когда луч солнца упал на материю, глазам стало больно. Портниха предлагала совсем иное сочетание красок, уверяя, что сама Дженни так ярка, что ее красота нуждается только в элегантной рамке. Но Дженни, боясь затеряться в толпе, не уступила уговорам. Теперь она раскаивалась, но было поздно.

Пасторша тоже отклонила совет портнихи надеть черный костюм, а пожелала платью зеленого цвета. И сколько ее ни уговаривала Дженни, она заказала себе ярко-зеленое платье и зеленую же шляпу. Каково же было отчаяние Дженни, когда мать еще надела ожерелье, подаренное ей на свадьбе Наль. Только категорическое заявление Дженни, что она сейчас же разденется и останется дома, заставило пасторшу снять бриллианты и прикрыть жирную белую шею.

– Вы, мама, столько лет ездили на скачки и неужели не заметили, что туда ожерелья не надевают.

Плотная фигура пасторши казалась втиснутой в облегающий зеленый футляр.

Когда-то красивые формы давно утратили свою прелесть, но владелица их, привыкшая слыть красивой женщиной, все еще считала себя таковой, в чем убеждали ее легкие и мимолетные победы. Теперь Дженни понимала, что обе они плохо и вульгарно одеты. Но было поздно. Друзья матери уже приехали за ними.

Дженни с тоской посмотрела на жалкий наемный экипаж, в который были впряжены две клячи. Мысленно она представила элегантную коляску, ежедневно приезжавшую за Алисой. И она еще раз вспомнила, что Алиса и пастор в деревне, и теперь подумала об этом с облегчением.

Экипаж тронулся; пасторше казалось, что она очаровательнее своей дочери, хотя и любила ее горячо, до обожания. Но сейчас Дженни была хмурой и совсем неинтересной. Мать с дочерью, с самого того вечера, когда ни Алиса, ни пастор не вернулись домой, больше о них не говорили. Но каждая знала, что мысль об Алисе гвоздем сидит в сердце другой. Щебеча пташкой, пасторша считала, что украшает путь на скачки, а Дженни сгорала со стыда и досады от бестолковости матери. И была рада, когда они наконец приехали. Сделав над собой усилие, Дженни постаралась улыбнуться своему кавалеру, предложившему ей руку. Она сразу же убедилась, что опасения ее были верны: несмотря на многотысячную толпу и яркость летних туалетов, их рыжие головы и кричащий цвет платьев не остались незамеченными, им вслед неслись фривольные замечания.

С трудом отыскав свои места, Дженни и пасторша стали рассматривать публику. Кавалеры обратили их внимание на то, что места находятся почти напротив королевской ложи. Высший свет, правда, не спешил рассаживаться. Но, наконец, и ложи стали наполняться публикой. Только три еще пустовали, из них одна королевская. Но вот послышался какой-то гул, возбуждение пробежало в толпе, это прибыла королевская чета.

Раскланявшись с публикой, устроившей овацию, король подал знак к началу скачек. Дженни и пасторша, рассмотрев королеву и дам из ее свиты, еще раз поняли, как была права портниха. Даже в пестрой толпе их туалеты бросались в глаза. Разглядывая ложи, Дженни вдруг вскрикнула, побледнела и опустила свой бинокль.

– Что с тобой? – с беспокойством спросила пасторша. – Я уколола палец о свою брошь, – небрежно ответила Дженни, – но теперь уже все прошло.

Скачки шли своим чередом, но Дженни ничего не слышала и не видела, кроме одной ложи. Она даже не замечала, что ее кавалер пристально за ней наблюдает. И тоже направил свой бинокль на ложу, соседнюю с королевской, от которой не могла отвести взгляда Дженни. Уви-

дев двух изысканно одетых, необычайно красивых женщин, мистер Тендль, как звали кавалера Дженни, разглядел за ними мощную и величественную фигуру прекрасного лорда Бенедикта, о котором столько говорил Лондон в этом сезоне. Рядом с лордом он увидел своего приятеля Сандру, чему немало удивился. Ему казалось, что Сандра просто болтает о своем знакомстве с лордом, а все оказалось правдой.

Затем Тендль увидел Николая и пастора, о котором ничего не знал, и лорда Мильдрей, которого много раз видел вместе с Сандрой и знал, что это его большой друг.

– Кто именно занимает ваше внимание в ложе лорда Бенедикта? Вы знаете Сандру, мисс Уодсворд? – спросил он свою даму, выказывавшую все признаки большого расстройства.

Дорого бы дала Дженни, чтобы вернуть себе самообладание и не выдать разрывавшей ей сердце тайны посторонним людям. Мысль, что мать увидит Алису и пастора и со свойственной ей бестактностью и невоспитанностью начнет сейчас же выкладывать всю подноготную, была для Дженни невыносима. И раздражение ее усиливалось от сознания, что она сама привлекла внимание соседа к ложе лорда Бенедикта. Ей даже показалось, что взгляд лорда упал на нее. Но от этого, к ее удивлению, ей не стало тяжелее. Напротив, что-то чистое, как прохладная струя воздуха, вдруг освежило ее. Пасторша, услышавшая имя Сандры, спросила:

– Разве Сандра здесь? Вы его видите, мистер Тендль?

– Да нет, мама, мистер Тендль просто рассказывает мне о Сандре, – выразительно глядя на своего кавалера, ответила Дженни.

В это время, как назло, индус встал с места и, перегнувшись вперед, подал Алисе коробку конфет. Сейчас, в светлом костюме, он был особенно экзотичен. На Сандру и две женские фигуры рядом, уже давно начавшие привлекать всеобщее внимание, направились сотни биноклей, в том числе и бинокль леди Уодсворд-старшей.

– А, так вот какие штучки откальвают наши тихони! Вот как! Мы сидим на трибуне, а они в лучшей из лож! Ну, милейшая Алиса, это вам даром не пройдет!

Пасторша была в бешенстве. Шляпа ее съехала набок, на щеках выступили красные пятна, глаза метали молнии. Она стала безобразна. Бедная Дженни, знавшая по опыту, что теперь уже ничто не удержит в границах приличия ее мать, ломала голову над тем, как бы уехать со скачек и увезти пасторшу домой, не дав ей учинить какой-нибудь скандал. Пасторша уже была готова вскочить со своего места и бежать к ложе лорда Бенедикта, чтобы изругать дочь и мужа, как почувствовала, что ее точно пригвоздила к месту чья-то рука и она была не в силах произнести ни слова. Она поняла, чей взгляд настиг ее и кто удержал ее в границах приличия.

Скакуны и жокеи сменяли друг друга. Страсти людей, их алчность и жадность то стихали, то разгорались снова. Только сердца Дженни и пасторши ни на минуту не отдыхали от сжигавшего их огня злобы, ревности и зависти.

– Посмотри, Алиса, мы считали, что наши туалеты броски. Вон там два платья, фиолетовое и зеленое. Вот это краски. В Испании – и то было бы ярко. Даже у нас в Азии такого не найдешь, – смеясь, говорила Наль.

Алиса, а вслед за ней пастор, Сандра и лорд Мильдрей подняли свои бинокли. «Ах!» вырвалось у всех одновременно. На лице Алисы, таком спокойном за мгновение до этого, не осталось ни кровинки.

– Что случилось? Что с тобой, дорогая? – спрашивала Наль, не узнав ни Дженни, ни пасторши на далеком расстоянии.

Алиса, мгновенно подумавшая о здоровье своей подруги, овладела собой, улыбнулась Наль и сказала, что действительно, туалеты дам кричащи и есть чему поучиться на их примере. И тут же перевела разговор, спрашивая, отчего так сосредоточенно молчит Николай.

– Этот день учит меня многому. В частности, Алиса, я учусь у вас. И если у меня когда-нибудь будет дочь, я назвал бы ее Алисой, в память об этом дне. Чтобы навеки запомнить, как следует нести свои страдания, – прибавил он тихо, нагнувшись к девушке.

Настал перерыв. Двери ложи лорда Бенедикта то и дело открывались, выпуская кого-либо из его великосветских знакомых, не забывавших подать дамам цветы или конфеты, так что Наль и Алиса решили, что их кавалерам не избежать роли грузчиков на обратном пути. Перерыв окончился, скачки возобновились, а королевская чета все оставалась на своих местах, почему и знать не считала себя вправе оставить скачки. Но лорд Бенедикт, еще раз пристально поглядев на два ярких пятна на трибунах, шепнул своим спутникам, чтобы они выходили из ложи.

Алиса, для которой эта пытка становилась невыносимой, вышла сразу же за лордом Бенедиктом и вместе с Сандрой поспешила к выходу. Быстро подкатили вызванные швейцаром коляски, так как разъезд – а его особенно любили дамы, ибо демонстрировали свои туалеты главным образом тогда, когда красовались, якобы поджидая свои коляски, – еще не начался.

Силы Алисы истощились. Но чудное лицо Флорентийца, доброе, нежное, полное любви и ласки, склонилось к ней, – и волна радости и мира охватила ее.

Сандра был необычно молчалив. Лицо его потеряло обычное, по-детски добродушное выражение. Он казался старше благодаря каким-то новым, внезапно появившимся на его лице суровым складкам. Алиса, впервые увидевшая Сандру таким, была поражена тем, как может внезапно меняться человек, словно перескочив из одного возраста в другой.

– Ну, что призадумался, мудрец? – внезапно раздался голос Флорентийца.

– Я не могу не думать о пасторе: мне кажется, мисс Алиса, что ваше поведение, ваша кротость и доброта невозможны на Земле. Вы посланы на нее для утешения грешников. Я думаю о том счастье, какое нашел в вас ваш отец, о той уверенности, какую он должен ощущать, оставляя Земле такой перл, – все с тем же суровым лицом говорил Сандра, не глядя на своих спутников.

– Другими словами, ты не можешь разделить в своем сердце отца и дочь, – улыбаясь, ответил Флорентиец. – И оба взяли тебя в плен своими чарами.

Теперь жизнь без пастора и Алисы уже теряет для тебя что-то в своей привлекательности?

– Да, лорд Бенедикт. Завтрашний день, когда я не услышу голоса моего дорогого друга и не увижу его добрейших глаз, не смогу принести этому честнейшему сердцу все свои маленькие скорби, будет горек мне. Должен сознаться, я слаб сейчас, и каждое свидание с пастором, который тает на глазах, разрывает меня на части. А на сегодняшних скачках мне открылась вся жизнь этого подвижника. И я понял, как часто я бывал глуп, груб и бестактен в его доме.

Сандра смотрел в окно, но ничего перед собой не видел. Его черные глаза точно потухли и смотрели в себя, слезы текли по его щекам.

– Сын мой, мой друг. Ты страдаешь в эту минуту. Ты думаешь об уходящей жизни и о себе, о том, как будешь страдать, лишившись верного друга. Но ты забыл, что перед тобой, – хоть ты и причислил ее к ангелам небесным, – сидит дочь оплакиваемого тобой пастора. Дочь – юная женщина из плоти и крови, – чьему сердцу много мучительнее, чем твоему. Считаешь ли ты, что сейчас по отношению к ней ты полон такта?

– Нет, лорд Бенедикт, я понимаю, что я не только бестактен, я еще и жесток. Но если бы я не высказался сейчас, я умер бы от боли в сердце. Я еще не научился мудрости жить так, чтобы сила любви несла меня легко сквозь все препятствия дня.

– Возьми мою руку, Сандра. Пройдут годы, ты будешь главой семьи, главой университета, большим ученым. Но того момента, когда ты был слабее женщины, – не забудешь никогда. И больше в твоей жизни не случится той бури протеста против смерти, в какой ты живешь сейчас. Ты узнаешь, что смерти нет. Что есть вечная сила обновляющей вселенную Любви. Что есть только мудрая красота, раскрывающая для каждого врата радости жить и трудиться. Не

плакать о пасторе ты должен, но отдавать ему силу и мужество, чтобы он мог уйти отсюда, взяв у каждого из нас последний дар нашей любви. Плоха любовь, напутствующая друга слезами.

Коляска подкатила к подъезду, и вскоре все общество сидело за обедом. С необычным тактом хозяин направлял разговор за столом и так развлек своих гостей, что тяжелые впечатления от скачек стерлись из их памяти. Тотчас же после обеда дом лорда опустел, так как все его обитатели вновь уехали в деревню.

Как только Дженни и пасторша увидели, что ложа лорда Бенедикта опустела, всякий интерес к скачкам у них пропал. Теперь, к своему удивлению, Дженни почувствовала одиночество и печаль. Казалось бы, с отъездом отца и особенно сестры ей должно было стать легче. А Дженни овладело чувство, точно она внезапно осиротела. Ей хотелось поскорее вырваться отсюда, но, представляя свой молчаливый дом, она готова была ехать куда угодно, только бы не оставаться вдвоем с матерью. Как много отдала бы сейчас Дженни, чтобы застать дома отца и музицирующую Алису. Теперь ей казалось, что в звуках этих была жизнь. Ушли звуки, воцарилось молчание, ничем не заполненное, тоскливое, от которого хочется бежать... Дженни с ужасом думала о возвращении.

Кавалеры предложили дамам пообедать в каком-нибудь ресторане, на что пасторша охотно согласилась. А Дженни все же предпочла свой одинокий дом обществу матери и ее кавалера, которые сошли у первого же приличного ресторана. Мистер Тендль, оставшись с девушкой, старался всячески рассеять ее угрюмость, в чем отчасти и преуспел. Его доброта и такт невольно подкупили Дженни. В разговоре он раскрывался перед ней как человек недюжинного ума, высокого образования и большой эрудиции.

Дженни пристально поглядела на своего собеседника и встретила с его большими серыми глазами, вдумчиво и пытливо смотревшими на нее. Рыжеватый блондин с вьющимися волосами, высокого роста, отлично сложенный и загорелый, мистер Тендль был чрезвычайно интересным мужчиной.

Когда коляска остановилась перед домом пастора, он помог Дженни сойти и приподнял свою шляпу, чтобы с ней проститься. У девушки сжалось сердце.

Сейчас она останется одна в молчащем доме. Одна со своими мыслями, от которых хочется бежать. Должно быть, лицо ее отразило такую тоску, что она передалась доброму человеку, пожелавшему помочь ей в ее печали.

– Не хотите ли вы, леди Уодсворд, – сказал он голосом, полным уважения, – превратиться на сегодня в студентку. Мы отпустим коляску, вы переоденетесь, как подобает вольнослушательнице, и на omnibusе мы отправимся обедать в парк.

– Я очень хотела бы принять ваше предложение, но...

– Но не знаете, как это согласуется с этикетом. С этим не стоит считаться. Во-первых, вы уже не раз нарушали этикет, а во-вторых, парк так велик, что вряд ли вы рискуете встретить там своих знакомых. А в-третьих, нужно выбирать не условное и внешнее, ничего не стоящее, а глубокие, сокрытые в себе ценности, которые требуют забот и внимания. Иногда они заставляют нас прислушиваться к себе особенно бдительно. Обстановка, в которой мы никогда не бывали, в этих случаях может внезапно осветить порывы, неясные нам самим.

– Я согласна, – тихо ответила Дженни. – Сейчас этот молчащий дом мне кажется гробом.

Отпустив коляску, молодые люди вошли в переднюю. Дженни проводила гостя в зал, предложив ему просмотреть последние научные журналы. Снисходительно улыбаясь, она объяснила удивленному гостю, что отец ее считает себя не только большим певцом, но еще и большим ученым. А на самом деле он только скромный пастор.

– Как, – весь изменившись в лице, вскричал мистер Тендль, – значит, я в доме знаменитого ученого, философа, чья книга выйдет не сегодня завтра из печати и о которой уже сейчас говорят ученые. Боже мой, как я мечтал с ним познакомиться. Мне говорили, что помимо учености он еще и совершенно изумительных качеств человек. Так это он и есть ваш отец?

– Отец ничего не рассказывал мне о своей книге, – холодно и высокомерно ответила Дженни. – Не путаете ли вы его с кем-нибудь из Уодсвордов. Их ведь много, – с тайной досадой проговорила Дженни.

– Пастор Уодсворд, автор выдающейся книги, может быть только один, леди Уодсворд. Ведь имя вашего отца Эндрью?

– Да, но в нашей семье до сих пор никто не знал, что глава ее такое светило. Отец очень скрытен и не любит рассказывать о своих делах. Впрочем, с Сандрой они постоянно погружаются в умствования.

– Счастливец Сандра! И как только ему удалось познакомиться с вашим отцом. К лорду Бенедикту он, конечно, проник через своего друга, лорда Мильдрея.

– Ошибаетесь. Сандра был близок с лордом Бенедиктом давно. Он индус, познакомился с лордом еще в Индии, и связь их идет от детских лет Сандры. И это Сандра ввел лорда Мильдрея в дом Бенедиктов. Что же касается моего отца, то он всю жизнь искал молодые таланты и всюду им протезировал. Я вас покину, мистер Тендль, с вашего разрешения, чтобы явиться к вам в образе скромной студентки.

Войдя в свою комнату и сбросив с себя яркое платье, ставшее ей ненавистным, Дженни надела простой черный костюм и такую же шляпу. И показалась себе гораздо милее, чем в кричащем фиолетовом туалете. В мыслях ее был сумбур. Чужой человек называет отца светилом, великим ученым, а она и мать всю жизнь считали его странным, склонным к юродству человеком. В чем же дело? Почему отец ни слова не говорил о своей книге? Правда, он всю жизнь над чем-то работал, и что-то постоянно переписывала для него Алиса. Но ей, Дженни, все это казалось пустой забавой человека, которому не удалась его жизнь, и от нечего делать он начал искать утешение в науке. Неудачники вечно носятся со всякими идеями, и вдруг... книга и слава отца, – а она так далека от него и даже не знает, вернется ли он домой завтра.

Возвратившись в зал, Дженни застала своего гостя погруженным в какую-то статью. Мистер Тендль так углубился в чтение, что даже не сразу пришел в себя и понял, где он и кто перед ним. Опомнившись, он весело рассмеялся и вежливо извинился перед Дженни за свою рассеянность.

– Очевидно, – сказал он, – люди, в ком живет страсть к науке, одинаково рассеянны. Простите великодушно, мисс Уодсворд.

Молодые люди вышли, но Дженни, привыкшая ощущать себя красавицей, оскорбилась оттого, что мистер Тендль, увлекшись статьей, и не посмотрел на нее. Наоборот, она поймала взгляд сожаления, украдкой брошенный на книгу, от которой ему уже не хотелось отрываться.

По ассоциации она вспомнила об отце и Алисе, в ее сердце ожила ревность, и она впала в мрачность. Ее спутнику пришлось потратить немало усилий, чтобы вызвать улыбку на ее лице. Обед в парке несколько отвлек внимание Дженни от пережитых волнений. Много из того, о чем говорил ей мистер Тендль, ее удивляло. Много было ново и неожиданно. И все же ни разу Дженни не задумалась, кто же этот милый человек. Не поинтересовалась его судьбой.

Она принимала его общество, как необходимый ей сегодня рецепт, который можно выбросить завтра, ибо в нем не будет больше нужды.

Вернувшись домой раньше матери, Дженни заперлась у себя в комнате и легла спать, лишь бы ни о чем не думать.

Так завершился этот тревожный и печальный для всех наших героев день.

Глава VI

Болезнь и смерть пастора. Его завещание

Благополучно добравшись до деревни и прокатившись на лошадях по залитой лунным светом дороге, слегка утомленные спутники лорда Бенедикта разошлись по своим комнатам. Только пастор остался внизу, в кабинете хозяина.

– Вероятно, это одна из последних моих лунных ночей, когда я могу еще ценить красоту Земли, которую так любил. Как много раз я напутствовал людей, уходящих к престолу Отца. И как редко видел истинное знание и истинную веру.

И как часто старался я победить в них страх. Теперь, когда сам иду к Отцу моему, понимаю, что это не страх давит человека, но сознание бесполезно и бесплодно прожитой жизни. Сознание недостаточной верности заветам любви, недостаточной чистоты прожитой жизни.

– Нет смерти, дорогой друг. С последним физическим дыханием дух оставляет форму, в которой жил на Земле. Современный человек впитывает в себя столько предрассудков, что не понимает даже, как жизнь – великая Жизнь – движется вокруг него и в нем самом. Если бы в вашем сердце не жил тот Свет, который сейчас окружает нас обоих и все вокруг нас, – в вас не было бы той высокой чести, в какой вы жили и живете. В сердце человека, сообразно его развитию, оживают одно за другим качества Той единой Жизни, что он носит в себе.

Качество, доходя до своего полного развития, переходит в силу, живую, всегда активную. Оно перестает быть только свойством человека. Оно льется, как кровь, по его жилам, как светоносная материя любви; раскрывается, наконец, как оживший аспект Жизни вечной в нем. Все, в чем человек смог дойти в своем развитии до конца, стало аспектом его божественного духа, его внутренним творческим огнем. Когда физическая форма становится мала ожившему духу человека, когда он вырос из нее, как юноша из детского платья, – человек меняет форму, а мы называем это смертью.

Ваша жизнь, как ни строго вы судите ее, – безупречна. И встреча наша не случайность, но великая радость, посланная нам обоим. До сих пор я был в долгу у вас, мой верный, преданный друг.

– Я вас не понимаю, лорд Бенедикт. Это верно, что я испытываю какое-то чувство большой близости, словно бы когда-то давно был знаком с вами. Но... кто раз узнает вас, тот иначе себя подле вас и не может чувствовать. Ваша доброта и сила обаяния подчиняют себе всех.

– Вы никогда не думали о жизни людей на Земле, как о жизни вечной, а не отрезке от рождения до смерти. А между тем, это ряд земных жизней на протяжении веков. Нет в небесах места, где отдыхают. Живое небо трудится так же, как и живая Земля. Мы уходим отсюда, трудимся, учимся, живем в облегченных формах, по иным законам, точно так же как на Земле мы можем жить только по законам Земли.

И на этой Земле вы бывали уже не раз, и не раз встречались со мною. Но то были встречи мимолетные, и каждый раз я бывал чем-нибудь вам обязан и оставался вашим должником. В последнюю же нашу встречу вы спасли мне жизнь.

Я искал вас теперь долго, чтобы отплатить за все ваши благодеяния. Только несколько месяцев тому назад, в Москве, я узнал, что вы в Лондоне и что вы пастор. Узнал все о вашей жизни от моих друзей, которые потеряли ваш след в Венеции и шли неверным путем, ища вас в артистических кругах.

Как только я получил это известие, я изменил свой план и приехал сюда, где немедленно же вас отыскал. Примите теперь все мои услуги вам и Алисе как возвращение моего векового долга. И не будем больше говорить об этом. Здесь все светло, все сияет. Что же касается второй половины вашей семьи, одно могу сказать: все, что будет возможно, я сделаю для Дженни и вашей жены.

Боюсь, что это будет бесполезно, но все же сделаю.

– Как странно я себя сейчас чувствую, лорд Бенедикт. Точно я становлюсь легким-легким и действительно вспоминаю давнишнее знакомство с вами.

Удивительное спокойствие и мир нисходят в мою душу. И не столько от ваших слов, сколько от вашего присутствия, от какой-то особенной вашей доброты, от какого-то мужества и силы почти нечеловеческих, которыми веет от вас.

Примите благоговейную благодарность уходящей души за ту ясность и спокойствие, которые вы влили в нее. Благодаря вам мое прощание с Землей полно величия. Что касается моей жены и Дженни, – Боже мой, как много сил я потратил, чтобы охранить их от зла. И тут вы меня утешили, и их я оставляю под вашей защитой. Я видел ясно, как постоянное раздражение и жажда роскоши и праздной жизни все теснее сближают их с людьми лживыми, неустойчивыми и даже бесчестными. Я видел, как они тонут в мелочных мыслях и чувствах. Как их вечное бурление оборачивается постоянной сосредоточенностью на самих себе. Но я не мог найти хоть каплю доброты в их сердцах.

– Перестаньте думать о них, мой милый лорд Уодсворд. Ваше время на Земле теперь принадлежит только вам. В эти последние дни текущего воплощения я пришел, чтобы дать вам то знание, которого вы искали всю жизнь и для которого вы проложили себе дорожку ногами тех, кто приходил к вам за утешением и уходил не только утешенным, но и с сознанием, что у него есть друг. К вам приходили за миром, а уходили не только в мире, но и в радости понимания своего права на жизнь, на счастье, на труд.

Сбросьте с себя все путы условностей, что мешают вам общаться в огне и духе. Все слезы, скорби, страсти, что собрало ваше сердце, как в чашу, уже горят не в одном вашем сердце, но и в моем, и в сердцах целого ряда светлых людей, поставивших себе целью общее благо. На вас нет уже ни оков условной любви, ни оков предрассудков. Живите все эти дни, как живут после смерти всего личного. Живите, благословляя каждый день в мужестве и мудрости, в любви неугасимой Великой Матери Жизни.

Не только дочери вашей Алисе, но и юному обожателю вашему Сандре, а также тайно и очень глубоко страдающему Мильдрею, и моим детям, Наль и Николаю, всем преподайте великий урок мудреца, прощающего с земной жизнью радостно и спокойно, чтобы начать, вернее, продолжить труд жизни вечной.

Рассматривайте все эти дни как дни заслуженного беззаботного отдыха и пожинайте плоды разбросанной, как горсть драгоценных камней, любви на Земле.

Флорентиец проводил пастора в его прекрасную комнату, из которой открывался вид на залитый луною парк.

– Я незаслуженно счастлив, лорд Бенедикт. Я даже и мечтать не мог о красоте, в какой живу сейчас. И если вы говорите, что в долгу у меня, то что же сказать мне? Я молился Отцу, чтобы отойти в мире, и я не находил его. Вы помогли раскрыться сердцу моему не только в мире, но и в полной радости. Как прекрасна жизнь! Как могуч и велик росток этой жизни в человеке, если он веками меняет форму и вновь живет! Только сейчас мне это до конца ясно.

Зачем же церковь учит оплакивать смерть? Зачем учит: «Упокой со отцы», если только в самом себе можно обрести покой. И найти его – я понял, – можно, только живя в свете. Да, нужно учить, как жить в свете, пока человек трудится на Земле, а не как упокоиться с отцами.

– Спокойной ночи, лорд Уодсворд, до завтра. Вот вам еще пилюля, она принесет вам сон.

Флорентиец подал пастору лекарственную конфету, крепко пожал ему руку и, еще раз пожелав спокойной ночи, спустился к себе вниз. Пастор, посидев еще немного в тишине, почувствовал такое сильное желание спать, что едва успел раздеться, как мгновенно заснул.

Казалось, весь дом спал, погруженный в тишину. Но сам хозяин сидел за письменным столом и писал письмо, иногда пристально вглядываясь во что-то вдалеке. Дверь на террасу была открыта, аромат цветов проникал в комнату.

Изредка ветерок колебал пламя свечей и заставлял огонь переливаться и играть золотом волос писавшего. Внезапно Флорентиец поднял голову, прислушался к чему-то и, покачивая головой, тихо сказал:

– Алиса, Алиса, я надеялся, что у тебя будет больше сил сегодня. Сойди сюда, если тебе так трудно и тяжело. Я думал, ты поняла, что должна поддержать отца и превратить в земной рай его последние дни, а ты предаешься печали о себе. Перестань плакать и приходи сюда.

А Алиса, вернувшись в свою комнату, накинула белый фланелевый халат, распахнула дверь на балкон, опустилась в кресло и застыла в горьком сознании неизбежной разлуки с обожаемым отцом. Она вспоминала. Ни разу она не видела отца раздраженным. Ни разу он не вошел в дом без улыбки. Какой бы скорбью ни болело его сердце, он входил в дом, неся ласковое слово каждому. Многое, чего не понимала Алиса в детстве, стало ясно ей теперь. Но ее детское сердце разгадало драму отца. И каждое ее движение, каждое дело дня – все было единым стремлением: защитить отца, не дать ему заметить ничего тяжелого, отвести от него очередной удар.

Два сердца, две жизни, отца и дочери, слились в одно целое. И теперь... отрывалась часть ее сердца. Не отец уходил, но от ее собственного сердца отрезалась половина. День без отца... И Алиса изнемогала от муки. Вся тонула в той крови, что, казалось ей, сочилась из ее сердца. Она сидела без мыслей, без надежд, придавленная страданием, точно слыша, как из сердца ее каплет кровь, собираясь вокруг нее целым озером.

Внезапно, точно электрический ток, пробежала по ней какая-то сила.

Девушка вспомнила все, что лорд Бенедикт говорил ей за последние дни. Так ярко вспомнила, точно услышала его голос; сейчас, в ночной тишине, он звал ее к себе. Она – мгновение назад такая обессиленная – встала и отерла глаза.

Образное представление своих страданий, как текущей из сердца крови, было так сильно, так ярко, что ей казалось, что и сейчас из сердца ее каплет кровь. Она зажала сердце руками и посмотрела себе под ноги, желая убедиться, не стоит ли она в луже крови.

Бросив взгляд вниз, в сад, она увидела лорда Бенедикта, который звал ее жестом руки. Она сошла с лестницы и увидела, что он стоит на пороге своего кабинета.

– Войди, дитя, – сказал он, закрывая за нею дверь. – Мы с тобою да еще один человек в доме не спим в эту ночь. Остальные нашли силы быть мудрыми и принять жизнь, как она идет. Ты думаешь, что не спит Сандра. Нет, индусу я дал успокоительных капель, он спит, как и твой отец. Не спит тот, кто ни словом не обмолвился о твоих и своих страданиях. Не спит лорд Мильдрей, сердце которого разрывается от твоей драмы, от твоей тоски. Чтобы остановить кровь, текущую сейчас из твоего сердца, он рад был бы лечь на плаху. И сейчас, внешне спокойный, мечется, как тигр в клетке, не находя никакого решения. Не плакать, не истекать кровью тебе надо, дочь моя. Но вспомнить, как у вечного огня ты обещала нести утешение и помощь людям. Что толку сидеть и плакать? Разве неизбежное не свершится потому, что ты плачешь? В ком может найти отец твой силу и отдых сейчас? Сейчас, когда ему предстоит переменить форму своей жизни. Ты привыкла называть эту перемену смертью. Но смерти нет, это наше заблуждение. Я уже говорил тебе: пока живешь – не теряй ни мгновения в пустоте. Ищи творить сердцем. А в слезах нет места творящей силе. О чем бы ни плакал человек, он плачет о себе. Высшая форма человеческой любви – это действие, энергия. Тот, кто мужается, только тот вступает на высокий путь благородства и самоотвержения. И только в таком бесстрашном сердце нуждается жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.